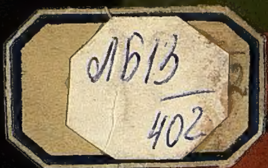

ФЕССОРА ОКСФОРДСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ПО ФАКУЛЬТЕТУ НОВОЙ ИСТОРІИ:

Э. Баркеръ, Г. В. К. Дэвисъ, А. Гассоль, Л. Г. Уикгемъ Леггъ, Ф. Морганъ, К. Р. Л. Флетчеръ.

ИЗЪ-ЗА ЧЕГО МЫ ВОЮЕМЪ?

Второе ПОЛНОЕ изданіе

съ приложеніемъ англійской версіи Германской Бѣлой Книги, опубликованной Германскимъ Правительствомъ и дополненной документальными данными.

Издательство „Библіотека Великой Войны".
ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

ПРОФЕССОРА ОКСФОРДСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ПО ФАКУЛЬТЕТУ НОВОЙ ИСТОРІИ:

Э. Баркеръ, Г. В. К. Дэвисъ, А. Гассоль, Л. Г. Уикгемъ Леггъ, Ф. Морганъ, К. Р. Л. Флетчеръ.

ИЗЪ-ЗА ЧЕГО МЫ ВОЮЕМЪ?

ВТОРОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ

съ приложеніемъ англійской версіи Бѣлой Германской книги, опубликованной Германскимъ Правительствомъ и дополненной документальными данными.

ПЕТРОГРАДЪ.
Издательство „Библіотека Великой Войны".
1915.

Тип. Петр. Т-ва Печ. и Изд. дѣла «Трудъ», Кавалергардская, 40.

Предисловіе.

Мы не политики, и принадлежимъ къ различнымъ направленіямъ политической мысли. Эту книгу написали мы съ цѣлью выяснить причины текущей войны, и тѣ принципы, которые ею, по нашему мнѣнію, затронуты. Мы имѣемъ нѣкоторый опытъ въ обращеніи съ историческими свидѣтельствами и мы старались трактовать нашу тему исторически. Наша пятая глава, которая для многихъ читателей представитъ, пожалуй, наибольшій интересъ, основана на первоисточникахъ: документахъ, содержащихся въ британской Бѣлой книгѣ (Parliamentary Paper, Cd. 7467)—мы ее будемъ цитировать подъ заглавіемъ «Переписка»—и въ германской Бѣлой книгѣ, представляющей оффиціальную апологію, дополненную документальными данными. Германскую Бѣлую книгу, какъ трудно доступную, мы напечатали in extenso. Она существуетъ въ двухъ версіяхъ—нѣмецкой и англійской — причемъ обѣ опубликованы германскимъ правительствомъ. Мы воспроизвели здѣсь англійскую версію буквально, не исправляя даже грамматическихъ погрѣшностей. Изъ англійской Бѣлой книги мы перепечатали, во второмъ приложеніи [1]), краткое извлеченіе наиболѣе важныхъ документовъ; нѣкоторые другіе документы цитированы въ текстѣ.

---

[1]) Это приложеніе опущено въ настоящемъ переводѣ: англійская «Бѣлая книга» издана и по-русски (Петроградъ, 1914) въ 2 переводахъ.

Мы считаемъ своимъ долгомъ выразить благодарность сэру Эрлю Ричардсу, профессору Чичелевской кафедры международнаго права и дипломатіи, а также г-ну В. Д. С. Адамсу, профессору Гладстоновской кафедры политическихъ теорій и учрежденій, за тѣ цѣнныя указанія, которыми они пришли намъ на помощь.

Впрочемъ отвѣтственность за содержаніе книги падаетъ исключительно на лицъ, подписавшихся подъ этимъ предисловіемъ.

Доходъ отъ продажи книги поступитъ въ фондъ помощи Бельгіи въ знакъ нашей симпатіи и нашего уваженія къ бельгійскому народу и въ особенности къ Лувенскому университету.

Э. Баркеръ, Г. В. К. Дэвисъ, Артуръ Гассоль, Л. Д. Уикгемъ Леггъ, Ф. Морганъ, К. Р. Л. Флетчеръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главнѣйшія даты.

1648	годъ,	январь. Мюнстерскій договоръ.
1648	»	октябрь. Вестфальскій договоръ.
1713	»	апрѣль. Утрехтскій договоръ.
1772	»	Первый раздѣлъ Польши.
1783	»	Вильгельмъ Нассаускій становится великимъ герцогомъ Люксембургскимъ.
1788	»	іюль. Тройственный союзъ Англіи, Голландіи и Пруссіи.
1789	»	Начало французской революціи.
1792	»	6 ноября. Битва при Жемаппѣ. Франція завоевываетъ австрійскіе Нидерланды и Льежъ.
1792	»	19 ноября. Французскій декретъ, предоставляющій «свободу всѣмъ народамъ».
1792	»	15 декабря. Принудительное провозглашеніе свободы.
1793	»	январь. Второй раздѣлъ Польши.
1793	»	1 февраля. Объявленіе войны Франціей Англіи и Голландіи.
1795	»	Третій раздѣлъ Польши.
1801	»	9 февраля. Люневильскій договоръ. Франція гарантируетъ независимость Голландіи (такъ называемой, «Батавской республики»).
1802	»	27 марта. Амьенскій договоръ.
1803	»	13 марта. Знаменитый разговоръ Наполеона съ лордомъ Уитвортомъ.
1803	»	12 мая. Объявленіе Англіей войны Франціи.
1814	»	1 марта. Шомонскій договоръ.
1814	»	30 мая. Первый Парижскій миръ.
1814	»	29 сентября. Открытіе Вѣнскаго конгресса.
1815	»	мартъ—іюнь. Сто дней.
1815	»	31 мая. Бельгія и Люксембургъ оказываются подъ властью принца Оранскаго, какъ короля объединенныхъ Нидерландовъ.
1815	»	20 ноября. Второй Парижскій миръ.
1830	»	Революція во Франціи (іюль) и Бельгіи (августъ).
1830—1878	г.г.	Сербія пріобрѣтаетъ самостоятельность.
1831	годъ,	15 ноября. Независимость и нейтралитетъ Бельгіи гарантированы Англіей, Австріей, Франціей, Пруссіей и Россіей.
1839	»	19 апрѣля. Окончательное признаніе независимости и нейтралитета Бельгіи вышеупомянутыми державами.

1867	годъ,	11 мая. Европейская гарантія нейтралитета Люксембурга. Заявленіе лорда Стэнли и лорда Кларендона.
1870	»	9 августа. Независимость и нейтралитетъ Бельгіи вновь гарантированы Германіей и Франціей.
1871	»	10 мая. Франкфуртскій договоръ.
1872	»	«Dreikaiserbund»: союзъ между Россіей, Германіей и Австріей.
1875	»	Грозившее Франціи со стороны Германіи нападеніе предупреждено вмѣшательствомъ Россіи и Англіи.
1878	»	Берлинскій договоръ.
		Провозглашеніе независимости Сербіи съ королемъ Миланомъ во главѣ.
1879	»	Тайный договоръ между Германіей и Австріей.
1883	»	Тройственный союзъ между Германіей, Австріей и Италіей.
1885	»	Объединеніе Болгаріи.
		Война между Болгаріей и Сербіей.
1886	»	Миръ между Болгаріей и Сербіей.
1890	»	Паденіе Бисмарка. Уступка Гельголанда Германіи.
1891	»	Начало сближенія между Россіей и Франціей.
1893	»	Военный законъ Каприви.
1896	»	Германія начинаетъ обнаруживать аггрессивныя тенденціи въ области колоніальной политики.
		Договоръ между Англіей и Франціей относительно ихъ интересовъ въ Индо-Китаѣ.
		Окончательный союзъ Россіи съ Франціей.
1898	»	Завоеваніе Судана.
		Рескриптъ Государя Императора съ предложеніемъ международной конференціи мира.
1899	»	Англо-французское соглашеніе относительно Триполи.
		іюнь. Первая мирная конференція въ Гаагѣ.
		Новый военный законъ въ Германіи.
1902	»	Англо-японскій союзъ.
		Окончаніе южно-африканской войны.
1903	»	Революція въ Бѣлградѣ.
1904	»	апрѣль. Лондонскій договоръ между Англіей и Франціей относительно Сѣверной Африки.
1905	»	мартъ. Посѣщеніе Танжера германскимъ императоромъ.
		іюнь. Германія требуетъ отставки Делькассе.
		августъ. Портсмутскій договоръ между Россіей и Японіей.
		Возобновленіе англо-японскаго союза.
1907	»	Соглашеніе между Россіей и Англіей относительно Персіи, Афганистана и Тибета.
		іюнь—октябрь. Вторая мирная конференція въ Гаагѣ.

1908 » Младотурецкая революція въ Константинополѣ.
октябрь. Аннексія Босніи и Герцеговины Австріей.
Законъ о флотѣ въ Германіи.
1909 » мартъ. Сербія заявляетъ, что она не будетъ болѣе протестовать противъ аннексіи Босніи Австріей.
Рѣчь Асквита о необходимости увеличенія флота.
1910 » Потсдамское свиданіе Государя Императора съ кайзеромъ.
1911 » Европейскій кризисъ въ связи съ вопросомъ о Марокко и болѣе тѣсное англо-французское сближеніе, какъ результатъ его.
Военный законъ въ Германіи.
1912 » Сенсаціонный военный законопроектъ Германіи.
Балканская война.
26 ноября. На военное судостроеніе Германія ассигнуетъ 11.416.700 ф. ст.
29 декабря. Мирная конференція балканскихъ государствъ и Турціи прервана.
1913 » 17 января. Г-нъ Пуанкаре избранъ президентомъ Французской Республики.
23 января. Младотурецкая партія низвергаетъ константинопольское правительство.
26 мая. Между Турціей и балканскими государствами заключенъ миръ.
28 мая. Въ Германіи новый военный законопроектъ проходитъ черезъ бюджетную комиссію рейхстага.
20 іюня. Всеобщая воинская повинность въ Бельгіи.
26 іюня. Совѣщаніе между президентомъ Французской республики, французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и сэромъ Эдуардомъ Греемъ.
30 іюня. Болгарія подвергается нападенію Сербіи и Греціи.
Новый военный законопроектъ въ Германіи.
іюль. Румынія нападаетъ на Болгарію.
Турки снова занимаютъ Адріанополь.
Новый военный законопроектъ въ Россіи.
Военный законопроектъ во Франціи.
6 августа. Мирный договоръ между Болгаріей, Сербіей, Греціей и Румыніей.
22 сентября. Мирный договоръ между Болгаріей и Турціей.
20 октября. По требованію Австріи Сербія отказывается отъ притязаній на Албанію.
Военный фондъ Австріи увеличенъ.
1914 годъ. Нападки германской прессы на Францію и Россію.

ГЛАВА I.

Нейтралитетъ Бельгіи и Люксембурга.

I.

Королевство Бельгія создано сравнительно недавно, но идея бельгійской націи старше, чѣмъ королевство. И исторически, и географически королевство носитъ, безъ сомнѣнія, искусственный характеръ; его границы, установленныя великими державами, перерѣзываютъ старыя провинціи Нидерландовъ. Необходимо къ тому же прибавить, что населеніе его разнородно какъ по расѣ, такъ и по языку. Тѣмъ не менѣе, эти обстоятельства ничуть не уменьшаютъ законнныхъ правъ Бельгіи, какъ націи. Она есть суверенное государство по тому же праву, какъ Италія или Греція; вмѣстѣ съ тѣмъ соглашеніемъ Европы она торжественно объявлена нейтральнымъ государствомъ, что даетъ ей особыя преимущества, но и возлагаетъ на нее соотвѣтственныя обязательства. Пока эти преимущества охранялись—а они строго охранялись въ теченіе болѣе, чѣмъ восмидесяти лѣтъ—бельгійскій народъ пунктуально выполнялъ свои обязательства; и за то, что бельгійцы отказались обмануть Европу, ставъ въ зависимость отъ могущественнаго сосѣда, или принявъ участіе въ нарушеніи публичнаго права Европы, страна ихъ представляетъ собой нынѣ пустыню, покрытую дымящимися развалинами.

Во время ужаснаго, но отнюдь не сокрушившаго ее испытанія въ августѣ 1914 года, Бельгія доказала, что она имѣетъ и другія права на существованіе и уваженіе, кромѣ тѣхъ, которыя обезпечены за ней трактатами, завистливымъ соревно-

ваніемъ сосѣдей или положеніями международнаго права. Она дала болѣе, чѣмъ достаточно, свидѣтельствъ, отличающихъ истинную національность отъ фиктивной. Всѣ тѣ, которые до сихъ поръ видѣли въ Бельгіи лишь кипучій муравейникъ мануфактурной и горной промышленности, или страну историческихъ реликвій и памятниковъ, вынуждены теперь, не безъ краски стыда за свою бывшую слѣпоту, признать высокія моральныя и духовныя качества, выработанныя бельгійскимъ народомъ подъ эгидой европейской гарантіи. Въ настоящее время не можетъ подлежать спору, что если бы Бельгія была стерта съ европейской карты, это было бы позоромъ для Европы, и міръ сталъ бы отъ этого бѣднѣе. Доказательства своего національнаго существованія, данныя Бельгіей, не будутъ забыты до тѣхъ поръ, пока свобода имѣетъ какую либо цѣну, а патріотизмъ какое либо значеніе среди людей. Мы можемъ здѣсь дать лишь слабый отголосокъ всеобщаго восхищенія передъ непреоборимой силой національныхъ идеаловъ, обрекшихъ Бельгію въ жертву современнымъ Гуннамъ, которымъ еще менѣе можно простить, нежели тѣмъ, которыми предводительствовалъ Атилла. Но было бы неправильно думать, что дѣло, отстаиваемое Бельгіей противъ ея угнетателя, имѣетъ своей основой исключительно или преимущественно ея особыя достоинства. Оно специально покоится на тѣхъ законныхъ правахъ и обязанностяхъ, которыми Бельгія облечена къ выгодѣ своихъ сосѣдей и ко благу всей системы европейскихъ государствъ. Скорѣе въ интересахъ этихъ послѣднихъ, чѣмъ въ интересахъ самой Бельгіи, создали великія державы суверенное и независимое бельгійское государство. Въ качествѣ таковаго, Бельгія совершенно такъ же, какъ Англія, или Германія, имѣетъ право ожидать, что она не подвергнется не вызванному ею нападенію. Но державы, сдѣлавшія ее суверереннымъ государствомъ, сдѣлали ее также, и опять-таки, руководствуясь тѣми-же соображеніями своей собственной выгоды, государствомъ нейтральнымъ. Это лишало ее права заключать, въ интересахъ своей безопасности, союзы на тѣхъ условіяхъ, которыя она считаетъ выгодными. Она не имѣла права присоединяться ни къ одному изъ тѣхъ двухъ вооруженныхъ лагерей, на которые распалась Европа, начиная съ 1907 года. И если бы даже она заслуживала презрѣнія въ такой же степени, въ какой она въ дѣйствительности сниска-

ла себѣ всеобщее уваженіе, все-же она имѣла бы полное право ожидать отъ Англіи и всякой другой гарантировавшей ея нейтралитетъ державы самой энергичной защиты. Борясь за Бельгію, мы боремся за право народовъ, т. е., въ конечномъ счетѣ, за миръ всѣхъ народовъ и право слабѣйшаго на существованіе.

* * *

Провинціи, составляющія въ настоящее время королевство Бельгію—за исключеніемъ Льежскаго епископства, которое до 1795 года было церковнымъ княжествомъ,—въ семнадцатомъ столѣтіи были извѣстны подъ именемъ испанскихъ, въ восемнадцатомъ—подъ именемъ австрійскихъ Нидерландовъ.

Первое изъ этихъ именъ онѣ получили, когда возвратились подъ власть Филиппа II послѣ краткаго участія въ возстаніи, которому Голландія обязана своимъ національнымъ существованіемъ. Когда независимость Голландіи была окончательно признана Испаніей (1648 г.), испанскіе Нидерланды должны были подчиниться главному изъ тѣхъ искусственныхъ ограниченій, которыми считала нужнымъ связать ихъ Европа. Мюнстерскій договоръ (1648 г.) допустилъ голландскую монополію навигаціи по рѣкѣ Шельдѣ и такимъ образомъ, отрѣзалъ Антверпену возможность развиться въ соперники Амстердаму. Въ вѣкъ Людовика XIV, испанскіе Нидерланды подвергались постояннымъ нападеніямъ со стороны Франціи, въ руки которой въ разное время перешли главные города провинцій Артуа и Эно,—въ числѣ послѣднихъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Лилль, Валансьенъ, Камбрэ, Мобежъ, пріобрѣли недавно, во время великой войны, крупное значеніе. Однако, главная масса испанскихъ Нидерландовъ перешла по Утрехтскому договору къ Австріи, бывшей въ то время крупнѣйшимъ соперникомъ Франціи на континентѣ. Передача эта сопровождалась той оговоркой, что нѣкоторые крѣпости на южной границѣ Нидерландовъ, призванные служить барьеромъ противъ французскаго нашествія, должны быть снабжены гарнизономъ голландцами и австрійцами совмѣстно. Эта комбинація была разрушена французской революціей. Въ ноябрѣ 1792 года Франція присоединила австрійскіе Нидерланды вмѣстѣ съ Льежемъ, а непосредственно вслѣдъ

за этимъ бросила вызовъ Англіи, открывъ навигацію по Шельдѣ для всѣхъ націй. Это и угрожающее нападеніе Франціи на Голландію, союзницу Англіи, вовлекло послѣднюю въ конфликтъ съ революціей; ибо, во-первыхъ, Антверпенъ въ рукахъ Франціи и превращенный въ открытый портъ, былъ бы опасной угрозой; во-вторыхъ, Франція провозгласила новую и анархическую доктрину, враждебную всѣмъ существующимъ договорамъ: «Мы основываемся на томъ, что рѣка эта беретъ свое начало во Франціи, и что народъ, завоевавшій себѣ свободу, не можетъ признавать феодальную систему и, тѣмъ болѣе, активно поддерживать ее».[1]) Отвѣтъ Вильяма Питта, явившійся фактически объявленіемъ войны революціи, содержитъ въ себѣ достопамятное изложеніе того отношенія къ публичному праву, котораго Англія держалась въ то время, котораго она держится и въ наши дни: «Что касается Шельды, то Франція не имѣетъ права уничтожить существующія постановленія, равно какъ не имѣетъ она права устранить другіе договоры между всѣми державами Европы и всѣ прочія права Англіи и ея союзниковъ... Англія никогда не согласится на то, чтобы Франція присвоила себѣ власть по своему произволу и подъ предлогомъ якобы естественнаго права, единственнымъ судьей котораго она дѣлаетъ себя самое, уничтожать политическую систему Европы, установленную торжественными договорами и гарантированную согласіемъ всѣхъ державъ».[2])

Такова была наша позиція не только по отношенію къ Бельгіи. Эту позицію занимали мы по отношенію ко всѣмъ небольшимъ державамъ Европы, когда имъ угрожалъ Наполеонъ. На совершенно томъ же основаніи Англія защищала въ 1803 году независимость Голландіи, своей торговой соперницы, хотя и старой политической союзницы, а также независимость Швейцаріи, покровительствовать которой Англія не имѣетъ никакого непосредственнаго интереса. Люневилльскимъ договоромъ (февраль, 1801 года) Франція и Австрія взаимно гарантировали независимость Батавской республики и право голландцевъ избрать ту форму правленія, какая имъ заблагоразсудится. Пренебрегая этими постановленіями, На-

---

[1]) Cam. Mod. Hist. VII. 301.
[2]) Ibid. 304.

полеонъ содержалъ въ Голландіи гарнизонъ и вынудилъ ее принять новую конституцію, выработанную въ Парижѣ (ноябрь, 1801 г.). Такія же постановленія были приняты по отношенію къ Гельветической республикѣ (Швейцаріи) и подобнымъ же образомъ нарушены. Въ началѣ 1803 года Англія потребовала, чтобы французскія войска очистили Голландію и Швейцарію,—на что Наполеонъ отвѣтилъ, что «Швейцарія и Голландія пустой предлогъ». Этотъ разговоръ Наполеона съ англійскимъ посланникомъ 13 марта 1803 года во многомъ напоминаетъ знаменитый отнынѣ разговоръ сэра Эдуарда Гошена съ докторомъ фонъ-Бетманъ-Гольвегомъ 4 августа, 1914 года. Какъ тогда первый консулъ, такъ теперь имперскій канцлеръ не былъ способенъ, или притворялся неспособнымъ, понять, почему Великобританія настаиваетъ на соблюденіи договоровъ.

Вернемся къ Бельгіи. Во время наполеоновскихъ войнъ выяснилось съ полной очевидностью, что Бельгія и Голландія, предоставленныя своимъ собственнымъ силамъ, слишкомъ слабы, для того, чтобы оградить себя или германскій народъ отъ опасности, угрожающей со стороны агрессивнаго французскаго правительства. Въ виду этого, союзники въ 1813 году передали Голландіи австрійскіе Нидерланды и епископство Льежское съ цѣлью «создать для Голландіи возможность сопротивляться нападенію до тѣхъ поръ, пока державы смогутъ прійти ей на помощь». Такой порядокъ вещей былъ ратификованъ Шомонскимъ договоромъ (1814 г.). Такъ какъ послѣ отступленія французовъ въ бельгійскихъ провинціяхъ не оказалось правительства и не обнаруживалось замѣтнаго единства, то объединеніе съ Голландіей, первоначальная мысль о которомъ принадлежала лорду Кэстльри, казалось, вполнѣ разумнымъ. Оно давало бельгійцамъ важную привилегію плаванія по Шельдѣ. Этотъ проектъ былъ утвержденъ Вѣнскимъ конгрессомъ и новое королевство Соединенныхъ Нидерландовъ было объявлено нейтральнымъ, на основаніи соглашенія всѣхъ державъ.

Но событія 1815—1830 годовъ ясно показали, что такого рода объединеніе не можетъ удовлетворить населеніе Бельгіи. Бельгійцы жаловались, что они не пользуются приличествующей имъ долей участія и представительства въ законодательныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ. Ихъ раздражали

попытки навязать имъ голландскій языкъ и голландскій либерализмъ. Они подняли возстаніе, изгнали голландскихъ чиновниковъ и голландскія войска, и выработали себѣ сами монархическую и парламентарскую конституцію. Ихъ стремленія пробудили къ себѣ большую симпатію какъ въ Англіи, такъ и во Франціи. Эти двѣ страны побудили прочія великія державы (Австрію, Пруссію, Россію) признать новое королевство въ качествѣ самостоятельнаго нейтральнаго государства. Признаніе это воплощено въ договорѣ, состоящемъ изъ двадцати четырехъ статей, подписанномъ въ Лондонѣ, въ октябрѣ 1831 года. И договоръ этотъ не былъ особенно великодушенъ по отношенію къ національнымъ стремленіямъ Бельгіи. Такъ какъ бельгійцы были разбиты въ сраженіи голландцами и выручены только французской арміей, то имъ пришлось отказаться отъ притязаній на Мастрихтъ, часть Люксембурга и часть Лимбурга. Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ эти постановленія были признаны Голландіей. Но, въ концѣ концовъ, эта послѣдняя гарантія была получена; и Лондонскій договоръ въ 1839 году окончательно установилъ международное положеніе Бельгіи. По этому договору какъ ея самостоятельность, такъ и ея нейтралитетъ, были рѣшительно гарантированы Англіей, Франціей, Пруссіей и Россіей.

Мы недавно слышали отъ имперскаго канцлера, что договоръ 1839 года есть не болѣе, какъ «лоскутокъ бумаги». Полезно поэтому напомнить, что Бисмаркъ въ 1870 году въ полной мѣрѣ использовалъ его, для того, чтобы предотвратить вмѣшательство Англіи въ пользу Франціи. Въ этихъ видахъ онъ опубликовалъ предложеніе, якобы, сдѣланное ему въ 1866 году представителемъ Франціи, Бенедетти,—предложеніе, согласно которому Пруссія должна помочь Франціи присоединить къ себѣ Бельгію, въ качествѣ компенсаціи за прусскія пріобрѣтенія въ Сѣверной Германіи. Тогда, какъ и теперь, Англія настаивала на соблюденіи договора 1839 года. Результатъ былъ тотъ, что по настоянію лорда Гренвиля Германія и Франція заключили съ Великобританіей идентичный договоръ (августъ 1870 г.), въ силу котораго, въ случаѣ нарушенія одной изъ воюющихъ сторонъ неприкосновенности бельгійской территоріи, Великобританія ради защиты послѣдней, окажетъ дѣйствіе другой сторонѣ. Договоръ этотъ чрезвычайно строго разработанъ. Послѣ битвы при Седанѣ (сентябрь 1870 года)

германское правительство обратилось къ Бельгіи съ просьбой пропустить черезъ бельгійскую территорію транспортъ нѣмецкихъ раненыхъ. Франція протестовала, усматривая въ этомъ нарушеніе нейтралитета, и Бельгія отказала въ разрѣшеніи.

Такова исторія того процесса, который создалъ особое положеніе Бельгіи. Какъ самостоятельное государство, она связана элементарными принципами международнаго права, согласно которому нейтральное государство обязано отказывать воюющимъ сторонамъ въ правѣ проходить черезъ свою территорію. Это требованіе твердо установлено и формально подтверждено великими державами въ Гаагѣ, на мирной конференціи 1907 года.

Пятая статья соглашенія,[1]) принятаго тогда относительно правъ и обязанностей нейтральныхъ державъ и лицъ въ сухопутной войнѣ, гласитъ:

«Нейтральная держава не должна разрѣшать на своей территоріи какихъ либо дѣйствій, упомянутыхъ въ статьяхъ 2—4».

Изъ статей, упоминаемыхъ здѣсь, наиболѣе важна вторая:

«Воюющимъ сторонамъ запрещается транспортировать черезъ территорію нейтральной державы войска или обозы, военные припасы или продовольствіе».

Лондонскимъ трактатомъ существованіе Бельгіи неразрывно связано съ ея постояннымъ нейтралитетомъ:

«Статья VII. Бельгія въ границахъ, указанныхъ статьями I, II и IV, образуетъ самостоятельное и постоянно нейтральное государство. Она обязана соблюдать такой нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ прочимъ государствамъ» [2]).

Нѣтъ надобности разъяснять далѣе точку зрѣнія закона. Она, повидимому, была признана и самимъ имперскимъ канцлеромъ передъ германскимъ рейхстагомъ. Необходимо напомнить только, что по отношенію къ Бельгіи Германія заняла ту самую позицію, какую нѣкогда правительство французской революціи усвоило себѣ въ вопросѣ о Шельдѣ, и какую Наполеонъ отстаивалъ передъ лицомъ гарантированнаго нейтралитета Швейцаріи и Голландіи. Что касается Англіи, то

---

[1]) См. *A. Pearce Higgins*, The Hague Peace Conferences, стр. 281—9.

[2]) Полный текстъ трактата см. *Hertslet*, Map of Europe by Treaty, т. II, стр. 979—98.

теперь, какъ и тогда, затронуты ея особые интересы. Подавленіе или уничтоженіе мелкихъ національностей всегда вызываетъ чрезвычайное возбужденіе въ Англіи. Въ частности, она не можетъ не считаться съ тѣмъ, какою угрозою для нея стало бы возникновеніе въ Бельгіи милитаристическаго государства. Но если позиція, занимаемая Англіей, дѣлаетъ особенно очевидною всю опасность и неустойчивость такого положенія вещей, при которомъ Сила трактуется, какъ Право, то слѣдуетъ лишь ожидать, что съ тѣмъ большимъ жаромъ будетъ отстаивать Англія святость договоровъ,—святость, въ концѣ концовъ одинаково необходимую и для самой сильной и для самой слабой націи. Разъ договоры не-считаются ни во что, ни одна нація не можетъ быть въ безопасности, пока какая-бы то ни было комбинація державъ настолько сильна, что можетъ бороться съ нею мечемъ, или дипломатическимъ перомъ и одинаковыми шансами на успѣхъ, и болѣе сильныя націи волею или неволею должны не на животъ, а на смерть бороться другъ съ другомъ изъ-за привилегіи порабощать цивилизацію. Мы предоставляемъ безпристрастнымъ наблюдателямъ рѣшить, можетъ ли развитіе такого соперничества разсматриваться, какъ ничтожное зло, можетъ ли успѣхъ одного изъ такихъ соперниковъ привести къ удовлетворенію высшихъ интересовъ человѣчества? Англія безъ малѣйшаго колебанія отвѣтила на оба эти вопроса отрицательно.

II.

По существующему договору, великое герцотство Люксембургское практически занимаетъ во всѣхъ отношеніяхъ то же самое правовое положеніе, какъ и его сѣверная сосѣдка; и правительница Люксембурга протестовала противъ германскаго вторженія[1]) въ ея территорію не менѣе горячо, чѣмъ король Альбертъ, хотя у нея было меньше возможности выразить въ дѣйствіи свое чувство справедливаго возмущенія. Если необходимость защищать Бельгію ярче чувствуется среднимъ англичаниномъ, то это потому, что онъ лучше зна-

[1]) «Переписка», № 147 Государственный министръ Люксембурга, сэру Эдуарду Грею, 2 августа|20 іюля.

комъ съ прошлой исторіей Бельгіи и въ данномъ случаѣ яснѣе видитъ тѣ крайнія послѣдствія, къ которымъ должно привести нарушеніе Германіей права бельгійцевъ. Какъ мы увидимъ ниже, нейтралитетъ Люксембурга былъ гарантированъ въ интересахъ и по настоянію Прусскаго государства, какъ мѣра, предохраняющая его отъ французскаго нападенія. Юридически ничего не можетъ быть яснѣе этого случая, и, быть можетъ, спросятъ, почему же нападеніе на Люксембургъ, предшествовавшее нападенію на Бельгію, не разсматривалось нашей страной, какъ casus belli. Англія заняла по отношенію къ Люксембургу ту самую позицію, которой она неизмѣнно придерживается по отношенію къ мелкимъ государствамъ, лежащимъ внѣ сферы досягаемости для морскихъ силъ. Въ инцидентѣ съ Сербіей она отстаивала эту позицію еще яснѣе, чѣмъ въ инцидентѣ съ Люксембургомъ. Англія считаетъ своей обязанностью использовать свое вліяніе, для того, чтобы обезпечить мелкимъ государствамъ Европы справедливое отношеніе со стороны ихъ болѣе могущественныхъ сосѣдей. Но долгъ настаивать на справедливомъ отношеніи падаетъ прежде всего на долю тѣхъ державъ, положеніе которыхъ даетъ имъ возможность активно поддержать свой протестъ. Подобно тому, какъ Сербія, естественно, составляетъ предметъ особой заботливости для Россіи, Люксембургъ долженъ искать защиты отъ Германіи прежде всего у Франціи, а если бы онъ подвергся нападенію со стороны Франціи, то у Германіи. Во всякомъ случаѣ, мы должны считать своимъ долгомъ употреблять и свое вліяніе, но не въ первую голову. Всякая другая линія поведенія была бы невозможнымъ донкихотствомъ, и привела бы лишь къ тому результату, что мы лишили бы себя возможности помогать государствамъ, лежащимъ въ предѣлахъ нашей досягаемости.

* * *

Великое герцогство Люксембургъ есть возрожденіе стараго государства, переставшаго существовать во время французской революціи. Хотя оно было отдано подъ власть короля Нидерландовъ, потомка его прежняго государя, оно не было инкорпорировано королевствомъ, сохранило внутреннее единство и дало своему правителю второй титулъ великаго герцога Люксембургскаго. Положеніе, въ которое оно попало послѣ

1815 года, было не вполнѣ нормальнымъ; расположенное между Рейномъ и Маасомъ и владѣющее въ городѣ Люксембургѣ крѣпостью, которую по ея естественной неприступности многіе компетентные авторы считаютъ второй въ Европѣ, ставя ее тотчасъ же послѣ Гибралтара, великое герцогство разсматривалось какъ необходимое звено въ цѣпи укрѣпленій, защищающихъ Германію отъ нападенія Франціи. Не считая возможнымъ ввѣрить Голландіи эту могучую анти-французскую крѣпость, вѣнскій конгрессъ установилъ, какъ общій принципъ, что всѣ земли между Рейномъ и Маасомъ должны охраняться прусскими войсками въ интересахъ вновь образованнаго германскаго союза. Такимъ образомъ, Люксембургъ былъ занятъ прусскими войсками въ интересахъ этого чужеземнаго союза, и единственно, въ чемъ могла проявиться власть великаго герцога, государя страны, надъ этимъ гарнизономъ,— это въ правѣ назначать губернатора.

Это странное положеніе вещей не было измѣнено и бельгійской революціей 1830 года; ибо хотя больше половины великаго герцогства соединило свою судьбу съ Бельгіей, образовавъ теперешнюю бельгійскую провинцію Люксембургъ, великое герцогство въ своихъ теперешнихъ границахъ все еще заключало въ себѣ великую крѣпость съ ея гарнизономъ прусскихъ войскъ. При такихъ обстоятельствахъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что великое герцогство присоединилось къ прусскому Zollverein (таможенному союзу) и, такимъ образомъ, соединилось съ Германіей болѣе тѣсной связью, несмотря на независимый характеръ его населенія, упорно сопротивлявшагося всякимъ попыткамъ поглощенія Германіей. Франція, конечно, продолжала бросать завистливые взгляды на маленькое государство съ могучей цитаделью, но до 1866 года ей не представлялось удобнаго случая снова поднять этотъ вопросъ.

Въ этомъ году Наполеонъ III исходилъ изъ предположенія, что война между Пруссіей и Италіей съ одной стороны, Австріей и мелкими германскими государствами съ другой, будетъ продолжительна, крайне тяжела для участниковъ и окончится тѣмъ, что Франція предпишетъ миръ истомленнымъ воюющимъ сторонамъ, получивъ при этомъ значительныя территоріальныя пріобрѣтенія. Предположеніе его совершенно не оправдалось въ дѣйствительности; война длилась

всего семь недѣль, и Пруссія вышла изъ нея побѣдительницей, страшно усиленная поглощенными ею мелкими нѣмецкими государствами и образованіемъ подъ ея главенствомъ сѣверогерманскаго союза. Этотъ первый ударъ, разбившій дипломатическіе расчеты французскаго императора, побудилъ его искать компенсацій за усиленіе Пруссіи, и однимъ изъ его предложеній была уступка Люксембурга Франціи.

Это домогательство имѣло за собой нѣкоторыя легальныя основанія, совершенно независимо отъ вопроса о равновѣсіи силъ. Въ самомъ дѣлѣ, прусскій гарнизонъ занималъ Люксембургъ отъ имени германскаго союза, который былъ разрушенъ войной 1866 года; и разъ та власть, которой гарнизонъ былъ обязанъ своимъ существованіемъ, устранена, было бы совершенно логично устранить также и гарнизонъ. Послѣ многихъ проволочекъ Бисмаркъ призналъ справедливость этого аргумента (апрѣль, 1867 г.), но онъ отнюдь не склоненъ былъ дѣлать отсюда тотъ выводъ, что Франція должна занять мѣсто, освобожденное пруссаками. Въ то же самое время крѣпость не могла быть оставлена въ рукахъ слабой державы, соблазномъ для могущественныхъ и беззастѣнчивыхъ сосѣдей. Вопросъ о Люксембургѣ былъ поэтому сдѣланъ предметомъ обсужденія на конгрессѣ, созванномъ въ Лондонѣ, въ маѣ слѣдующаго года.

Здѣсь пруссаки показали себя въ высшей степени тактичными и разсудительными. Принявъ во вниманіе, что съ усовершенствованіемъ артиллеріи, великая крѣпость-скала не сохраняла уже своего былого значенія, они не только не возражали противъ эвакуаціи Люксембурга ихъ войсками, но именно отъ нихъ исходила на конгрессѣ иниціатива предложенія сдѣлать территорію великаго герцогства нейтральной «подъ коллективной гарантіей державъ». [1]) Въ согласіи съ этимъ 11 мая 1867 года былъ заключенъ договоръ, вторая статья котораго гласитъ слѣдующимъ образомъ:

«Великое герцогство Люксембургское, въ границахъ опредѣленныхъ актомъ, присоединеннымъ къ трактатамъ 19 апрѣля 1839 года, подъ гарантіей дворовъ Великобританіи, Австріи,

---

[1]) *Edward Hertslet*, The Map of Europe by Treaty, т. III, стр. 1806, № 406. «Proposal of Prussia of Collective Guarantee by Powers of Neutrality of Luxemburg, London», 7-th May, 1867.

Франціи, Пруссіи и Россіи, отнынѣ образуетъ навсегда нейтральное государство.

«Оно обязано соблюдать таковой же нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ другимъ государствамъ.

«Высокія договаривающіяся стороны приглашаются уважать принципъ нейтралитета, провозглашеннаго настоящей статьей.

«Принципъ этотъ санкціонируется коллективной гарантіей державъ, подписавшихъ въ качествѣ договаривающихся сторонъ настоящій трактатъ, за исключеніемъ Бельгіи, каковая сама есть нейтральное государство» [1]).

Третья статья предусматривала разрушеніе укрѣпленія Люксембурга и превращеніе его въ открытый городъ, четвертая—эвакуацію его прусскимъ гарнизономъ, а пятой статьей воспрещено возстанавлять укрѣпленія.

Таковъ былъ договоръ, гарантирующій нейтралитетъ Люксембурга,—договоръ, предложенный, мы обращаемъ на это особое вниманіе, самой Пруссіей; и до того момента, пока онъ не былъ нарушенъ той самой державой, которая внесла проектъ нейтралитета, только одинъ инцидентъ заслуживаетъ упоминанія въ исторіи интересующей насъ страны, а именно роль, сыгранная имъ въ войнѣ 1870—71 гг. 3 декабря 1870 года графъ Бисмаркъ отправилъ изъ Версаля циркуляръ прусскому посланнику, обращающій вниманіе на тотъ фактъ, что и французы, и люксембуржцы нарушили нейтралитетъ великаго герцогства, главнымъ образомъ тѣмъ, что дали возможность французскимъ солдатамъ вернуться во Францію.

Прусское правительство приняло мѣры предосторожности, чтобы предупредить въ будущемъ такія злоупотребленія и такъ какъ пруссаки не совершили никакого нарушенія нейтралитета Люксембурга, то нейтральныя державы, гарантировавшія вмѣстѣ съ нею нейтралитетъ, были удовлетворены поведеніемъ пруссаковъ, и вопросъ сошелъ со сцены. Послѣ окончанія войны Тьеръ тщетно добивался получить Люксембургъ, какъ компенсацію за Мецъ.

---

[1]) Ibid. т. III, стр. 1803. «Высокія договаривающіяся стороны» были: Великобританія, Австрія, Франція, Бельгія, Италія, Нидерланды, Пруссія и Россія.

Согласно фамильному договору 1783 г. великое герцогство перешло по смерти голландскаго короля Вильгельма III къ принцу Вильгельму Нассаускому, послѣ смерти котораго теперяшняя великая герцогиня наслѣдовала тронъ отца.

Въ договорѣ 1867 г. есть одинъ пунктъ, который требуетъ особаго объясненія. Нейтралитетъ великаго герцогства «поставленъ подъ коллективную гарантію подписавшихся державъ». Выраженіе, первоначально предложенное Бисмаркомъ, гласило: «подъ формальную и индивидуальную гарантію державъ», и было измѣнено по настоянію англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Стэнли. Дѣйствительно принятое выраженіе было предложено русскимъ дипломатомъ, барономъ Брунновымъ, и было принято и Англій и Пруссіей. Возраженіе лорда Стэнли было основано на опасеніи что Англія можетъ оказаться связанной неограниченнымъ обязательствомъ оказывать Люксембургу свою помощь одной, если другія державы не исполнятъ своихъ обязательствъ. Другими словами, Люксембургъ могъ быть употребленъ, какъ вѣрное средство вовлечь насъ во всякую войну, которая можетъ возникнуть между Германіей и Франціей. Отъ этой опасности мы защищены возраженіемъ лорда Стэнли; теперь дѣло обстоитъ такъ, что договоръ даетъ намъ, говоря собственными словами лорда Стэнли, «право воевать, но не непремѣнно обязываетъ насъ къ этому». На эту доктрину мы найдемъ указаніе въ «Англійской бѣлой книгѣ» (№ 148), гдѣ сэръ Эдуардъ Грей излагаетъ г. Камбону «доктрину» по поводу Люксембурга, «предложенную лордомъ Дерби и лордомъ Кларендономъ въ 1867 г.». Можно также замѣтить, что двѣ изъ гарантировавшихъ нейтралитетъ Люксембурга державъ, Италія и Голландія, тоже не сочли необходимымъ сдѣлать насиліе надъ Люксембургомъ casus belli.

III.

Всѣ, внимательно изучающіе карту Франціи, тотчасъ же замѣчаютъ, что ея восточная пограничная полоса распадается на двѣ рѣзко противоположныхъ другъ другу района, на сѣверо-восточный, который простирается отъ моря до долины р. Самбры, и юго-восточный, который простирается отъ этой рѣки до швейцарской границы и затѣмъ вдоль ея. Первый пред-

ставляетъ собою равнину, удобную для военныхъ операцій, последній—гористую область, пересѣченную многими глубокими долинами. Послѣ потери Эльзасъ-Лотарингіи, французы принялись за искусственное исправленіе стратегической слабости своей границы, и, создавъ цѣпь крѣпостей за Вогезами, они воздвигли оплотъ, который почитается неприступнымъ. Это--линія Бельфоръ, Эпиналь, Туль, Верденъ. Германская атака, направленная на эту линію безъ нарушенія права нейтральной территоріи, должна была бы быть фронтальной, ибо съ сѣвера линія прикрыта нейтральными государствами, Бельгіей и Люксембургомъ, а съ юга, хотя дыра между Вогезами и швейцарской границей и даетъ, повидимому, возможность обойти французскія укрѣпленія, но Бельфорская крѣпость, которая не была взята даже въ войнѣ 1870—71 г.г., считалась слишкомъ страшнымъ препятствіемъ для вторгающейся арміи. Быстрое наступленіе на Парижъ считалось, поэтому, невозможнымъ, если будутъ уважаться нейтралитетъ Бельгіи и Люксембурга, и по этому чисто военно-стратегическому соображенію Германія теперь нарушила свое обѣщаніе уважать нейтралитетъ этихъ государствъ. Въ этомъ откровенно признался г. фонъ-Яговъ сэру Эдуарду Гошену: «Если бы они пошли болѣе южнымъ путемъ, то они въ виду небольшого количества дорогъ и силы крѣпостей, не могли бы надѣяться пройти безъ страшнаго сопротивленія, что повлекло бы за собою большую потерю времени».

Бельгія же доставляетъ очень хорошій путь въ французскую территорію по долинѣ р. Мааса, черезъ Льежъ и затѣмъ во Францію черезъ Намюръ и черезъ то, что извѣстно подъ названіемъ Намюрской дыры. Германская армія могла бы пройти черезъ эту дыру во Францію тѣмъ легче, что французы, полагаясь на нейтралитетъ этихъ двухъ государствъ, слабо укрѣпили границу отъ моря до Мобежа. Еще больше: такъ какъ западная область р. Самбры очень удобна для маневрированія и снабжена хорошими колесными и желѣзными дорогами, то германцы разсчитывали, что можно будетъ, такимъ образомъ, обойти грозныя французскія линіи на югѣ и германская армія сможетъ пойти на Парижъ съ сѣверо-востока.

Что же касается Люксембурга, то ясно, что при такомъ планѣ нельзя было не нарушить его нейтралитета. Онъ лежалъ бы между двумя крылами нѣмецкой арміи, и такъ какъ

онъ господствуетъ надъ дорогами въ Брюссель, Мецъ и Аахенъ, то германцы не могли бы допустить опасности прерыва удобной коммуникаціи между одной частью германской арміи и другой.

Что такой планъ имѣлся въ виду германцами, было нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣмъ извѣстно въ Англіи, и всѣ также были того мнѣнія, что попытка осуществить этотъ планъ повлекла бы за собою активное сопротивленіе военныхъ силъ Британіи, которыя, какъ предполагалось, должны были дѣйствовать на лѣвомъ крылѣ французской арміи, чтобы противодѣйствовать вступленію германцевъ со стороны бельгійской территоріи. Обвиненіе Великобританіи въ нанесеніи германцамъ «преступнаго удара», могутъ выставить лишь лица или невѣжественныя или пропустившія мимо ушей то, что составляло предметъ разговора во всей Англіи въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, и самъ сэръ Эдуардъ Грей настолько былъ убѣжденъ въ томъ, что германское правительство знаетъ, каковы будутъ послѣдствія нарушенія нейтралитета Бельгіи, что сообщилъ 31/18 іюля сэру Ф. Берти, что «германское правительство не разсчитываетъ на нашъ нейтралитетъ» [1]). Здѣсь не было никакого секрета. Невѣроятно, чтобы возбужденіе и удивленіе имперскаго канцлера при полученіи ультиматума 4 августа (22 іюля стар. ст.) было искренне, такъ какъ оно предполагаетъ ошибку въ разсчетахъ или недостаточную освѣдомленность, совершенно несоотвѣтственную тому, что мы знаемъ объ основательности нѣмецкихъ методовъ. Во время агадирскаго кризиса положеніе было то же самое, и германское военное министерство прекрасно знало, что мы будемъ дѣлать. Удивленіе при такомъ нашемъ образѣ дѣйствій въ 1914 г. не что иное, какъ комедія, и могла быть выражена лишь съ той цѣлью, чтобы свалить вину германскаго наступленія на плечи Великобританіи.

Это обвиненіе Великобританіи въ томъ, что она начала агрессивныя дѣйствія, совершенно падаетъ, когда мы сопоставляемъ его съ суровыми хронологическими фактами. Мы не только не напали на германцевъ, но такъ заботились о сохраненіи мира, что въ дѣйствительности обоздали на три дня съ нашей мобилизаціей и не успѣли соединиться съ францу-

---

[1]) «Переписка» № 116, 31 іюля 1914 г.

зами на ихъ лѣвомъ крылѣ, и если бы не защита, доставленная сопротивленіемъ Льежа, то наши совѣстливыя колебанія подвергли бы серьезной опасности общее дѣло. Ибо лишь послѣ того, какъ мы увѣрились, что Германія совершила то, что было равносильно начатію противъ насъ военныхъ дѣйствій, вторглась въ нейтральное бельгійское государство, мы вручили ультиматумъ, поведшій къ войнѣ.

ГЛАВА II.

Развитіе союзовъ и бѣшеная скачка вооруженій съ 1871 г.

Несмотря на то, что мы рискуемъ наскучить этимъ читателю, намъ все-же необходимо дать краткій очеркъ событій, которыя привели къ теперешней группировкѣ воюющихъ государствъ, и тѣхъ длительныхъ и обширныхъ приготовленій, которыя вооружили ихъ для этого грандіознаго столкновенія. Чтобы понять, почему Австро-Венгрія и Германія бросили перчатку Франціи и Россіи, почему Англія вмѣшалась не только въ качествѣ покровительницы Бельгіи, но также и въ качествѣ друга Франціи, мы должны возвратиться къ положенію вещей, созданному франко-прусской войной. Беря исходной точкой своего изложенія это положеніе вещей, мы должны отмѣтить по порядку образованіе тройственнаго союза между Германіей, Австріей и Италіей, двойственнаго союза между Франціей и Россіей, англо-французскаго и англо-русскаго соглашеній. Тройственный союзъ былъ главной причиной теперешняго положенія; сама по себѣ такая группировка державъ центральной Европы не вызываетъ возраженій, но этотъ союзъ внушилъ двумъ главнымъ союзникамъ слишкомъ большую увѣренность въ своей силѣ, и они, опираясь на престижъ этого союза, стремились навязать свою волю Востоку и Западу съ невыносимымъ пренебреженіемъ къ международному праву. Но важнѣе всего было то угрожающее положеніе, которое заняла Германія по отношенію къ своимъ западнымъ сосѣдямъ; оно-то именно и привело Англію шагъ за шагомъ къ той политикѣ предосторожностей, которая, какъ она надѣялась, предупредить европейское столкновеніе и которую ея противники пытались изобразить, какъ этапы на пути осуществленія

маккіавелевскаго плана уничтожить благосостояніе Германіи. Эти мѣры предосторожности, столь явно необходимыя, что ихъ сохранило и расширило наиболѣе пацифистское правительство изъ всѣхъ тѣхъ, которыя видѣла Англія со времени отставки Гладстона, приняли двѣ формы, форму дипломатическихъ сношеній и форму морскихъ приготовленій. И въ той и въ другой формѣ онѣ являлись отвѣтомъ на явные вызовы и на угрозы, которыя невозможно было оставить безъ вниманія. Онѣ строго и бдительно соразмѣрялись съ той опасностью, которая непосредственно имѣлась въ виду. Въ своей дипломатіи Англія не выдавала незаполненныхъ чековъ, въ своихъ вооруженіяхъ она низвела свои затраты до того минимума, который, какъ она имѣла право ожидать, даетъ ей возможность защищать страну и англійскую морскую торговлю противъ всякой возможной комбинаціи враждебныхъ державъ.

Разсмотримъ 1) ходъ развитія дипломатической ситуаціи съ 1870 г. и 2) такъ называемый ростъ вооруженій съ 1886 г.

Франкфуртскій мирный договоръ (10 мая 1871 г.), которымъ Франція подчинилась требованіямъ новорожденной Германской имперіи, открылъ собою въ Европѣ новую эру дипломатическаго и международнаго соперничества. Германская имперія тогда сразу стала преобладающей державой въ западной Европѣ, и съ тѣхъ поръ и осталась таковой. Общественное мнѣніе этой новой Германіи подпало въ значительной степени подъ вліяніе воззрѣній такихъ агрессивныхъ политиковъ, какъ Трейчке, который открыто исповѣдывалъ, что «величіе и благо міра заключается въ преобладаніи въ немъ германской культуры, германскаго духа, однимъ словомъ, германскаго характера». Школа Трейчке мечтала о германской всемірной имперіи и считала, что главнымъ предварительнымъ условіемъ осуществленія этой мечты является пораженіе Франціи и Англіи. Но до 1890 г., т. е. до тѣхъ поръ, пока князь Бисмаркъ оставался имперскимъ канцлеромъ, эта честолюбивая программа не была усвоена германскимъ правительствомъ. Бисмаркъ довольствовался укрѣпленіемъ позиціи имперіи и сѣяніемъ раздоровъ между ея дѣйствительными или предполагаемыми врагами. Въ 1872 г. онъ заключилъ съ двумя другими великими державами Восточной Европы, съ Австріей и Россіей, дружеское соглашеніе, такъ наз. Drei-

kaiserbündiss (союзъ трехъ императоровъ), имѣвшее своей цѣлью сохраненіе status quo. Но дружба съ Россіей скоро охладѣла; этой дружбѣ былъ нанесенъ сильный ударъ въ 1875 г., когда императоръ Александръ II скорѣе демонстративно выступилъ для того, чтобы спасти Францію отъ Германіи, не допустивъ
для того, чтобы спасти Францію отъ Германіи, не допустивъ
осуществленія послѣдней враждебнаго плана, который онъ ей приписывалъ. Эта дружба во всякомъ случаѣ не усилилась, когда на Берлинскомъ конгрессѣ (1878 г.) Бисмаркъ, въ свою очередь, взялъ на себя посредничество между Россіей и ея противниками. Съ другой стороны, общность интересовъ въ восточномъ вопросѣ сдѣлала тѣснѣе связь между Германіей и Австріей. Послѣдняя видѣла непосредственную для себя угрозу въ балканской политикѣ Россіи, а первая не хотѣла допустить, чтобы у ея южной сосѣдки была отнята часть ея территоріи. Въ 1879 г. былъ, поэтому, заключенъ тотъ болѣе тѣсный союзъ между Германіей и Австріей, который въ значительной степени является виной теперешней ситуаціи. Союзный договоръ 1879 г., который держали втайнѣ до 1887 г., носилъ чисто оборонительный характеръ, но его выраженія показываютъ, что именно Россія была тѣмъ врагомъ, котораго, главнымъ образомъ, опасались обѣ договаривающіяся державы. Ни одна изъ этихъ державъ не была обязана принимать активныя мѣры, пока на другую не нападетъ Россія, или какая-нибудь держава, которую Россія поддержитъ. Въ 1882 г. къ союзу двухъ великихъ нѣмецкихъ державъ присоединилась и Италія; этотъ изумительный фактъ можно объяснить лишь тѣмъ, что Италія сознавала, что она не можетъ надѣяться на безопасность своей территоріи или на колоніальныя пріобрѣтенія въ Средиземномъ морѣ до тѣхъ поръ, пока она останется изолированной. Получившійся, такимъ образомъ, тройственный союзъ казался хрупкимъ созданіемъ, и едва-ли можно было ожидать, чтобы Италія получила сильную поддержку союзниковъ, въ сравненіи съ военной силой которыхъ ея собственная сила была ничтожна. Но Тройственный союзъ сохранился до настоящаго времени, и оставался наиболѣе постоянной отличительной чертой дипломатической системы послѣднихъ тридцати двухъ лѣтъ. Соотвѣтствовали-ли результаты тѣмъ жертвамъ своими чувствами и гордостью, которыя Италія принесла для этого союза, объ этомъ предоставляемъ судить самой Италіи. Въ общемъ она была ком-

паньономъ безъ права голоса въ этомъ союзѣ; ея политическій вѣсъ почти исключительно служилъ тому, чтобы способствовать достиженію цѣлей Австріи и Германіи, и однимъ изъ результатовъ союза явилось то, что Австрія сдѣлалась страшнымъ соперникомъ Италіи въ Адріатическомъ морѣ.

Остальныя великія европейскія державы продолжали между тѣмъ, какъ надѣялся Бисмаркъ, итти каждая своей особой дорогой, хотя Англія находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ Франціей и, подобно Россіи, приложила свои усилія къ тому, чтобы предотвратить въ 1875 г. вторую франко-прусскую войну. Послѣ 1882 г. оккупація Англіей Египта оставалась для Франціи въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ постояннымъ предметомъ неудовольствія. Непрерывное движеніе Россіи въ Азіи было точно также, начиная съ 1868 г. источникомъ все увеличивавшихся опасеній Англіи, и въ продолженіе долгаго времени послѣ заключенія берлинскаго трактата англійскіе государственные люди стояли на стражѣ, задержать ростъ вліянія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Но общность различнаго рода интересовъ вела къ тому, чтобы соединить эти три державы не въ постоянный, хотя бы и оборонительный союзъ, а нитью частныхъ соглашеній.

Одинъ изъ этихъ интересовъ былъ связанъ съ сознаніемъ, что политика главнаго члена тройственнаго союза, политика Германіи, перестала поддаваться предвидѣнію и оставалась послѣдовательной лишь въ своихъ періодическихъ взрывахъ самоувѣренности, за которыми можно было различить упорную рѣшимость довести свое вооруженіе до такой силы, которая устрашила бы всякаго возможнаго соперника. Возникновеніе этого сознанія датируетъ со времени отставки, данной Бисмарку теперешнимъ германскимъ императоромъ. Бисмаркъ усердно искалъ дружбы Россіи даже послѣ 1882 г. Онъ дѣйствительно, заключилъ съ Россіей оборонительное соглашеніе противъ Австріи.

Усиливая военную мощь арміи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ открыто заявилъ, что Германія всегда будетъ занимать оборонительное положеніе, и онъ предостерегалъ рейхстагъ противъ «наступательно-оборонительной» политики, мысль о которой уже тогда носилась въ воздухѣ, хотя она была еще далека отъ своей побѣды. «Если я скажу вамъ», сказалъ однажды

Бисмаркъ въ рейхстагѣ, «намъ угрожаютъ Францiя и Россiя, лучше намъ воевать тотчасъ же; наступательная война для насъ выгоднѣе», и потребую у васъ кредита въ сто миллiоновъ, то я не знаю, согласитесь ли отпустить этотъ кредитъ. Я надѣюсь, что вы не согласитесь».[1])

Но отставка Бисмарка (1890) передала веденiе германской политики въ менѣе осторожныя руки. Руководитель германской политики допустилъ истеченiе срока оборонительнаго союза съ Россiей, тренiя между этими двумя государствами все больше и больше увеличивались, и въ результатѣ всего этого Германiя очутилась передъ двойственнымъ союзомъ Францiи и Россiи, который въ продолженiе 1891—1896 г. постепенно превратился изъ дружескаго соглашенiя въ формальный договоръ въ цѣляхъ взаимной защиты. Этотъ союзъ, несомнѣнно, оградилъ Францiю отъ неожиданнаго нападенiя на ея восточную границу, котораго она не переставала опасаться съ 1875 г., и нужно еще доказать, что она когда либо злоупотребляла той новой силой, которую придалъ ей этотъ союзъ.

Лишь въ области колонiальной политики она стала проявлять, начиная съ 1896 г., агрессивныя тенденцiи, но и въ этой области члены тройственнаго союза никогда не могли привести серьезнаго довода въ пользу утвержденiя, что Францiя вторглась въ сферу ихъ законныхъ интересовъ. Ея движенiе въ Марокко произошло съ согласiя Италiи и Испанiи; ея обширныя владѣнiя во французской западной Африкѣ были признаны договорами, заключенными ею съ Германiей и Италiей; въ восточной Африкѣ ей принадлежитъ Мадагаскаръ, обладанiе которымъ никогда не оспаривалось ни одной европейской державой; ея растущая заинтересованность въ Индо-Китаѣ столкнулась лишь съ англiйской сферой интересовъ, и это столкновенiе было мирно разрѣшено англо-французскимъ соглашенiемъ 1896 г. Францiя была соперникомъ, и въ извѣстной степени, успѣшнымъ соперникомъ Германiи въ западной Африкѣ, гдѣ ея владѣнiя отчасти окружаютъ Камерунъ и Тоголандъ, но германское правительство ни разу не указало на французскiе прiемы колонiальной политики, какъ на casus belli. То, что германскiй народъ смотрѣлъ съ

---

[1]) Цитируемъ по Headlam «Bismarck», стр. 444.

завистью на ростъ французскаго могущества въ Африкѣ, представляетъ собою общеизвѣстный фактъ. Совсѣмъ недавно, наканунѣ настоящей войны, намъ дали формально понять, что Германія въ случаѣ войны съ Франціей, можетъ аннектировать французскія колоніи[1]), и легко понять, что это примирило бы между собою различную политику германскихъ военныхъ и морскихъ спеціалистовъ.

Вплоть до конца настоящей войны Великобританія постоянно отказывалась вѣрить, что Германія можетъ быть настолько безумной или настолько безсовѣстной, чтобы затѣять агрессивную войну съ цѣлью расчлененія колоніальныхъ владѣній другихъ государствъ. Германская дипломатія въ истекшія нѣсколько недѣль грубо поколебала это убѣжденіе. Вплоть до 1914 г. наихудшее, чего ожидали со стороны Германіи, сводилось лишь къ тому, что въ будущемъ она будетъ преслѣдовать въ большемъ масштабѣ ту самую политику, которую она до сихъ поръ преслѣдовала въ меньшемъ масштабѣ, требуя такъ называемыхъ «компенсацій», когда другимъ государствамъ удастся расширить область своихъ колоніальныхъ владѣній, и ссылаясь на мнимые «интересы», какъ на причину, почему усилія изслѣдователей и дипломатовъ не должны приносить Франціи своихъ естественныхъ плодовъ въ видѣ роста колоніальной торговли. Не наше дѣло осуждать или защищать раздѣлъ Африки или тѣхъ пріемовъ, которыми онъ былъ осуществленъ. Но для выясненія нашего вопроса намъ крайне необходимо описать тѣ пріемы, которыми Германія пыталась запугать Францію въ спорѣ объ африканскомъ вопросѣ въ различныхъ его стадіяхъ. Споръ возникъ благодаря соглашенію о Марокко между Франціей и Англіей, которое было первымъ яснымъ доказательствомъ того, что эти двѣ державы идутъ къ тому, чтобы установить между собою болѣе тѣсную связь, чѣмъ простую дружбу.

Въ 1904 г. Англія и Франція уладили между собою свой старый споръ о Египтѣ. Франція признала англійскую оккупацію Египта; Англія, съ своей стороны, обѣщала не препятствовать распространенію французскаго вліянія въ Марокко. Они согласились между собою не производить политическаго пере-

---

[1]) «Переписка» № 85, сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею.

ворота ни въ Египтѣ, ни въ Марокко, а также не дѣлать никакой разницы въ таможенныхъ пошлинахъ между однимъ государствомъ и другимъ. Вмѣстѣ съ заключеніемъ этого договора были улажены также и старые споры относительно французскаго права рыбной ловли въ Ньюфаундлэндѣ и недоразумѣнія болѣе недавняго происхожденія относительно границы между французскими и англійскими владѣніями въ западной Африкѣ.[1]) Вся эта группа соглашеній представляла собою съ обѣихъ сторонъ шагъ на пути общей политики мирнаго улаженія мѣстныхъ споровъ, не имѣющихъ важнаго значенія, если не пользоваться ими, какъ орудіемъ дипломатической войны. Соглашеніе относительно Египта и Марокко отличается отъ соглашеній относительно западной Африки и Ньюфаундлэнда въ томъ, что оно признаетъ возможность возраженій со стороны другихъ державъ. Оно обѣщало взаимную поддержку въ случаѣ, если такія возраженія послѣдуютъ, но поддержку не вооруженной силой, а лишь дипломатическимъ вліяніемъ.

Въ моментъ заключенія этихъ соглашеній графъ Бюловъ сказалъ въ рейхстагѣ, что Германія не имѣетъ представить никакихъ возраженій, такъ какъ они ни съ какой стороны не угрожаютъ ея интересамъ. Позднѣе, однако, Германіи стало угодно разсматривать соглашеніе о Марокко какъ несправедливость или обиду, или какъ то и другое. Въ слѣдующемъ году германскій императоръ произнесъ рѣчь въ Танжерѣ (мартъ 1905 г.), въ которой онъ заявилъ, что онъ будетъ защищать важные торговые и промышленные интересы Германіи въ Марокко и что онъ никогда не позволитъ какой нибудь другой державѣ стать между нимъ и независимымъ государемъ независимой страны. Послѣ этого въ германской прессѣ было заявлено, что Германія не возражаетъ противъ самаго англо-французскаго соглашенія, но она протестуетъ противъ того, что ея не запросили до его заключенія. На эту претензію Франція отвѣтила отставкой Делькассе, своего министра иностранныхъ дѣлъ, и согласіемъ на созывъ международной конференціи для разсмотрѣнія вопроса о Марокко. Конферен-

---

[1]) Объ этомъ соглашеніи см. «Times» отъ 12 апрѣля 1904 г. и 25 ноября 1911 г. См. примѣчаніе въ концѣ этой главы.

ція состоялась въ Альжесирасѣ и германскія претензіи были удовлетворены международнымъ соглашеніемъ.[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что первоначальныя требованія Германіи встрѣтили сопротивленіе не только Россіи, отъ которой она едва ли могла ожидать сочувствія, но даже Италіи, ея собственной союзницы. Послѣ того, какъ Германія, наконецъ, согласилась признать англо-французское соглашеніе, ея канцлеръ въ прямомъ противорѣчіи съ его прежнимъ заявленіемъ, что оно «ни съ какой стороны не угрожаетъ интересамъ Германіи» заявилъ, что Германію вынудили вмѣшаться ея экономическіе интересы, престижъ германской политики и достоинство германской имперіи.

Простое же фактическое объясненіе поведенія Германіи состоитъ въ томъ, что она вскорѣ послѣ заключенія англо-французскаго соглашенія увидѣла себя внезапно освобожденной отъ опасности со стороны Россіи, и воспользовалась возможностью оказать давленіе на западную державу, пока Россія находилась въ наиболѣе критической стадіи войны съ Японіей. Но эта война окончилась раньше, чѣмъ началась альжесирасская конференція, и Россія, даже въ годину пораженія и внутреннихъ смутъ, была все еще слишкомъ страшна, чтобы съ нею не считаться, когда она стала на сторону своей западной союзницы.

О роли, которую играла Англія въ Марокккскомъ конфликтѣ, имѣются различныя версіи. Несомнѣнно то, что она оказала Франціи дипломатическую поддержку. Но германскій имперскій канцлеръ послѣ того, какъ все было кончено, оффиціально призналъ, что роль Англіи въ англо-французскомъ соглашеніи была вполнѣ корректна, и при этомъ заявилъ, что Германія не питаетъ по отношенію къ Англіи никакого недоброжелательства за то, что она сблизилась съ Франціей. И все же осталось сильное впечатлѣніе, и не только въ Англіи и Франціи, что здѣсь было со стороны Германіи обдуманное намѣреніе подвергнуть испытанію силу англо-французскаго соглашенія, и, если это окажется возможнымъ, показать Франціи, что Англія представляетъ собою ненадежную опору.

Не удивительно, что Англія при этихъ условіяхъ стала принимать съ 1906 г. мѣры предосторожности, стараясь по-

[1]) Бѣлая книга о Марокко, № 1 (1906 г.).

кончить со всѣми возникшими раньше недоразумѣніями съ другими державами. Въ 1905 г. она показала свою благожелательность по отношенію къ Россіи, употребивъ свое вліяніе съ цѣлью умѣрить условія мирнаго договора съ Японіей. Это былъ мудрый шагъ, находившійся въ согласіи какъ съ договорными обязательствами Англіи по отношенію къ Японіи, такъ и съ интересами европейской цивилизаціи. Онъ, естественно, привелъ къ дружескому соглашенію съ Россіей (1907 г.) относительно Персіи, Афганистана и Тибета, трехъ странъ, прилегающихъ къ сѣвернымъ границамъ нашей Индійской имперіи. Мы должны настойчиво подчеркнуть, что это соглашеніе, какъ и соглашеніе съ Франціей, носило чисто мѣстный характеръ, что наши дружескія соглашенія съ Франціей и Россіей были совершенно сепаратны и что ни одно изъ нихъ не было связано съ преслѣдованіемъ общей политики въ Европѣ, если только не дать названія политики одной мѣрѣ предосторожности, которая принималась время отъ времени—дозволенію совѣщаній между французскими и англійскими военными спеціалистами. Было рѣшено, что эти совѣщанія не обязываютъ ни одной изъ этихъ странъ къ политикѣ общихъ дѣйствій.[1]) Англія свернула со своей старой позиціи «блестящаго одиночества», но она не имѣла охоты связать себя даже въ цѣляхъ обороны формальнымъ и постояннымъ союзомъ такого характера, какъ союзъ, который заключили между собою Германія, Австрія и Иатлія.

Но она была вынуждена къ этому Германіей въ 1911 г. Послѣдняя снова воспользовалась марокканскимъ вопросомъ, какъ предлогомъ для нападенія на нашу дружбу съ Франціей. Германская оккупація Агадира имѣла и могла имѣть лишь одинъ смыслъ. Ею затѣвался конфликтъ съ Франціей по вопросу, который былъ предметомъ спеціальнаго соглашенія между Франціей и нами.[2]) Нападеніе потерпѣло неудачу. Война была предупреждена быстрыми дѣйствіями британскаго правительства. Г. Асквитъ[3]) заявилъ, что Великобританія разсматривая марокканскій вопросъ, будетъ имѣть въ виду

---

[1]) «Переписка», № 105 (Приложеніе I) сэръ Э. Грей г. Камбону, 22 ноября 1912 г.

[2]) «Переписка», № 87. Сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, 29 іюля 1914 г.

[3]) «Times» 7 іюля 1911 г.

британскіе интересы, которые могутъ быть болѣе непосредственно затронуты, чѣмъ это было до сихъ поръ, и также и наши договорныя обязательства по отношенію къ Франціи. Нѣсколько позднѣе г. Асквитъ заявилъ, что если переговоры между Франціей и Германіей еще не привели къ благополучному концу, то Великобританія намѣрена принять участіе въ разсмотрѣніи этого вопроса въ качествѣ активной стороны.[1]) Характеръ британскихъ интересовъ точно опредѣлилъ г. Ллойдъ-Джорджъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ Guildhall (Гильдголлѣ); эти интересы состоятъ, по его словамъ, въ сохраненіи всеобщаго мира, поддержаніи національнаго достоинства и обезпеченій международной торговли[2]). Послѣднее выраженіе было многозначительнымъ намекомъ на то, что Агадиръ, хотя и лишенъ всякой цѣнности для торговыхъ цѣлей, могъ бы оказаться безцѣннымъ для всякой державы, которая пожелала бы тревожить южноатлантическіе торговые пути. Никто не подозрѣвалъ тогда и не подозрѣваетъ теперь, что Англія стояла въ 1911 г. на краю ничѣмъ не вызванной ею войны.

Положеніе было спасено въ 1912 г. благодаря солидарности Англіи и Франціи. Двѣ державы, которыхъ въ прошломъ отдѣляло другъ отъ друга множество предубѣжденій и вопросовъ самолюбія, почувствовали, наконецъ, что обѣ онѣ подвергаются чрезвычайно серьезной общей опасности. Отсюда новый фазисъ англо-французскаго согласія, который былъ скрѣпленъ не договоромъ, а обмѣномъ писемъ между англійскимъ секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ (сэромъ Эдуардомъ Греемъ) и французскимъ посломъ въ Лондонѣ (г. Поломъ Камбономъ). 22 ноября 1911 г. сэръ Эдуардъ Грей[3]) напомнилъ г. Камбону замѣчаніе, которое тотъ сдѣлалъ, «что если бы одно изъ правительствъ имѣло вѣскія основанія ожидать ничѣмъ не вызваннаго нападенія со стороны третьей державы, то было бы весьма существенно знать, могло ли бы оно въ такомъ случаѣ опираться на вооруженную помощь другого». Сэръ Эдуардъ Грей продолжаетъ. «Я согласенъ, что если какое либо изъ правительствъ имѣло бы вѣскія основа-

---

[1]) «Times» 27 іюля 1911 г.
[2]) «Times» 22 іюля 1911 г.
[3]) «Переписка», Приложеніе I къ № 105.

нія ожидать ничѣмъ не вызваннаго нападенія со стороны третьей державы или чего либо угрожающаго общему миру, оно должно было бы немедленно обсудить съ другимъ, должны ли оба правительства дѣйствовать сообща, дабы воспрепятствовать нападенію и сохранить миръ, и если такъ, то какія мѣры они готовы были бы совмѣстно принять. Если эти мѣры заключали бы въ себѣ дѣйствія, то оба правительства немедленно приняли бы въ соображеніе планы своихъ генеральныхъ штабовъ и затѣмъ рѣшили бы, какъ эти планы привести въ исполненіе».

Г. Камбонъ отвѣтилъ на слѣдующій день, что онъ уполномоченъ принять предложеніе, сдѣланное сэромъ Э. Греемъ.[1])

Соглашеніе, какъ видимъ, носило эластичный характеръ. Никакая изъ сторонъ не была обязана къ общимъ, хотя бы и дипломатическимъ дѣйствіямъ съ другой. Онѣ должны были лишь обсудить сообща всякое угрожающее положеніе, и принять общія мѣры, если обѣ стороны признаютъ ихъ необходимыми. Допускалось, что соглашеніе можетъ привести къ совмѣстной оборонительной войнѣ по общему плану. Такое соглашеніе между двумя суверенными государствами могло бы вызвать неудовольствіе лишь державы, которая намѣрена напасть на одну изъ нихъ безъ опредѣленнаго повода съ ея стороны.

Дата этихъ нотъ несомнѣнно знаменательная. Въ ноябрѣ 1912 г. балканскіе союзники шли на Константинополь и уже начался споръ о добычѣ, доставленной балканской войной. Сербія навлекла на себя вражду Австро-Венгріи своимъ требованіемъ Албаніи и адріатическихъ портовъ, и двуединая монархія заявила, что она никогда не согласится на это. Австрійскіе государственные люди подозрѣвали, что за спиной Сербіи стоитъ Россія; это, говорили они, является лишь способомъ дать Россіи доступъ къ морю, которое Австрія разсматривала, какъ собственное. Австрія мобилизовала свою армію, и война едва ли могла бы быть избѣгнута безъ посредничества Германіи и Англіи. Если бы Англія дѣйствительно носилась съ тѣми злонамѣренными планами, которые ей приписываютъ въ нѣкоторыхъ германскихъ кругахъ, то для нея было бы всего удобнѣе раздуть это пламя и натра-

[1]) Тамъ же, приложеніе 2 къ № 105.

вить Россію на Тройственный союзъ. Ноты показываютъ, что цѣли сэра Эдуарда Грея были совершенно другія. Онъ вполнѣ предвидѣлъ, что война между Австріей и Россіей имѣла бы своимъ результатомъ нападеніе Германіи на Францію. Не довольствуясь обѣщаніемъ Франціи своей поддержки, онъ старался уничтожить корень зла. Въ декабрѣ 1912 г. состоялась въ Лондонѣ конференція для улаженія балканскихъ споровъ, и она убѣдила Сербію согласиться на разумный компромиссъ, согласно которому она получала торговый доступъ къ Адріатическому морю, но не портъ. Это успокоило на время Австрію и предупредило міровую войну. Кому мы обязаны этимъ рѣшеніемъ, объ этомъ мы узнаемъ изъ устъ германскихъ государственныхъ людей. Германскій имперскій канцлеръ сказалъ послѣ этого (7 апрѣля 1913 г.) въ рейхстагѣ:

«Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Австро-Венгрія и Россія находились между собою въ напряженныхъ отношеніяхъ, переходъ которыхъ въ состояніе войны былъ предотвращенъ лишь благодаря умѣренности державъ. Европа должна быть благодарна англійскому министру иностранныхъ дѣлъ за то чрезвычайное искусство и тотъ примирительный духъ, съ которыми онъ руководилъ переговорами пословъ въ Лондонѣ и которыя всегда давали ему возможность перебросить мостъ черезъ различныя мнѣнія».

Имперскій канцлеръ закончилъ слѣдующими словами: «мы, во всякомъ случаѣ, никогда не будемъ подстрекать къ такой войнѣ»—обѣщаніе или пророчество, ложность котораго теперь замѣчательно обнаружилась.

Не легко понять линію поведенія, которую Германія приняла по отношенію къ сосѣдней великой славянской державѣ. Съ тѣхъ поръ какъ Бисмаркъ выпустилъ изъ своихъ рукъ руль германской политики, она то шла въ направленіе подслуживанія, то становилась чрезмѣрно дерзко-вызывающей. Періодически, надо полагать, руководители германской политики начинали сознавать, что въ конечномъ результатѣ сила русскаго натиска будетъ неодолима; въ другое-же время, особенно послѣ русско-японской войны, они смотрѣли на Россію такъ, какъ государственные люди временъ королевы Елизаветы смотрѣли на Испанію, какъ на «колосса на глиняныхъ ногахъ». Но они, повидимому, правильно ли или ошибочно предполагали, что раньше или позже должна произойти

всеобщая вооруженная потасовка, основной характерной чертой которой будетъ вооруженное столкновеніе тевтоновъ со славянами, и въ германскихъ военныхъ кругахъ несомнѣнно существовало убѣжденіе, что будетъ лучше, если это эпическое столкновеніе наступитъ раньше, а не позже. Долго ли и какъ долго эта идея оказывала вліяніе на германскую политику, мы не беремся рѣшать. Но она несомнѣнно способствовала ея незавидному превосходству въ бѣшеной скачкѣ вооруженій, которую всѣ мыслящіе люди осудили, какъ невыносимый налогъ на западную цивилизацію и которое увеличило все то зло, которое оно имѣло цѣлью предотвратить.

Инициативой этого зла мы, можетъ быть, обязаны Франціи. Но, если это и вѣрно, то все же нужно сказать, что мы этимъ обязаны той Франціи, которая смотрѣла со справедливымъ безпокойствомъ на чрезвычайный скачекъ вверхъ населенія и богатства Германіи послѣ 1871 г. «Законъ Буланже», принятый въ 1886 г., довелъ мирный составъ французской арміи до свыше 500,000 человѣкъ, въ то время какъ мирный составъ германской арміи равнялся 427,000, а русской арміи—550,000 человѣкъ. Бисмаркъ отвѣтилъ на это сравнительно умѣреннымъ военнымъ закономъ, увеличивавшимъ мирный составъ германской арміи въ продолженіе ближайшихъ семи лѣтъ на 41,000 ч. и для сравненія тогдашняго и нынѣшняго настроенія характеренъ тотъ фактъ, что ему удалось привести этотъ законъ лишь послѣ распущенія одного рейхстага и внушительнаго обращенія къ его преемнику.

Франція должна была скоро раскаяться въ неосторожномъ шагѣ, на который ее толкнулъ военный авантюристъ. Съ ея сравнительно небольшимъ и быстро приближающимся къ стаціонарной фазѣ населеніемъ, для нея было невозможно долго выдержать такое состязаніе. Въ 1893 г. законъ графа Каприви, проведенный подобно закону Бисмарка, послѣ упорной борьбы съ рейхстагомъ, довелъ мирный составъ германской арміи до 479,000 чел. Графъ Каприви въ то же самое время уменьшилъ срокъ обязательной военной службы на годъ (вмѣсто трехъ—два года). Но эта реформа, облегчая бремя каждаго отдѣльнаго рекрута, являлась вмѣстѣ съ тѣмъ громаднымъ увеличеніемъ числа тѣхъ, которые прошли черезъ военную муштровку и чрезвычайнымъ увеличеніемъ военной силы. Франко-русское соглашеніе 1896 г. было призна-

комъ того, что Франція начала сознавать, что она потерпѣла пораженіе въ борьбѣ за первенство и вынуждена перейти къ оборонѣ. Въ 1899 г. германскій мирный военный составъ былъ доведенъ для ближайшихъ шести лѣтъ до 495,000 ч.; въ 1905 г.—до 505,000 ч. При послѣднемъ увеличеніи состава арміи германское правительство оправдывало свою политику тѣмъ соображеніемъ, что французскія военныя силы еще превосходятъ военныя силы Германіи и сдѣлались бы еще больше, если бы Франція замѣнила трехгодичный срокъ обязательной службы двухгодичнымъ. Германскій законъ изданъ въ 1904 г. и привелъ къ естественнымъ послѣдствіямъ. Французскій сенатъ не только пропустилъ новый военный законъ уже въ 1905 г., но еще кромѣ того, отвергъ тѣ измѣненія, которыя нижняя палата ввела въ этотъ законъ для того, чтобы облегчить для территоріальной арміи бремя ежегоднаго учебнаго сбора. Франція нашла для себя оправданіе въ моракканскомъ эпизодѣ предшествующаго года.

Это было не неразумно; но послѣ этого Франція была тяжело наказана за шагъ, который можетъ служить признакомъ того, что мысль о реваншѣ была еще характерной чертой ея иностранной политики. Величайшія усилія, сдѣланныя ею начиная съ 1886 г., позволили ей только довести мирный составъ своей арміи до 545,000 чел. (включая въ это число 28.000-ный корпусъ колоніальныхъ войскъ, находящійся во Франціи) и всю свою военную силу до 4.000,000. Въ это же самое время мирный составъ германской арміи былъ доведенъ до свыше 800,000 чел., а вся ея военная сила вполнѣ обученныхъ людей до приблизительно 5.400,000 чел. Изъ этихъ цифръ явствуетъ, что политика изолированности давно перестала быть возможной для Франціи, и союзъ съ Россіей былъ для нея единственно возможнымъ способомъ уравновѣсить численное превосходство германской арміи, которая, несомнѣнно, вооружена или сорганизована не хуже французской арміи.

Этотъ союзъ съ Россіей былъ единстеннымъ шагомъ ея континентальной политики, который можетъ быть обвиненъ въ томъ, что онъ стремится нарушить европейское равновѣсіе. Онъ, несомнѣнно, является главнымъ грѣхомъ Франціи въ глазахъ Германіи, и ея колоніальная политика являлась предметомъ нападокъ лишь въ качествѣ предлога для того,чтобы затѣять ссору и заставить Францію помѣряться силами прежде,

чѣмъ ростъ военныхъ рессурсовъ Россіи сдѣлаетъ ея союзницу неуязвимой.

Посмотримъ теперь на германскія военныя приготовленія съ германской точки зрѣнія. Увеличенія военныхъ расходовъ и боевой силы за послѣднія двадцать лѣтъ открыто обсуждались въ рейхстагѣ, и дебаты обыкновенно вращались въ одной и той же плоскости, потому что правительство до 1912 г. вело послѣдовательную военную политику, военная программа составлялась на нѣсколько лѣтъ впередъ и находила свое воплощеніе въ актѣ объ арміи. Принципъ, лежащій въ основаніи этихъ актовъ объ арміи (1893, 1899, 1905,1911 г. г.) заключался въ поддержаніи одной и той же постоянной пропорціи между мирнымъ составомъ арміи и народонаселеніемъ. Но военныя силы непропорціонально возрасли благодаря военному закону 1893 г., уменьшившему срокъ обязательной службы съ трехъ лѣтъ до двухъ. Едва прикрытымъ намѣреніемъ германскаго генеральнаго штаба было увеличить военныя силы настолько быстро, насколько это совмѣстимо съ долготерпѣніемъ тѣхъ, которые отбываютъ военную службу, и тѣхъ, которые платятъ по счету. Германія признала аксіомой, что увеличивающееся народонаселеніе должно быть защищаемо увеличивающейся арміей. Національная оборона приводилась, слѣдовательно, какъ главное соображеніе, и если-бы эти военныя приготовленія требовались увеличивающейся опасностью на двухъ главныхъ границахъ Германіи, то ни одинъ германскій гражданинъ не могъ бы не одобрить этой политики, и ни одна держава не могла бы имѣть законнаго повода для жалобъ.

Къ несчастію, германская политика послѣднихъ лѣтъ держалась правила, что національная независимость означаетъ возможность стать агрессивной каждый разъ, когда это потребуютъ національные интересы или національное самолюбіе. За ростомъ численности или технической готовности германской арміи, слѣдовали, повидимому, мастерскіе удары дипломатіи, въ которыхъ она явно показывала другимъ континентальнымъ державамъ «бронированный кулакъ». Такъ, напр., въ 1909 г., послѣ того, какъ былъ принятъ законъ о перевооруженіи арміи въ продолженіе пяти лѣтъ, благодаря которому германскій военный бюджетъ возросъ съ 27,000,000 фунтовъ стерлинговъ до 41,000,000, Германія поддержала аннексію Австріей Босніи и Герцеговины, и ясно сказала петер-

бургскому правительству, что всякія военныя дѣйствія противъ Австріи приведутъ Россію къ состоянію войны съ Германіей. Это былъ страшный шагъ, мы можемъ его назвать radix malorum (корень зла), поскольку это касается послѣдней стадіи ситуаціи на континентѣ. Россія отступила въ 1909 г. передъ угрожавшимъ конфликтомъ, но едва ли она когда либо простила германскій ультиматумъ и манеру его предъявленія.

Въ 1911 г. послѣдовалъ агадирскій эпизодъ, который явно былъ попыткой «затѣять ссору съ Франціей». Но въ 1911 г. Германія убѣдилась, что ея военныя выкладки недостаточны, если она желаетъ продолжать эти нелюбезные дипломатическіе пріемы. Увеличеніе военныхъ силъ не было для нея вопросомъ самосохраненія; это было нужно, какъ сказалъ имперскій канцлеръ рейхстагу, для того, чтобы показать міру, что «Германія твердо рѣшилась не позволять оттолкнуть себя въ сторону». Вотъ почему былъ предложенъ и принятъ сенсаціонный военный законъ 1912 г., ставшій необходимымъ, какъ правительство сказало рейхстагу, благодаря событіямъ 1911 г. Русскую опасность едва-ли можно было характеризовать, какъ непосредственную. Прусскій военный министръ сказалъ въ 1911 г. публично, что «нѣтъ ни одного правительства, которое желало бы или искало войны съ Германіей». Россія незадолго передъ этимъ предприняла шаги, которые въ Берлинѣ, можетъ быть, толковались, какъ признаки слабости, но въ другихъ мѣстахъ были привѣтствованы, какъ доказательство ея желанія сохранить всеобщій миръ. Г. Извольскій, который считался защитникомъ балканскихъ идеаловъ, покидаетъ свой постъ; его преемникъ, г. Сазоновъ, сопровождаетъ Государя Императора, чтобы присутствовать на потсдамскомъ свиданіи (1910 г.); оставшіеся нерѣшенными споры между Россіей и Германіей относительно ихъ интересовъ въ Персіи улаживаются соглашеніемъ 1911 г.

Но за германскимъ военнымъ закономъ 1912 г. послѣдовало вмѣшательство Россіи въ балканскія дѣла для того, чтобы обезпечить Сербіи, по крайней мѣрѣ, торговый доступъ къ Адріатическому морю. Этотъ компромиссъ, который Германія явно поощряла и восхваляла, лишь усилилъ рѣшимость германскаго правительства «не сходить со своей позиціи» въ балканскомъ вопросѣ, продолжать требовать для Австріи права разрѣшить свои собственныя недоразумѣнія съ Сербіей,

какъ она сама захочетъ, и отрицать за Россіей всякую заинтересованность въ томъ или иномъ ихъ разрѣшеніи. Въ 1913 г. послѣдовало величайшее усиліе германскаго генеральнаго штаба: военный законъ, долженствующій довести мирный составъ арміи до 870.000 и всю военную силу до 5.400,000 чел. Это громадное увеличеніе, рекомендовалось «единодушнымъ сужденіемъ военныхъ авторитетовъ» какъ мѣра, «необходимая для обезпеченія будущности Германіи». Имперскій канцлеръ предостерегалъ рейхстагъ, что, хотя Германія и находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ Россіей, они все-же должны принять во вниманіе неожиданности, которыя можетъ привести съ собою панславистское движеніе, а въ самой Россіи они должны считаться съ изумительнымъ экономическимъ развитіемъ и небывалой до сихъ поръ реорганизаціей арміи. Въ рѣчи имперскаго канцлера было также указаніе на новый законъ о возвращеніи къ трехлѣтней военной службѣ, которую Франція ввела для того, чтобы усилить боевую готовность мирнаго состава своей арміи. Но было ясно, что главнымъ образомъ озабочиваетъ Россія. Германія двигалась форсированнымъ маршемъ какъ въ отношеніи увеличенія своей военной мощи, такъ и въ отношеніи своихъ пріемовъ дипломатическихъ сношеній. Внезапно она увидѣла себя на краю пропасти. Она зашла слишкомъ далеко; она вызвала на путь соперничества въ вооруженіи державу, которая настолько же превосходила Германію своимъ запасомъ человѣческаго матеріала, насколько, какъ считала Германія, она сама превосходила въ этомъ отношеніи Францію. Для Германіи еще не было слишкомъ поздно остановиться. Отъ ея будущаго поведенія по отношенію къ другимъ державамъ зависѣло, будетъ ли принятъ законъ 1913 г., какъ нѣчто вродѣ страхованія или какъ вызовъ всѣмъ возможнымъ противникамъ.

Другія державы послѣдовали примѣру Германіи. Во Франціи верховный военный совѣтъ, ознакомившись съ основными чертами германской военной программы, рѣшилъ 4 марта увеличить дѣйствительный составъ арміи путемъ возвращенія отъ двухлѣтней службы къ трехлѣтней. Раньше, чѣмъ германскій законъ прошелъ въ райхстагѣ (30 іюня), французскій первый министръ заявилъ (15 мая), что онъ своея властью задержитъ подъ знаменами тѣхъ, второй годъ службы которыхъ истечетъ осенью. Французскій военный

законъ послѣ того, какъ онъ окончательно прошелъ черезъ палаты (16 іюля), понизилъ предѣльный возрастъ для начала военной службы съ двадцати одного года до двадцати лѣтъ и сразу ввелъ въ силу это новое правило. За нѣсколько недѣль до этого (20 іюня) Бельгія ввела всеобщую воинскую повинность вмѣсто прежней облегчительной системы. Въ Россіи состоялось закрытое засѣданіе Государственной Думы (8 іюля) для принятія новаго военнаго бюджета, и срокъ военной службы былъ повышенъ съ трехъ лѣтъ до трехъ лѣтъ съ четвертью. Одна лишь Австрія не предприняла значительнаго увеличенія численнаго состава своей арміи, но зато ассигновала (30 октября) на чрезвычайные морскіе и военные расходы 28.000.000 ф. стерл., которые должны были быть израсходованы въ первые шесть мѣсяцевъ 1914 г. Со всѣхъ сторонъ, такимъ образомъ, поднялась тревога, и спеціальныя приготовленія были предприняты раньше, чѣмъ наступилъ кризисъ 1914 г. Забила въ набатъ Германія и, трудно допустить, чтобы руководители ея военной партіи уже тогда не задумали какого нибудь ошеломительнаго удара.

Насъ увѣряли, что, какова бы ни была видимость, въ дѣйствительности Россія заставила Германію предпринять чрезвычайныя приготовленія 1913 г., Германія-де вооружалась просто для самозащиты противъ славянскаго крестоваго похода. Посмотримъ теперь, что говорятъ факты. Экономически Россія, какъ государство, находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Германская имперія. Намъ сообщаютъ въ 1912 г., что за послѣднія пять лѣтъ государственные доходы Россіи ежегодно превышали расходы въ среднемъ на 20.000,000 ф. стерл. (200.000,000 руб.). Государственные доходы Россіи за 1913 г. равнялись свыше 324.000.000 ф. стерл. (3.240.000.000 р.). Она ассигновала на военные расходы въ 1914 г. 78.000,000 ф. ст. (780,000,000 р.), изъ которыхъ около 15.000,000 фунт. ст. (150.000,000 р.) ассигнованы на чрезвычайные расходы. Весь государственный доходъ Германской имперіи въ 1913 г. равнялся 184.000,000 ф. ст.; она ассигновала на военные расходы въ 1914 г. 60.000,000 ф. ст. Если примемъ германскую мѣрку сравненія, то приходится замѣтить, что Россія имѣетъ населеніе въ 173 милл., которое она должна защищать на трехъ границахъ, между тѣмъ, какъ Германія имѣетъ лишь населеніе въ 65 милл., которое она должна защищать на двухъ

границахъ. Военныя усилія Россіи были, поэтому, сдѣланы въ сравнительно меньшемъ масштабѣ, чѣмъ усилія Германіи.

Мы должны, однако, прибавить нѣкоторыя другія соображенія, выставленныя германскими военными критиками. За указанные ими факты мы не можемъ ручаться, но мы ихъ приводимъ, какова бы ни была ихъ объективная цѣнность. Реорганизація русской арміи въ послѣдніе годы, говорятъ эти военные критики, привела къ размѣщенію чрезвычайно возросшихъ военныхъ силъ на ея западной границѣ. Ея западныя крѣпости были также снабжены вооруженіями въ небываломъ масштабѣ; Россія построила новые шоссейные пути и желѣзныя дороги для того, чтобы ускорить мобилизацію своихъ военныхъ силъ, и главное, она провела стратегическія линіи желѣзныхъ дорогъ по направленію къ своей западной границѣ. Такимъ образомъ, Россія, намъ говорятъ, въ дѣйствительности нарушила потсдамское соглашеніе 1910 г., которымъ она обязалась отвести свои войска на опредѣленное разстояніе отъ русско-германской границы. Признаемся, что во всемъ этомъ мы не видимъ основательной причины для войны, хотя это могло быть причиной для бдительности со стороны Германіи; никакой изъ этихъ фактовъ не указываетъ на что нибудь большее, чѣмъ намѣреніе Россіи не дать Германіи въ будущемъ возможности запугать ее такъ, какъ она запугала ее въ 1909 и 1912 г.г.

Эти военныя приготовленія не ускользнули отъ вниманія Англіи. Онѣ вызвали безконечныя разсужденія на тему о великой будущей войнѣ и роли, которую нашей странѣ придется, можетъ быть, въ ней играть. Мало кто, однако, серьезно думалъ, что мы рѣшимся участвовать въ сухопутной войнѣ. Вопросомъ, чаще всего разсматривавшемся въ этой связи, являлся вопросъ о необходимыхъ приготовленіяхъ для отраженія вторженія въ Англію. Возможно ли избѣгнуть обязательной военной службы? Достаточно ли многочисленны и боеспособны территоріальныя войска для того, чтобы защищать страну, когда ея экспедиціонная армія уйдетъ заграницу? Великобританія была въ августѣ 1914 г. подготовлена къ сухопутной войнѣ лучше, чѣмъ когда либо въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Но экспедиціонная армія была недавнимъ созданіемъ и предназначалась для защиты Индіи и колоній. На практикѣ

страна придерживалась политики «синяго моря», всецѣло довѣряя судьбы страны флоту. Ортодоксальная теорія гласила, что пока флотъ стоитъ на уровнѣ «двухъ державъ» не можетъ быть никакого значительнаго дессанта на острова Великобританіи.

Но, начиная съ 1898 г. программа германскаго закона о флотѣ представляла собою постоянно растущую угрозу уровню «двухъ державъ», который былъ указанъ, какъ наша оффиціальная программа въ 1889 г., когда нашими главными европейскими соперниками на морѣ были Францція и Россія. Что Францція и Россія соединятся съ Германіей для того, чтобы покушаться на наше морское господство, было невѣроятно, но другія государства начали строить флотъ въ болѣе широкомъ масштабѣ и, такимъ образомъ, увеличивалось возможное число враждебныхъ намъ комбинацій. Желаніе Германіи обладать сильнымъ флотомъ было лишь слишкомъ естественно. Она въ немъ нуждалась для защиты своей внѣшней торговли, своихъ колоніальныхъ интересовъ и своихъ собственныхъ морскихъ портовъ. Выработка германской морской программы на шесть лѣтъ впередъ и расширеніе этой программы при каждомъ пересмотрѣ тоже не является несомнѣннымъ доказательствомъ ея зложелательности. Но наша страна получила, почувствовала ударъ въ 1900 г., когда программа 1898 г. была неожиданно и энергично пересмотрѣна, такъ что германскій флотъ практически удвоился. Англія была въ это время занята Южно-африканской войною, и было трудно понять, противъ кого могъ бы быть употребленъ этотъ флотъ, если не противъ Англіи. На это время отъ времени указывала въ рейхстагѣ соціалистическая оппозиція. Ортодоксально оффиціальнымъ отвѣтомъ на это указаніе являлось соображеніе, что Германія должна быть такъ сильна на морѣ, чтобы наиболѣе сильная морская держава не могла угрожать ей съ малѣйшей надеждой на успѣхъ. Но было хорошо извѣстно, что полуофиціальная флотская лига настроена очень враждебно къ Англіи, и было очевидно, что идея германскаго флота обязана своей популярностью алармистской пропагандѣ этой лиги.

Англійскіе государственные люди не могли не подозрѣвать, что на морѣ, какъ и на сушѣ, подъ свободой Германія разумѣетъ право на неограниченное самоутвержденіе. Благо-

разуміе требовало, чтобы они внимательно слѣдили за германскими законами о флотѣ, тѣмъ болѣе, что они, какъ оказалось, могутъ быть неожиданно форсированы. Становилось все болѣе и болѣе трудно подъ напоромъ германскаго соперничества поддерживать уровень «двухъ державъ», и англійскіе либералы были склонны признать его разорительнымъ. Но когда либеральное министерство попыталось произвести экспериментъ и съэкономить на расходахъ на флотъ (1906—1908 г.г.), въ германской программѣ не было введено соотвѣтственное уменьшеніе расходовъ. Германскій законъ о флотѣ 1906 г. увеличилъ цифру морского бюджета на одну треть, а предложеніе англійскаго правительства объ обоюдномъ ограниченіи морскихъ вооруженій было мягко отклонено германскими министрами, какъ практически неосуществимое.

Въ 1909 г. наша страна открыла, что въ отношеніи линейныхъ кораблей, которые теперь стали разсматриваться, какъ рѣшающій факторъ въ морской войнѣ, Германія, дѣйствительно, будетъ превосходить Англію въ 1914 г., если не будутъ приняты особыя мѣры. Англійское правительство обратило свое вниманіе на создавшееся новое положеніе (оно возникло благодаря германскому закону о флотѣ 1908 г.), и, хотя и неохотно, возвратилось на путь ростущихъ расходовъ. Первый министръ сказалъ, что мы сожалѣемъ о быстромъ ростѣ расходовъ и не проникнуты антигерманскими чувствами, но мы не можемъ допустить, чтобы наше превосходство на морѣ подверглось опасности, такъ какъ отъ него зависитъ наша національная безопасность (16 марта 1909 г.). Отъ уровня «двухъ державъ» мы отказались, и тройственный союзъ сдѣлался предметомъ особаго вниманія англійскаго адмиралтейства. Первый лордъ адмиралтейства сказалъ 13 марта 1911 г., что мы должны стремиться къ тому, чтобы нашъ флотъ превосходилъ флотъ всякой другой державы и всякой вѣроятной комбинаціи державъ, съ которой, можетъ быть, придется помѣряться намъ однимъ. На практикѣ это означало, что мы должны слѣдить за тѣмъ, чтобы нашъ флотъ въ отношеніи дредноутовъ относился къ германскому, какъ 1,6 : 1. Это какъ было оффиціально объяснено въ 1912 г. дѣйствительно было той указной мѣрой, которой руководилось адмиралтейство при постройкахъ новыхъ кораблей (г. Уинстонъ Черчиль, 18 марта 1912 г.).

Но и эта программа должна была быть усилена, когда въ 1912 г. былъ принятъ новый германскій законъ о флотѣ, увеличившій для ближайшихъ шести лѣтъ ежегодные расходы на флотъ на 1.000.000 ф. ст., въ результатѣ чего почти четыре пятыхъ германскаго флота были приведены въ непосредственную боевую готовность. До этого въ томъ же году англійское правительство заявило, что если осуществленіе германской программы построекъ новыхъ кораблей будетъ ускорено, то мы должны будемъ прибавить къ нашей программѣ двойное число тѣхъ новыхъ кораблей, которые, благодаря этому, заготовитъ Германія, но если Германія ослабитъ свои приготовленія, то и мы строго пропорціонально сдѣлаемъ соотвѣтственное уменьшеніе. Германскій законъ появился, какъ отвѣтъ на это заявленіе, и за нимъ послѣдовала у насъ дополнительная ассигновка на флотъ въ размѣрѣ приблизительно милліона фунтовъ стерлинговъ, и правительство объявило, что это лишь «первая и наименьшая часть чрезвычайныхъ расходовъ, которые придется сдѣлать, благодаря новому германскому закону». Новая морская политика Англіи продолжала осуществляться и въ 1913 и 1914 г.г., несмотря на то, что первый лордъ адмиралтейства сдѣлалъ въ 1913 г. публичное предложеніе Германіи устроить «праздникъ для флота», пріостановить по обоюдному соглашенію новыя постройки. Имперскій канцлеръ отвѣтилъ только указаніемъ, что это предложеніе совершенно неоффиціально, требовалъ конкретныхъ предложеній и замѣтилъ, что эта идея представляетъ собою большой прогрессъ; и его морской бюджетъ въ 1913 г. былъ на полмилліона больше, чѣмъ морской бюджетъ 1912 г.

Изъ этихъ фактовъ, разсмотрѣнныхъ въ ихъ хронологической послѣдовательности, ясно видно, что на морѣ, какъ и на сушѣ, Германія сдѣлала первый шагъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ германскій флотъ не входилъ въ англійскіе морскіе расчеты. Въ продолженіе послѣднихъ шести лѣтъ, если не въ продолженіе болѣе долгаго періода, это былъ единственный флотъ, за которымъ адмиралтейство чувствовало необходимость слѣдить годъ за годомъ, а на дѣлѣ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Въ первый разъ за періодъ болѣе чѣмъ въ сто лѣтъ намъ пришлось столкнуться съ вопросомъ о «могущественномъ однородномъ флотѣ, находящемся подъ единой властью

и концентрированномъ въ недалекомъ разстояніи отъ нашихъ береговъ».

Если-бы мы слѣдовали германскимъ принципамъ, мы давно уже должны были бы прибѣгнуть къ «наступленію-оборонѣ». Германія намъ угрожала на морѣ, во всякомъ случаѣ, такъ же серьезно, какъ Россія Германіи на сушѣ. Но мы можемъ увѣренно утверждать, что въ періодѣ соперничества нашъ флотъ никогда не былъ употребленъ какъ угроза или для цѣлей агрессивной колоніальной политики. Правильно ли или ошибочно мы поступали, но мы отказывались сдѣлать возможныя намѣренія поводомъ для ультиматума. Мы стояли на той позиціи, что лишь нарушеніе международнаго права оправдывало бы оставленіе нами нашихъ усилій сохранить европейскій миръ.

Добавленіе. Краткое изложеніе содержанія соглашенія относительно Марокко.

Въ апрѣлѣ 1904 г. Англія и Франція заключили между собою соглашеніе для разграниченія своихъ интересовъ на Средиземномъ побережьѣ сѣверной Африки. Соглашеніе содержало въ себѣ пять секретныхъ пунктовъ, которые не были опубликованы до ноября 1911 г. Содержаніе тотчасъ же обнародованныхъ статей заключалось въ слѣдующемъ. Въ первой статьѣ Англія заявляла, что она не намѣрена измѣнять политическое положеніе Египта, а Франція со своей стороны заявляетъ, что она не будетъ мѣшать дѣйствіямъ Англіи въ Египтѣ требованіемъ назначенія опредѣленнаго срока для британской оккупаціи Египта или какимъ нибудь инымъ образомъ. Во второй статьѣ Франція заявляетъ, что она не имѣетъ намѣренія измѣнить политическое положеніе Марокко, а Англія признаетъ, что Франція, какъ сосѣдняя съ Марокко держава, имѣетъ право слѣдить за тѣмъ, чтобы въ этой странѣ не было нарушено спокойствіе, и помогать ей въ осуществленіи всѣхъ нужныхъ для нея административныхъ, экономическихъ, финансовыхъ и военныхъ реформъ. Франція обѣщаетъ уважать обычныя и договорныя права Англіи въ Марокко, а въ третьей статьѣ Англія дѣлаетъ Франціи соотвѣтственное обѣщаніе относительно Египта. Въ четвертой статьѣ оба правительства обязуются придерживаться «принципа свободы торговли» въ Египтѣ и Марокко, не допуская въ той и другой странѣ неравенства въ таможенныхъ

пошлинахъ или въ другихъ налогахъ или въ желѣзнодорожныхъ ставкахъ. Шестая и седьмая статьи обезпечиваютъ свободный проходъ черезъ Суэцкій каналъ и Гибралтарскій проливъ. Восьмая статья заявляетъ, что обоими правительствами дружески принимаются во вниманіе интересы Испаніи въ Марокко и что Франція какъ нибудь уладитъ вопросъ съ испанскимъ правительствомъ. Девятая статья заявляетъ, что каждое изъ двухъ правительствъ дастъ свою дипломатическую помощь другой въ отношеніи статей договора относительно Египта и Марокко[1]). Изъ секретныхъ статей двѣ относительно къ Испаніи. Онѣ устанавливали территорію, которую она должна будетъ получить, «когда прекратится власть султана въ этой странѣ», и предусматривали, что англо-французскій договоръ долженъ сохранить свою силу даже въ томъ случаѣ, если Испанія отклонитъ это соглашеніе. 1-ая статья постановляетъ, что если какое нибудь изъ двухъ договаривающихся правительствъ въ силу обстоятельствъ найдетъ себя вынужденнымъ измѣнить свою политику по отношенію къ Египту и Марокко, то четвертая, шестая и седьмая статьи обнародованной части договора должны остаться въ силѣ, т. е., что каждое изъ этихъ правительствъ сохранитъ при всѣхъ обстоятельствахъ «принципъ свободы торговли» и будетъ позволять свободный проходъ черезъ Суэцкій каналъ и Гибралтарскій проливъ. Во 2-ой статьѣ Англія, хотя и отказывается отъ всякаго намѣренія измѣнить систему капитуляцій или судебную организацію Египта, сохраняетъ за собою право реформировать египетское законодательство по образцу другихъ цивилизованныхъ странъ, и Франція соглашается на это подъ условіемъ, что Англія ей не будетъ мѣшать проводить подобныя реформы въ Марокко. Пятая статья относилась къ египетскому національному долгу.

ГЛАВА III.

Историческій очеркъ русской политики.

До 1890 г. Россія и Германія находились между собою въ тѣсныхъ отношеніяхъ. Императорскіе дома этихъ государствъ

---

[1]) «Times», 12 апр. 1904 г.

соединяли узы родства, обѣ имперіи объединяла между собою общая политика притѣсненія польскаго народа—роковое наслѣдіе временъ Фридриха Великаго и Екатерины II. Народъ въ Россіи всегда, однако, относился враждебно къ Германіи, и уже въ 1885 г. балканскія дѣла начали отвращать отъ нея русское правительство. Въ 1890 г. палъ Бисмаркъ; Вильгельмъ II оставилъ союзъ съ Россіей, и въ тѣсной связи съ Австріей ввязался въ балканскія авантюры, которыя направлялись противъ цѣлей, преслѣдуемыхъ Россіей, а послѣдняя, со своей стороны, стала искать новыхъ союзниковъ.

Новое направленіе русской политики, которое привело цѣли русскаго правительства въ полное согласіе съ національными и славянскими чувствами, опредѣлялись условіями Балканскаго полуострова. Бисмаркъ ничего не искалъ на Балканахъ; на Берлинскомъ конгрессѣ онъ довольствовался только ролью «честнаго маклера», а о болгарскомъ эпизодѣ 1885 г. онъ выразился, что «онъ не стоитъ костей одного померанскаго гренадера». Вильгельмъ II былъ, очевидно, другого мнѣнія. Германія во всякомъ случаѣ вела, повидимому, впродолженіе многихъ лѣтъ политику утвержденія вмѣстѣ съ вліяніемъ Австріи также и своего вліянія въ южно-восточной Европѣ. И эта политика является fons et origo (источникомъ) настоящей войны, ибо это—политика, которой Россія противится и не можетъ не противиться, пока Россія остается вѣрна своему славянскому происхожденію и вѣковымъ своимъ традиціямъ.

Послѣ того, какъ Австрія въ 1866 г. окончательно потеряла Италію, она стала искать компенсаціи на Балканахъ. Если была потеряна Венеція, то нѣкоторымъ вознагражденіемъ за эту потерю казалась оккупація Босніи и Герцеговины въ 1878 г.; отсюда Австрія могла расширить свои владѣнія дальше—въ концѣ концовъ, можетъ быть, до Салоникъ. Сербія, которая могла выставить противъ этого свои возраженія, были при Обреновичахъ вассальнымъ государствомъ, протеже Австріи. Какъ Австрія могла надѣяться расширить свою территорію по линіи Салоникъ,[1]) такъ и Германія составила,

[1]) Графъ Эренталь, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ (1906—1912) составилъ планъ Новобазарской желѣзной дороги, чтобы соединить боснійскія желѣзныя дороги съ (въ то время) турецкой

повидимому, въ концѣ девятнадцатаго вѣка планъ параллельной линіи проникновенія, которое распространяло бы ея вліяніе черезъ Константинополь, черезъ Конію до Багдада. Она стала распространять свое вліяніе въ маленькихъ балканскихъ государствахъ и въ Турціи. Въ 1898 г. румынскій король (Гогенцоллернъ по происхожденію) согласился допустить черезъ свои владѣнія безпересадочное сообщеніе Берлинъ—Константинополь. Въ 1899 г. нѣмецкая компанія получила концессію на постройку Багдадской желѣзной дороги отъ Коніи до входа въ Персидскій заливъ. Однимъ словомъ, Германія начала становиться на пути традиціонной политики Россіи, всегда стремившейся къ изгнанію турокъ изъ Европы и овладѣнію Константинополемъ. Она начала поддерживать Турцію, обучать ея армію, эксплоатировать ея богатства и стремиться вытѣснить Россію вообще изъ юго-восточной Европы.

Въ 1903 г. успѣхи Австріи и Германіи на пути этой политики были остановлены. Благодаря запятнанному кровью бѣлградскому дворцовому перевороту была свергнута династія австрофильскихъ Обреновичей и вмѣсто нея воцарилась оспаривавшая у нея престолъ династія Карагеоргіевичей. При новой династіи Сербія освободилась изъ подъ опеки Австріи и, вступивъ въ тѣсную связь съ Россіей, сдѣлалась центромъ славянской жизни. Иллюстрацію этой происшедшей перемѣны далъ 1908 г., когда Австрія воспользовалась произведеннымъ младотурками переворотомъ въ Турціи для того, чтобы формально аннектировать оккупированныя ею Боснію и Герцеговину. Сербія, надѣявшаяся пріобрѣсти когда нибудь эти земли, нѣкогда составлявшія часть старосербскаго царства, почувствовала себя смертельно обиженной этимъ шагомъ Австріи, и готова была бы начать войну, если бы только Россія, ея покровительница, при новой династіи, могла дать свою помощь. Но Россія, еще не оправившаяся послѣ Японской войны, не могла этого сдѣлать; она, напротивъ, должна была перенести униженіе, дать обѣщаніе австрійскому послу въ Петроградѣ, что она не будетъ поддерживать Сер-

---

линіей желѣзной дороги въ Салоники. См. также «Переписка» № 19, сэръ Р. Роддъ сэру Э. Грэю, 25 іюля: «Есть заслуживающее довѣрія извѣстіе, что Австрія намѣрена завладѣть желѣзной дорогой въ Салоники».

біи. Этого униженія Россія не забыла. Она копила деньги, она реорганизовывала армію, она дѣлала все, что въ ея силахъ было сдѣлать для того, чтобы обезпечить себя въ будущемъ. И теперь, когда на основаніи недоказаннаго обвиненія (недоказаннаго въ томъ смыслѣ, что не было представлено юридическихъ доказательствъ) Сербіи въ участіи въ убійствѣ эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги, захотѣла подвергнуть ее крайнему униженію, Россія предпочла рѣшиться на войну, чѣмъ отказаться отъ своего покровительства славянскаго королевства. Славянскія чувства повелительно требовали активнаго вмѣшательства въ пользу Сербіи; никакое правительство не могло бы не послѣдовать этому требованію. Для Россіи здѣсь были поставлены на карту не только цѣлость Сербіи, но и ея вліяніе среди славянскихъ народовъ, главой которыхъ она является, и за всѣмъ этимъ споромъ скрывается вопросъ, должна-ли юго-восточная Европа подпасть подъ тевтонскій контроль и быть потерянной для вліянія Россіи.

Германія не только угрожала славянской жизни въ юго-восточной Европѣ; она еще кромѣ того, вызвала противъ себя враждебныя славянскія чувства на своей собственной восточной границѣ. Жизнеспособность и ростъ славянъ въ восточной Германіи вызвала сильную тревогу среди германцевъ. Германское правительство преслѣдовало, поэтому, въ послѣдніе годы политику притѣсненія своихъ собственныхъ славянскихъ подданныхъ, поляковъ, запрещая имъ употребленіе польскаго языка и экспропріируя польскихъ поземельныхъ собственниковъ съ цѣлью создать германскій оплотъ на востокѣ. Тевтонскій міръ, дѣйствительно, серьезно встревоженъ болѣе высокой процентомъ рождаемостью и физической силой славянъ, но Россія не любила тевтонской политики, и въ русской Польшѣ былъ проведенъ широкій бойкотъ германскихъ товаровъ. Данное Государемъ Императоромъ послѣ начала войны обѣщаніе возстановить старую Польшу и дать ей автономію, показываетъ, какъ далеко ушла Россія отъ того не столь далекаго отъ насъ времени, когда она вела политику притѣсненія поляковъ совмѣстно съ Германіей, и это обѣщаніе сдѣлало разрывъ съ Германіей и Россіей безповоротнымъ.

Совершенно ясно, что жизненные интересы великой славянской державы въ юго-восточной Европѣ и на ея собствен-

ныхъ границахъ противоположны интересамъ Германіи. Но почему, могутъ спросить читатели, должны итти въ своей политикѣ вмѣстѣ Россія и Англія? Есть ли между ними другая связь, кромѣ отрицательной связи общности врага? Да, есть. И Россія и Англія, во первыхъ, преслѣдовали одну общую цѣль, осуществленіе международнаго арбитража и всеобщаго разоруженія. Если ни одна изъ нихъ не успѣла въ этомъ, то все же одна только попытка осуществленія этой цѣли устанавливаетъ между ними какую-то связь. Но есть еще и другіе, болѣе жизненные объединяющіе ихъ факторы. У Англіи, выступившей противъ Россіи и сражавшейся съ нею 1854—1856 гг. за цѣлость Турціи, нѣтъ охоты сражаться за цѣлость германизованной Турціи. Интересы Англіи, требующіе защиты независимости юго-восточной Европы, совпадаютъ съ интересами Россіи. Но главное, новая конституціонная Россія государственной думы является англофильской.

«Политическіе идеалы какъ кадетовъ, такъ и октябристовъ, заимствованы, главнымъ образомъ, у Англіи, изученіе конституціонной исторіи которой вызвало въ Россіи энтузіазмъ, едва-ли понятный современному англичанину. Всѣ три думы... относились замѣчательно дружественно къ Англіи, и Англія доставляла въ нихъ для ссылокъ запасъ прецедентовъ и параллелей.» [1])

Однимъ словомъ, начало русскаго конституціонализма не только совпадаетъ по времени съ англо-русскимъ соглашеніемъ 1907 г., но и въ значительной степени обязано внушенію Англіи.

ГЛАВА IV.

Хронологическій очеркъ кризиса.

Слѣдующій очеркъ событій отъ 28 іюня (15 іюля ст. ст.) до 4 авг. (22 іюля ст. ст.) 1914 г. долженъ лишь служить введеніемъ къ аналитическому и гораздо болѣе подробному изложенію переговоровъ и заявленій этихъ дней, который читатель найдетъ ниже (глава V). Здѣсь мы ограничиваемъ

---

[1]) «Camb. Mod. Hist», т. 12-ый, стр. 379.

нашъ разсказъ лишь простымъ изложеніемъ различныхъ стадій кризиса, не разсматривая мотивовъ вовлеченныхъ въ него державъ и не различая тонкихъ оттѣнковъ различія въ разнообразныхъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ тѣми, которые хотѣли быть или притворялись посредниками.

Кризисъ 1914 г. начался непредвидѣннымъ ходомъ развитія стараго спора Австро-Венгріи и Россіи изъ-за сербскаго вопроса. 28/15 іюня наслѣдникъ австрійскаго престола эрцгерцогъ Францъ Фердинандъ и его супруга герцогиня фонъ-Гогенбергъ сдѣлали торжественное посѣщеніе города Сараево, административнаго центра австрійскихъ областей Босніи и Герцеговины. При вступленіи въ городъ, эрцгерцогъ и его жена едва избѣгли смерти отъ брошенной въ ихъ карету бомбы. Позднѣе въ тотъ же день они были застрѣлены убійцами, вооруженными браунингами. Преступленіе было, повидимому, задумано политическими заговорщиками, которые были недовольны австрійской аннексіей Босніи и Герцеговины (см. выше стр. 41) и желавшими, чтобы эти провинціи были присоединены къ Сербіи.

Австрійское правительство, снарядивъ разслѣдованіе, пришло къ заключенію, что бомбы заговорщиковъ были получены изъ сербскаго арсенала, что преступленіе было задумано въ Бѣлградѣ, столицѣ Сербіи, съ помощью сербскаго офицера штаба, доставившаго револьверы, что преступникамъ помогли перейти изъ Сербіи въ Боснію и перевезти оружіе чины пограничной стражи и таможенные чиновники. До сихъ поръ Австрія не опубликовала никакого доказательства этихъ заключеній, но 23/10 іюля она препроводила ихъ сербскому правительству въ формальной нотѣ, содержавшей нѣкоторыя требованія, на которыя, какъ было указано въ нотѣ, оно должно дать удовлетворительный отвѣтъ въ теченіе 48 часовъ [1]). Этотъ ультиматумъ содержалъ въ себѣ форму самооправданія, которое сербское правительство должно было опубликовать въ указанный въ нотѣ день, и десять обязательствъ, которыя сербское правительство должно было дать австровенгерскому правительству. Необычайность нѣкоторыхъ изъ этихъ требованій будетъ разсмотрѣна въ слѣдующей главѣ.

24/11 іюля эта нота была сообщена Австро-Венгріей дру-

---

[1]) См. «Переписка», № 4, Графъ Бертхольдъ графу Менсдорфу.

гимъ европейскимъ державамъ [1]), и 25/12 іюля она была напечатана въ нѣмецкой газетѣ.

Она имѣла, слѣдовательно, цѣлью служить публичнымъ предостереженіемъ Сербіи. 24/11 іюля германское правительство сообщило державамъ, что оно одобряетъ австрійскую ноту, какъ вынужденную великосербской пропагандой, стремящейся къ присоединенію къ сербскому королевству принадлежащихъ Австро-Венгріи южно-славянскихъ провинцій, что Австрія, если она желаетъ оставаться великой державой, не можетъ не выставить требованій, содержащихся въ ея нотѣ, и не заставить Сербіи принять ихъ даже, если необходимо, военной силой и что этотъ вопросъ не касается никакихъ другихъ державъ, кромѣ Австро-Венгріи и Сербіи [2]).

Русское правительство не согласилось съ тѣмъ, что австрійская нота направлена только противъ Сербіи. 24/11 іюля русскій министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ англійскому послу въ Петроградѣ, что австрійское поведеніе провокаціонно и безнравственно, что нѣкоторыя ея требованія совершенно непріемлемы, что Австрія никогда не предприняла бы такого шага, не посовѣтовавшись предварительно съ Германіей и что если Австрія предприметъ военныя мѣры противъ Сербіи, то Россія объявитъ мобилизацію. Русскій министръ высказалъ надежду, что Англія заявитъ о своей солидарности съ Франціей и Россіей по вопросу объ австрійской нотѣ; нѣтъ сомнѣнія, что Сербія можетъ принять нѣкоторыя изъ австрійскихъ требованій [3]). Австро-венгерскому правительству русскій министръ въ тотъ же день, 24/11 іюля, отправилъ сообщеніе, въ которомъ онъ заявилъ, что срокъ, поставленный Сербіи для ея отвѣта, совершенно недостаточенъ, если желать дать возможность державамъ помочь улаженію затрудненій, и предлагалъ, чтобы Австрія опубликовала доказательства обвиненій, выставленныхъ ею противъ Сербіи [4]). 25 іюля Рос-

---

[1]) См. сообщеніе Англіи въ «Перепискѣ», № 14.

[2]) «Переписка», № 9. Нота, сообщенная германскимъ посломъ 24|11 іюля.

[3]) «Переписка», № 6, сэръ Г. Бьюкененъ сэру Э. Грею 24|11 іюля. «Переписка», № 13. Нота, сообщенная русскимъ посломъ 25|12 іюля.

[4]) «Переписка», № 13, нота, сообщенная русскимъ посломъ 25 іюля.

сія сообщила Англіи [1]), что Сербія накажетъ тѣхъ, виновность которыхъ будетъ доказана, но не приметъ всѣхъ требованій Австріи, что никакое независимое правительство не можетъ такъ поступить. Если Сербія, какъ это, повидимому, возможно, будетъ аппелировать къ арбитражу державъ, то Россія готова передать рѣшеніе вопроса въ руки Англіи, Франціи, Германіи и Италіи—четырехъ державъ, на которыя сэръ Эдуардъ Грей указалъ, какъ на возможныхъ посредниковъ.

Въ тотъ же самый день, въ который Россія сдѣлала это предложеніе, 25/12 іюля, сербское правительство дало отвѣтъ на австрійскую ноту, въ которомъ оно согласилось исполнить часть австрійскихъ требованій, и заявило о своей готовности принять по отношенію къ другимъ пунктамъ третейское разбирательство Гаагскаго трибунала или великихъ державъ. Австрійское правительство нашло эту ноту неудовлетворительной, и подвергло критикѣ отдѣльные ея пункты въ оффиціальномъ меморандумѣ, австро-венгерскій посланникъ покинулъ Бѣлградъ 25/12 іюля, 27/13 іюля была мобилизована часть австро-венгерской арміи, и 28/15 іюля Австро-Венгрія объявила войну Сербіи.

Сэръ Эдуардъ Грей съ самаго начала отклонилъ предложеніе «заявить о солидарности Англіи» съ Россіей и Франціей въ сербскомъ вопросѣ. Начиная съ 26 іюля, онъ предпринимаетъ активные шаги для того, чтобы осуществить идею о посредничествѣ четырехъ державъ (Англія, Франція, Германія, Италія) между Австро-Венгріей и Сербіей. Россія уже дала свое согласіе на это посредничество 25/12 іюля, а Италія и Франція были готовы совмѣстно работать съ Англіей [2]). Германія, однако, чинила затрудненія на томъ основаніи, что нѣчто вродѣ формальнаго вмѣшательства было бы неосуществимо безъ согласія какъ Росссіи, такъ и Австріи [3]). Россія уже (25/12 іюля) приготовила указъ о мобилизаціи, но еще не объявила его. 27/14 іюля русскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ о своей готовности сдѣлать вопросъ о Сербіи предметомъ непосредственныхъ переговоровъ съ Вѣной [4]).

---

[1]) «Переписка», № 17, сэръ Бьюкэнэнъ сэру Э, Грэю 25|11 іюля.

[2]) «Переписка», № 42 сэръ Ф. Бертъ сэру Э. Грею 27|14 іюля, № 49, сэръ Э. Грей сэру Р. Родду 22|14 іюля.

[3]) «Переписка» № 42, сэръ Бьюкэнэнъ сэру Э. Грею.

[4]) Австрія отклонила переговоры 28|15 іюля «Переписка», № 98

Это предложеніе было сначала отклонено австро-венгерскимъ правительствомъ, но впослѣдствіи оно приняло его, и переговоры велись между представителями этихъ двухъ державъ вплоть до 31/18 іюля.

Колебанія Австріи, несомнѣнно, имѣютъ своей причиной предупрежденіе Германіи (28/15 іюля) русскимъ правительствомъ о имѣющей воспослѣдовать 29/16 іюля мобилизаціи южныхъ военныхъ округовъ Россіи [1]). Австрія отвѣтила на этотъ намекъ завѣреніями, что она будетъ уважать цѣлость и независимость Сербіи [2]); эти завѣренія, признанныя недостаточными русскимъ правительствомъ, были, повидимому, предметомъ послѣднихъ переговоровъ между Россіей и Австро-Венгріей.

Россія настаивала на томъ, что Германія является реальнымъ препятствіемъ дружескому улаженію конфликта, и это убѣжденіе не было поколеблено призывами къ миру, съ которыми кайзеръ телеграфно обратился къ царю 28/15, 29/16 и 31/18 іюля. 29/16 іюля Германія сообщила Англіи, что мобилизація Россіи внушаетъ ей тревогу и что Франція тоже дѣлаетъ военныя приготовленія [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Германія угрожала объявить «состояніе непосредственной угрозы войны», въ качествѣ отвѣтной мѣры на приготовленія Франціи. Германскія военныя приготовленія вышли уже 30/17 іюля далеко за предѣлы той подготовительной стадіи, на которую она указала въ своемъ сообщеніи [4]). Германія уже предупредила Англію, Францію и Россію, что, если Россія объявитъ мобилизацію, то это будетъ означать мобилизацію Германіи, какъ противъ Франціи, такъ и противъ Россіи [5]). Но 27/14 іюля Россія объяснила, что ея мобилизація отнюдь не была бы направлена противъ Германіи и будетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если австрійскія военныя силы перейдутъ сербскую границу [6]) 29/16 іюля, въ тотъ день, въ который Россія

но см. относительно бесѣды имѣвшей мѣсто 31/18 іюля «Переписка» № 111.

[1]) «Переписка», № 70, г. Сазоновъ Русскому Послу въ Берлинѣ.

[2]) «Переписка», № 72, сэръ Бьюкэнэнъ сэру Э. Грею, 28/15 іюля.

[3]) «Переписка», № 76, сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею 29/16 іюля.

[4]) «Переписка» № 105 (приложеніе 3), 30/17 іюля.

[5]) «Германская бѣлая книга», стр. 7, датой этого предостереженія является, повидимому. 27/14 іюля.

[6]) «Германская бѣлая книга», стр. 40, документъ II.

дѣйствительно объявила мобилизацію южныхъ военныхъ округовъ, она еще разъ попросила Германію участвовать въ «конференціи четырехъ державъ», предложенной Англіей съ цѣлью посредничества между Австріей и Сербіей. Это предложеніе было отклонено германскимъ посломъ въ Петроградѣ.[1]) Германія думала или заявляла, что думаетъ, что русская мобилизація, хотя еще и не объявлена, уже продвинулась далеко впередъ.[2])

30/17 іюля Австрія, несмотря на то, что переговоры съ Россіей еще продолжались, начала бомбардировку Бѣлграда. На слѣдующій день, 31/18 іюля, Россія объявила всеобщую мобилизацію; 1 авг./19 іюля, какъ Франція, такъ и Германія предприняли такой же шагъ, Германія предъявила ультиматумъ Россіи, въ которомъ она требовала отъ нея демобилизаціи, и другой ультиматумъ Франціи, въ которомъ она требовала отвѣтить ей, какую позицію займетъ Франція въ случаѣ войны между Германіей и Россіей.

Еще до этихъ рѣшительныхъ шаговъ 30/17 іюля—1 августа/19 іюля, еще тогда, когда сэръ Эдуардъ Грей дѣлалъ свои посредническія усилія, Германія сдѣлала Англіи предложенія съ цѣлью обезпечить ея нейтралитетъ въ случаѣ войны между Германіей и Франціей. 29/16 іюля Германія предложила, какъ цѣну англійскаго нейтралитета, дать завѣреніе, что въ случаѣ, если она побѣдитъ, она не сдѣлаетъ никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній на счетъ Франціи, но она отказывалась дать такое же завѣреніе относительно французскихъ колоній или дать обѣщаніе уважать нейтралитетъ Бельгіи[3]); эти предложенія были отвергнуты Англіей 30/17 ііюля[4]) 1 августа/19 іюля германскій посолъ неоффиціально попросилъ Англію оставаться нейтральной на томъ условіи, что Германія не нарушитъ нейтралитета Бельгіи. Сэръ Эдуардъ Грей отвѣтилъ, что руки Англіи еще свободны и что онъ не можетъ дать обѣщаніе нейтралитета на одномъ лишь этомъ условіи[5]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 9.
[2]) Тамъ-же, стр. 10.
[3]) «Переписка», № 85. Сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 29/16 іюля.
[4]) «Переписка», № 101. Сэръ Э. Грей сэру Э. Гошену, 30/17 іюля.
[5]) «Переписка», № 123. Сэръ Э. Грей сэру Э. Гошену, 1 авг./19 іюля.

30/17 іюля Франція сообщила, между тѣмъ, сэру Эдуарду Грею 30/17 іюля, что она не останется нейтральной въ случаѣ войны между Россіей и Германіей [1]). 31/18 іюля англійскій кабинетъ на просьбу Франціи, чтобы Англія рѣшительно объявила себя на ея сторонѣ, отвѣтилъ, что Англія не можетъ дать въ настоящій моментъ никакого обязательства [2]). Въ тотъ же самый день Англія попросила Францію и Германію обязаться уважать нейтралитетъ Бельгіи. Франція согласилась, а Германія избѣгала дать отвѣтъ [3]). Но 2 августа/20 іюля германскія войска вступили въ нейтральное государство Люксембургъ, и Англія обѣщала защищать французскія берега или суда въ случаѣ, если германскій флотъ нападетъ на нихъ въ Англійскомъ проливѣ или съ Сѣвернаго моря [4]). 4 августа/22 іюля бельгійскій король извѣстилъ телеграммой короля Георга, что Германія требуетъ предоставленія ея войску свободнаго прохода черезъ бельгійскую территорію, и аппелировалъ къ Англіи за помощью [5]). Въ тотъ же самый день, 4 августа/22 іюля, Англія послала ультиматумъ Германіи, въ которомъ она требовала, чтобы Германія до наступленія полуночи дала завѣреніе, что она будетъ уважать нейтралитетъ Бельгіи [6]). Это требованіе было принято въ Берлинѣ, какъ равнозначущее объявленію Англіей Германіи войны.

Дневникъ событій, поведшихъ къ войнѣ.

28/15 іюня убійство въ Сараевѣ эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги герцогини фонъ-Гогенбергъ.

6 іюля/23 іюня. Кайзеръ уѣзжаетъ изъ Киля въ плаваніе по Сѣверному морю.

9 іюля/26 іюня. Австрійскому императору докладываются результаты разслѣдованія сербскаго преступленія.

---

[1]) «Переписка», № 105, сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, 30/17 іюля.

[2]) «Переписка», № 119, сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, 31/18 іюля.

[3]) «Переписка», №№ 114, 120, 122.

[4]) «Переписка», № 148, сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, 2 августа/20 іюля.

[5]) «Переписка», № 153, сэръ Э. Грей сэру Э. Гошену, 4 авг./22 іюля.

[6]) «Переписка», № 159, сэръ Э. Грей сэру Э. Гошену, 4 августа/22 іюля.

13, 14 іюля/30 іюня, 1 іюля. Серьезныя разоблаченія относительно состоянія французской арміи.

13, 14, 15, 16 іюля/30 іюня, 1, 2, 3 іюля. Предложеніе по низкому курсу акцій Канадской Тихоокеанской ж. д., продавцы—преимущественно берлинскіе.

16/3 іюля. Графъ Тисса, венгерскій первый министръ, характеризуетъ въ венгерскомъ парламентѣ войну, какъ прискорбную ultima ratio, «но каждое государство и каждый народъ должны быть способны и готовы къ войнѣ, если они желаютъ существовать какъ государство и какъ народъ».

Передовая статья «Times» «Австро-Венгрія и Сербія» комментируется въ Берлинѣ, какъ «предостереженіе Сербіи».

19/6 іюля. Король созываетъ совѣщаніе для разсмотрѣнія вопроса о гомрулѣ.

21/8 іюля «Frankfurter Zeitung» предостерегаетъ Австро-Венгрію, указывая на безуміе ея кампаніи противъ Сербіи.

Четвергъ 23/10 іюля. Австрія предъявляетъ свою ноту Сербіи и требуетъ принятія ея требованій въ теченіе 48 часовъ.

Пятница 24/11 іюля. Засѣданіе русскаго совѣта министровъ. Австро-венгерскія требованія разсматриваются имъ, какъ косвенное нападеніе на Россію. Забастовка въ Петроградѣ.

Неудача совѣщанія о гомрулѣ.

Суббота 25/12 іюля. Сербскій отвѣтъ. Онъ признанъ Австро-Венгріей неудовлетворительнымъ, и ея посланникъ покидаетъ Бѣлградъ.

Русскій посолъ въ Вѣнѣ получилъ инструкцію требовать продленія срока, предоставленнаго Сербіи.

Сэръ Э. Грей предлагаетъ, чтобы четыре другія державы сдѣлались посредниками между Вѣной и Петроградомъ. Серьезный бунтъ въ Дублинѣ.

Воскресенье, 26/13 іюля. Сэръ Э. Грей предлагаетъ, чтобы французскій, итальянскій и германскій послы немедленно собрались вмѣстѣ съ нимъ на конференцію, съ цѣлью изысканія выхода, который предотвратилъ-бы осложненія.

Объявленіе приказа о частичной мобилизаціи австро-венгерской арміи.

Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ предупреждаетъ

германскаго посла, что Россія не можетъ остаться равнодушной къ судьбѣ Сербіи.

Сэръ Э. Гошенъ сообщаетъ, что кайзеръ сегодня ночью вернулся.

Понедѣльникъ, 27/14 іюля. Франція и Италія принимаютъ предложеніе о конференціи. Германскій статсъ-секретарь отвергаетъ предложеніе о «конференціи».

Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ предлагаетъ непосредственные переговоры между Вѣной и Петроградомъ.

Британскій флотъ стягивается послѣ маневровъ.

Сэръ Э. Грей дѣлаетъ въ палатѣ общинъ сообщеніе о позиціи, занятой Великобританіей.

Берлинскій корреспондентъ «Times» сообщаетъ, что кайзеръ возвратился сегодня пополудни изъ Киля въ Потсдамъ.

Вторникъ 28/15 іюля. Австро-Венгрія объявляетъ войну Сербіи.

Россія говоритъ, что ключъ положенія находится въ Берлинѣ.

Австрія отклоняетъ всякое предложеніе о переговорахъ на базисѣ сербскаго отвѣта.

Кайзеръ телеграфируетъ Государю Императору.

Среда 29/16 іюля. Русская мобилизація въ четырехъ военныхъ округахъ, въ Одесскомъ, Кіевскомъ, Казанскомъ и Московскомъ.

Германія предлагаетъ дать взамѣнъ англійскаго нейтралитета обѣщаніе территоріальной цѣлости Франціи, но не хочетъ распространить это обѣщаніе также и на французскія колоніи.

Сэръ Э. Грей предупреждаетъ германскаго посла, что мы не непремѣнно останемся въ сторонѣ, если всѣ усилія сохранить миръ окажутся тщетными.

Австрія, наконецъ, убѣждается, что Россія не останется равнодушной.

Царь телеграфируетъ кайзеру, послѣдній отвѣчаетъ.

Четвергъ, 30/17 іюля. Бомбардировка Бѣлграда австрійскими войсками.

Первый министръ говоритъ въ палатѣ общинъ о серьезности положенія и откладываетъ разсмотрѣніе исправляющаго билля.

Государь Императоръ телеграфируетъ кайзеру.

Пятница, 31/18 іюля. Объявленъ въ Россіи приказъ объ общей мобилизаціи.

Сэръ Э. Грей запрашиваетъ Германію и Францію, будутъ ли они уважать нейтралитетъ Бельгіи.

Франція обѣщаетъ уважать бельгійскій нейтралитетъ, Германія сомнѣвается, будетъ ли данъ отвѣтъ на этотъ запросъ.

Австрія заявляетъ о своей готовности подвергнуть обсужденію существо ея ультиматума Сербіи.

Новый обмѣнъ телеграммъ между кайзеромъ и Государемъ Императоромъ.

Германія предъявляетъ ультиматумъ Россіи, требуя, чтобы она демобилизовалась въ теченіе 12 часовъ.

Германія предъявляетъ ультиматумъ Франціи, требуя отъ нея, чтобы она опредѣлила свою позицію въ случаѣ русско-германской войны.

Англійскіе банкиры совѣщаются съ правительствомъ о финансовомъ положеніи.

Суббота 1 августа/19 іюля. Сэръ Э. Грей протестуетъ противъ задержанія англійскихъ пароходовъ въ Гамбургѣ.

Приказъ о всеобщей мобилизаціи французской арміи.

Воскресенье 2 августа/20 іюля. Германскія войска вторгаются въ Люксембургъ.

Сэръ Э. Грей даетъ Франціи обѣщаніе, что англійскій флотъ будетъ защищать французское сѣверное побережье противъ германскаго флота.

Германцы вторгаются во французскую территорію близъ Сирея.

Понедѣльникъ, 3 августа/21 іюля. Италія объявляетъ, что она останется нейтральной, такъ какъ война, которую ведутъ другіе члены тройственнаго союза, не является оборонительной.

Германія предъявляетъ Бельгіи ультиматумъ.

Сэръ Э. Грей произноситъ важную рѣчь въ палатѣ общинъ.

Вторникъ, 4 августа/22 іюля. Германцы вступаютъ на бельгійскую территорію.

Англія предъявляетъ ультиматумъ Германіи, требуя отвѣта до наступленія полуночи.

Первый министръ произноситъ въ палатѣ общинъ рѣчь, въ которой практически объявляется война Германіи, и объясняетъ позицію занятую Англіей.

12 августа/30 іюля. Великобританія объявляетъ войну Австро-Венгріи.

ГЛАВА V.

Переговаривающіяся стороны и переговоры.

Слѣдующій списокъ dramatis personae можетъ быть полезенъ для справокъ:

Великобританія: король Георгъ, *вступилъ на престолъ* въ 1910 г.

Министръ иностранныхъ дѣлъ: сэръ Эдуардъ Грей.

Представители державъ:

Французскій посолъ: г. Поль Камбонъ.

Русскій посолъ: графъ Бенкендорфъ.

Германскій посолъ: князь Лихновскій.

Австрійскій посолъ: графъ АльбертъМенсдорфъ-Паули-Дитрихштейнъ.

Бельгійскій представитель: графъ А. Д. Лалэнъ (посланникъ).

Россія: Императоръ Николай II, *вступилъ на престолъ* въ 1894 г.

Министръ иностранныхъ дѣлъ: г. Сазоновъ.

Представители державъ:

Великобританскій посолъ: сэръ Джорджъ Бьюкэнэнъ.

Французскій посолъ: г. Палеологъ.

Германскій посолъ: графъ Пурталесъ.

Австрійскій посолъ: графъ Сапари.

Франція: Раймондъ Пуанкаре, *президентъ, избранъ* въ 1913 г.

Министръ иностранныхъ дѣлъ: г. Думергъ.

Представители державъ:

Великобританскій посолъ: сэръ Фрэнсисъ Берти.

Русскій посолъ: г. Извольскій.

Германскій посолъ: баронъ фонъ-Шенъ.

Австрійскій посолъ: графъ Сеченъ.

Германія: императоръ Вильгельмъ II, *вступилъ на престолъ* въ 1888 г.

Имперскій канцлеръ: докторъ фонъ Бетманъ-Гольвегъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ: фонъ-Яговъ.

Представители державъ:

Великобританскій посолъ: сэръ Эдуардъ Гошенъ.

Сэръ Горасъ Рембольдъ (совѣтникъ).

Русскій посолъ: г. Свербеевъ.

Французскій посолъ: г. Жюль Камбонъ.

Австрійскій посолъ: графъ Владиславъ Седень-Марихъ.

Австро-Венгрія: императоръ Францъ-Іосифъ, *вступилъ на престолъ* въ 1848 г.

Министръ иностранныхъ дѣлъ: графъ Берхтольдъ.

Представители державъ:

Великобританскій посолъ: сэръ Морисъ де-Бунзенъ.

Русскій посолъ: г. Шебеко.

Французскій посолъ: г. Крозье.

Германскій посолъ: фонъ-Чирскій-и-Бэгендорфъ.

Италія: король Викторъ Эммануилъ III, *вступилъ на престолъ* въ 1900 г.

Министръ иностранныхъ дѣлъ: маркизъ ди Санъ Джуліано.

Великобританскій посолъ: сэръ Реннель Роддъ.

Бельгія: король Альбертъ, *вступилъ на престолъ* въ 1909 г.

Великобританскій посланникъ: сэръ Фрэнсисъ Вильерсъ.

Сербія: король Петръ, *вступилъ на престолъ* въ 1903 г.

Великобританскій посланникъ: К. Л. де-Грацъ.

Д. М. Крэкэнторпъ (секретарь).

I.

Позиція Германіи по отношенію къ Австріи и Россіи.

Съ самаго начала переговоровъ между державами объ убійствѣ эрцгерцога Франца-Фердинанда въ Сараевѣ и австрійской нотѣ Сербіи, германское правительство стало на той точкѣ зрѣнія, что это «вопросъ, который долженъ былъ улаженъ исключительно между Австріей и Сербіей».[1]) Впослѣдствіи, въ свой «Бѣлой книгѣ» Германія старалась доказать,

[1]) «Переписка», № 2, сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 24/11 іюля 1914 г.

что сербская агитація была частью русской пропаганды[1]). Въ переговорахъ они ударяли главнымъ образомъ, на то, что Россіи незачѣмъ вмѣшиваться въ этотъ споръ, хотя г. Поль Камбонъ вѣрно замѣтилъ, что «Россію ея общественное мнѣніе заставитъ выступить тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ, какъ Австрія нападетъ на Сербію»[2]).

Послѣ того, какъ Австрія предъявила Сербіи свою ноту, Германія продолжала поддерживать ту точку зрѣнія, что кризисъ можетъ быть локализованъ, и отвергла указаніе Рембольда, что «предпринимая военныя дѣйствія противъ Сербіи, Австрія вызоветъ опасное возбужденіе общественнаго мнѣнія въ Россіи»[3]).

Въ Вѣнѣ великобританскому послу сэру Морису де Бунзену германскій посолъ сказалъ совершенно откровенно, что Германія поддерживаетъ Австрію въ конфликтѣ съ Сербіей.

«Что касается Германіи, то она очень хорошо сознаетъ, что сталось-бы съ нею весьма скоро, если бы она оттолкнула Австро-Венгрію въ этомъ вопросѣ... Всѣ сербскія уступки— обманъ. Сербія показала, что она хорошо сознавала, что эти уступки не могутъ удовлетворить законныхъ требованій Австро-Венгріи; она это показала тѣмъ, что еще до представленія отвѣта издала приказъ о мобилизаціи и объ отъѣздѣ правительства изъ Бѣлграда«[4]).

Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ г. Сазоновъ очень скоро, повидимому, разгадалъ политику Германіи:—

«Изъ частныхъ бесѣдъ съ Пурталесомъ у меня все болѣе складывается убѣжденіе, что ключъ положенія въ Берлинѣ и что Германія благопріятствуетъ непримиримости Австріи. Берлинскій кабинетъ, который могъ бы остановить все развитіе кризиса, не проявляетъ, видимо, никакого воздѣйствія на свою союзницу»[5]).

Интересно замѣтить, каковы были мнѣнія, выраженныя

---

[1]) «Германская бѣлая книга», стр. 4.

[2]) «Переписка», № 10, сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, 24/11 іюля.

[3]) «Переписка», № 18, сэръ Г. Рембольдъ сэру Э. Грею 24/11 іюля.

[4]) «Переписка», № 32, сэръ М. де-Бунзенъ сэру Э. Грею, 26/14 іюля. См. также «Германская бѣлая книга», стр. 5.

[5]) «Переписка», № 139, сэръ Дж. Бьюкэнэнъ сэру Э. Грею, 1 августа/19 іюля.

высокопоставленными и хорошо освѣдомленными оффиціальными лицами въ началѣ августа, послѣ того, какъ кризисъ повелъ къ войнѣ. Г. Сазоновъ резюмировалъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

«Политика Австріи всецѣло была извилиста и безнравственна, и она думала, что, чувствуя себя въ безопасности подъ защитой ея союзницы Германіи, она можетъ вызывающе обращаться съ Россіей. Политика Германіи была также двусмысленна, и не имѣетъ большого значенія, знало или не знало Германское Правительство объ условіяхъ австрійскаго ультиматума; важно лишь то, что свое воздѣйствіе на Австрійское Правительство она все откладывала, пока не прошелъ моментъ, когда ея давленіе могло бы оказаться чувствительнымъ. Германія неудачно выбрала своихъ представителей въ Вѣнѣ и Петроградѣ. Первый—отчаянный руссофобъ, который все время подстрекалъ Австрію, а второй сообщалъ своему Правительству, что Россія никогда не рѣшится на войну»[1]).

А сэръ Морисъ де Бунзенъ писалъ въ тотъ же день, что онъ согласенъ со своимъ русскимъ коллегой, что:

«Германскій посолъ въ Вѣнѣ съ самаго начала желалъ войны, и его сильный личный уклонъ очень вѣроятно окрасилъ и его дѣйствія здѣсь. Русскій посолъ убѣжденъ, что германское правительство тоже съ самаго начала желало войны»[2]).

Сэръ Морисъ не раздѣляетъ этого мнѣнія относительно позиціи германскаго правительства, но не можетъ быть сомнѣнія, что общая позиція этого правительства была чрезвычайно опасна для дѣла европейскаго мира и что, если бы германское правительство желало войны, оно едва ли могло дѣйствовать болѣе успѣшно въ видахъ достиженія этой цѣли. Оно не оказывало никакого дипломатическаго давленія на Вѣну, которой подъ эгидой Берлина было предоставлено заходить въ своихъ дѣйствіяхъ противъ Сербіи такъ далеко, какъ оно только найдетъ нужнымъ. Германскимъ дипломатамъ многократно указывалось, что Россія сильно заинтересо-

---

[1]) «Переписка», № 54, г. Сазоновъ графу Бенкендорфу, 15/28 іюля 1914 г. (сообщено графомъ Бенкендорфомъ 28/15 іюля).

[2]) «Переписка», № 141, сэръ М. де-Бунзенъ сэру Э. Грею, 1 августа/19 іюля.

вана въ Сербіи, но они не хотѣли вникать въ эти указанія. Еще 28/15 іюля самъ германскій канцлеръ отказывался «обсуждать вопросъ о сербской нотѣ», добавляя, что «точка зрѣнія Австріи, съ которой согласенъ и онъ, состоитъ въ томъ, что ея споръ съ Сербіей касается лишь ея одной, и Россіи нѣтъ до него никакого дѣла» [1]). На слѣдующій день германскій посолъ продолжалъ «притворяться удивленнымъ тѣмъ, что сербское дѣло можетъ представлять такой интересъ для Россіи» [2]). Но въ своей «Бѣлой книгѣ», желая очернить характеръ дѣйствій Россіи, германское правительство замѣчаетъ, что оно «прекрасно понимало, что всякая воинственная позиція, которую займетъ Австрія по отношенію къ Сербіи, можетъ вызвать въ походъ Россію» [3]). Оба разсказа не могутъ быть вѣрны. Германское правительство должно выбрать, и не только по отношенію къ послѣднему періоду этихъ переговоровъ, между неспособностью и виной,—неспособностью видѣть совершенно очевидный фактъ или виной въ томъ, что оно намѣренно предоставило Австріи дѣйствовать такъ, что Россія была обязана выступить противъ нея.

Послѣ того, какъ Австрія предъявила свой ультиматумъ, сэръ Эдуардъ Грей сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы добится содѣйствія Россіи примирительному отвѣту Сербіи и убѣдить германское правительство употребить свое вліяніе на Австрію съ цѣлью склонить ее къ болѣе дружелюбной позиціи по отношенію къ Сербіи. Въ день предъявленія австрійскаго ультиматума, онъ предложилъ германскому послу князю Лихновскому, чтобы четыре державы, Германія, Франція, Италія и Великобританія, предприняли совмѣстныя дѣйствія съ цѣлью внушить умѣренность Вѣнѣ и Петрограду. Когда австрійцы отвергли сербскій отвѣтъ, онъ предпринялъ весьма важный шагъ, предложивъ, чтобы французскій, итальянскій и германскій послы немедленно собрались вмѣстѣ съ нимъ «съ цѣлью изысканія выхода, который предотвратилъ бы осложненія» [4]). Предложеніе было поспѣшно принято фран-

---

[1]) «Переписка,» № 71, сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 28/15 іюля.

[2]) «Переписка», № 92, сэръ М. де-Бунзенъ сэру Э. Грею, 1 августа/19 іюля.

[3]) «Германская бѣлая книга», стр. 4.

[4]) «Переписка», № 36, сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, сэру Г. Рембольду и сэру Р. Родду, 26/13 іюля.

цузскимъ и итальянскимъ правительствами. Германскій же статсъ-секретарь фонъ-Яговъ не могъ или не желалъ понять это предложеніе, и сэру Эдуарду Гошену не удалось, повидимому, разъяснить берлинскому правительству его дѣйствительный характеръ, ибо фонъ-Яговъ, по полученіи этого предложенія, сообщилъ британскому послу, сэру Эдуарду Гошену, что предложенная конференція «практически означаетъ третейскій судъ и она, по его мнѣнію, не можетъ быть созвана иначе, какъ по просьбѣ Австріи и Россіи. Поэтому онъ не можетъ согласиться съ предложеніемъ».

Сэръ Эдуардъ Гошенъ правильно указалъ, что «мысль (о конференціи пословъ) не имѣетъ ничего общаго съ третейскимъ судомъ, но означаетъ, что представители четырехъ, не заинтересованныхъ непосредственно державъ, должны обсудить и предложить средства для предотвращенія опаснаго положенія» [1]).

Фонъ-Яговъ сказалъ то-же самое французскому и итальянскому посламъ, которые обсуждали вопросъ со своимъ англійскимъ коллегой. У нихъ, повидимому, возникло нѣкоторое сомнѣніе въ искренности громко выраженнаго германскимъ статсъ-секретаремъ желанія сохранить всеобщій миръ, но, толкуя сомнѣніе въ его пользу, они вывели заключеніе, что, можетъ быть, возраженіе относится къ формѣ предложенія». «Можетъ быть», прибавилъ сэръ Эдуардъ Гошенъ, «на него удастся повліять, чтобы онъ самъ предложилъ какія нибудь формы, въ которыхъ онъ нашелъ бы возможнымъ работать вмѣстѣ съ нами» [2]). На слѣдующій день сэръ Эдуардъ Грей стремился внушить ту же самую мысль князю Лихновскому:

«Мысль о посредничествѣ или посредническомъ вліяніи можетъ быть въ полной мѣрѣ приведена въ исполненіе любымъ способомъ, который предложила бы Германія, если мой непріемлемъ» [3]).

Но благодаря медлительности Германіи въ этомъ вопросѣ, событія зашли такъ далеко, что для нашей страны возникли серьезнѣйшіе вопросы.

---

[1]) «Переписка», № 43, сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 27/14 іюля.
[2]) «Переписка», № 60, сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 28/15 іюля.
[3]) «Переписка», № 84, сэръ Э. Грей сэру Э. Гошену, 29/16 іюля.

Съ отказомъ германскаго правительства до наступленія болѣе серьезныхъ событій предложить форму посредничества, которая была бы пріемлема и для него, кончается первый періодъ переговоровъ. Вина въ томъ, что была отвергнута конференція, которая, захвативъ зло во-время, могла бы сохранить европейскій миръ, всецѣло падаетъ на Германію. Основанія, которыя фонъ-Яговъ приводилъ въ пользу своего отказа, ошибочны, и стоитъ отмѣтить, что, хотя имперскій канцлеръ докторъ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ относился болѣе примирительно и больше сочувствовалъ идеѣ конференціи, «Германская бѣлая книга»[1]) продолжаетъ неправильно толковать предложеніе сэра Эдуарда Грея, какъ предложеніе конференціи для обсужденія частнаго вопроса о спорѣ между Австріей и Сербіей, а не общаго положенія Европы.

Въ слѣдующемъ періодѣ начинаются судорожныя попытки завязать непосредственные переговоры между заинтересованными сторонами, но эти попытки не принесли никакой пользы, а скорѣе привели къ увеличенію взаимной подозрительности. Вплоть до 1 августа/19 іюля, какъ сэръ Грей, такъ и г. Сазоновъ, усердно искали формулы, которая могла бы быть принята, какъ базисъ для отсрочки военнаго столкновенія великихъ державъ. И здѣсь, можетъ быть, слѣдуетъ замѣтить, что шефы князя Лихновскаго оставили его въ невѣдѣніи относительно положенія дѣлъ. 24/11 іюля, на завтра послѣ врученія Сербіи австрійской ноты, онъ такъ мало былъ знакомъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, что сказалъ частнымъ образомъ сэру Эдуарду Грею, «что Сербія должна сразу дать благопріятный отвѣтъ на нѣкоторые пункты, чтобы у Австріи могло быть извиненіе въ непринятіи немедленныхъ мѣръ».[2]) Тоже самое произошло по отношенію къ вопросу о конференціи: въ тотъ же самый день, въ который фонъ-Яговъ указывалъ на соображенія, заставляющія его отказаться отъ участія въ предложенной конференціи, князь Лихновскій сообщилъ сэру Эдуарду Грею, «что германское правительство принимаетъ въ принципѣ предложеніе о посредничествѣ четырехъ дежавъ между Австріей и Россіей, оставляя, конечно, за собою право, въ качествѣ ея союзника, прійти на помощь

---

[1]) Стр. 8 и документъ № 12.

[2]) «Переписка», № 11, сэръ Э. Грей сэру Г. Рембольду, 24/11 іюля.

Австріи, если она подвергнется нападенію».[1]) На несовмѣстимость другъ съ другомъ этихъ двухъ отвѣтовъ Германіи было указано изъ Рима, гдѣ министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ ди Санъ-Джуліано попытался примирить ихъ между собою, указывая, что на основаніи свѣдѣній, полученныхъ имъ изъ Берлина, «трудность представляетъ скорѣе «конференція», нежели принципъ».[2]) Но мы имѣемъ право спросить, не показываетъ ли въ дѣйствительности отвѣтъ фонъ Ягова сэру Эдуарду Гошену, что онъ возражалъ противъ всего принципа конференціи, ибо, какъ мы видѣли, онъ сказалъ, что такая «конференція неосуществима» и что «было бы всего лучше подождать результатовъ обмѣна мнѣній между австрійскимъ и русскимъ правительствами».[3]) Но если онъ возражалъ не противъ принципа, а лишь противъ формы, то что получается? Намъ придется тогда принять, что германское правительство возражало противъ выраженій, употребленныхъ сэромъ Э. Греемъ, и что оно изъ-за чисто словесныхъ ухищреній теряло время до тѣхъ поръ, пока другія событія сдѣлали катастрофу неизбѣжной. Предоставляемъ безпристрастнымъ людямъ рѣшить, былъ ли такой образъ дѣйствія намѣреннымъ или нѣтъ, нужно-ли приписывать германскому правительству преступленіе или безуміе.

Послѣ того, какъ предложенная конференція была отвергнута Германіей, была сдѣлана попытка нѣкоторыми державами пригласить Австрію временно воздержаться отъ военныхъ дѣйствій. Хотя графъ Менсдорфъ и провелъ 25/12 іюля различіе между военными приготовленіями и военными дѣйствіями, и указалъ, что его правительство имѣетъ въ виду предпринимать пока лишь первыя, все же черезъ два дня получилось сообщеніе изъ Рима, что тамъ существуютъ большія сомнѣнія, «захочетъ ли Германія пригласить Австрію воздержаться отъ военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока не выяснятся результаты конференціи». Если бы даже она согласилась сдѣлать это, то тоже очень сомнительно, улучшилось-ли бы, благодаря этому, положеніе Европы, принимая во вниманіе, что за объявленіемъ Австріей 28/15 іюля войны Сербіи послѣдовали 29/16 іюля извѣстія о мобилизаціи Россіей

---

[1]) «Переписка», № 40, сэръ Э. Грей сэру Э. Гошену, 27/14 іюля
[2]) «Переписка», № 80, сэръ Р. Роддъ сэру Э. Грею, 29/16 іюля.
[3]) «Переписка», № 43, сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 29/16 іюля.

южныхъ военныхъ округовъ, а именно Одесскаго, Кіевскаго, Московскаго и Казанскаго.[1]).

Германскій же статсъ-секретарь сказалъ, «что если Россія будетъ мобилизоваться противъ Германіи, послѣдняя послѣдуетъ ея примѣру». На вопросъ, что онъ разумѣетъ подъ «мобилизацiей противъ Германіи», онъ отвѣтилъ, что «если Россія произведетъ мобилизацію только на югѣ, то Германія не произведетъ мобилизаціи, но если она произведетъ мобилизацію на сѣверѣ, то и Германія будетъ мобилизоваться. Русская-же система мобилизаціи настолько сложна, что ей трудно локализовать свою мобилизацію; Германіи, поэтому, надо быть весьма осторожной, чтобы не быть застигнутой врасплохъ» [2]).

Это было 27/14 іюля, и нельзя сказать, чтобы это соображеніе было неразумно. Но когда 29/16 іюля Россія мобилизовала свои южные военные округа, то Германія еще не имѣла никакого основанія мобилизоваться. Изъ мобилизаціи этихъ округовъ русскій посолъ въ Берлинѣ не дѣлалъ секрета [3]), но слѣдуетъ, можетъ быть, привести здѣсь замѣчаніе, сдѣланное сэромъ Дж. Бьюкэнэномъ, великобританскимъ посломъ въ Петроградѣ, о языкѣ, которымъ говорилъ его германскій коллега по поводу мобилизаціи четырехъ военныхъ округовъ. «Онъ обвинялъ Русское Правительство въ томъ, что оно угрожаетъ своей мобилизацiей европейскому миру; когда же я указалъ на все то, что было совершено въ послѣднее время Австріей, то онъ сказалъ, что не можемъ обсуждать такихъ вопросовъ» [4]). Было бы, можетъ быть, слишкомъ поспѣшно заключить отсюда, что германскій посолъ, графъ Пурталесъ, выражался такимъ-же языкомъ въ письмахъ своему правительству, ибо нѣтъ доказательства этого въъ «Германской бѣ-

---

[1]) Хотя «Германская бѣлая книга» и пытается доказать, что Россія стала мобилизоваться 26/13 іюля, она не приводитъ никакого удовлетворительнаго доказательства этого утвержденія, кромѣ сообщенія германскаго имперскаго атташе въ Россіи, донесенія котораго лишь отчасти подтверждаютъ ссылки Берлина. См. «Германская бѣлая книга», документы №№ 6 и 7; см. также «Переписка», № 43, сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 29/16 іюля.

[2]) «Переписка», № 43, сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 27/14 іюля.

[3]) «Переписка», № 76, тотъ же тому же, 29/16 іюля.

[4]) «Переписка», № 78, сэръ Дж. Бьюкэнэнъ сэру Э. Грею, 29/16 іюля 1914 г.

лой книгѣ». Помѣщенныя въ ней депеши германскаго посольства въ Петроградѣ отрадно добросовѣстны. Военный атташе пишетъ: «Я считаю несомнѣннымъ, что изданъ указъ о мобилизаціи кіевскаго и одесскаго военныхъ округовъ». Онъ прибавляетъ: «по отношенію къ варшавскому и московскому военнымъ округамъ это подлежитъ сомнѣнію, а по отношенію къ другимъ округамъ это невѣроятно».

Не было, слѣдовательно, согласно свѣдѣніямъ, шедшимъ изъ германскихъ же источниковъ, мобилизаціи «противъ Германіи». Единственное свѣдѣніе о чемъ то похожемъ на враждебныя дѣйствія содержится въ сообщеніи отъ 27/14 іюля имперскаго германскаго консула въ Ковнѣ, что въ этой губерніи было объявлено военное положеніе (Kriegszustand). Но это нѣчто совершенно отличное отъ мобилизаціи; объявленіе военнаго положенія въ сѣверныхъ провинціяхъ имперіи почти необходимо должно было послѣдовать, какъ результатъ мобилизаціи въ другихъ мѣстахъ. Ковенскій консулъ, во всякомъ случаѣ, сообщилъ объ этомъ 27/14 іюля, раньше, чѣмъ въ Россіи началась какая бы то ни было мобилизація, и тотъ фактъ, что Германія не приступила тотчасъ-же къ мобилизаціи, показываетъ, что въ концѣ іюля правительство не считало «Kriegszustand» въ Ковнѣ равнозначущимъ «мобилизаціи противъ Германіи»!

Въ Берлинѣ были, повидимому, того мнѣнія, что Россія не будетъ воевать. Можетъ быть, не было реальнаго опасенія того, что Россія займетъ агрессивную позицію, ибо многіе думали, что «Россія и не хочетъ и не можетъ воевать».[1]) Это состояніе умовъ было извѣстно и оплакивалось въ Римѣ, гдѣ маркизъ ди Санъ-Джуліано сказалъ, что «представляется труднымъ заставить Германію повѣрить, что намѣренія Рос-

---

[1]) «Германская бѣлая книга», стр. 38, и документы № 8, 26/13 іюля. См. также «Times», стр. 8, столб. 2 цитату изъ Frankfurter Zeitung. «Боевыя силы Россіи обыкновенно слишкомъ переоцѣниваются, и числа играютъ гораздо менѣе рѣшающую роль, чѣмъ моральные факторы, качества высшаго командного состава, вооруженіе... Всѣ военныя приготовленія были сдѣланы съ той внимательностью къ подробностямъ и тѣмъ порядкомъ, которыя отличаютъ Германію. Можно, поэтому безъ преувеличенія сказать, что Германія можетъ встрѣтить наступленіе серьезныхъ событій съ полнымъ спокойствіемъ, уповая на Бога и полагаясь на свою собственную мощь».

сіи серьезны[1]). Это мнѣніе раздѣлялось, повидимому, также и графомъ Пурталесомъ, который сообщилъ 29/16 іюля, что германское правительство готово гарантировать, что Австрія будетъ уважать цѣлость сербской территоріи. Но Россія признала это недостаточнымъ, такъ какъ Сербія могла бы при неприкосновенности ея территоріи превратиться въ вассала Австріи, и въ Россіи произошла бы революція, если бы она допустила подобное положеніе дѣлъ. На слѣдующій день русскій министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ англійскому и французскому посламъ, «что въ распоряженіи Русскаго Правительства имѣются точнѣйшія данныя о томъ, что Германія дѣлаетъ военныя и морскія приготовленія противъ Россіи— и, главнымъ образомъ, въ направленіи Финскаго залива» [2]).

Трудно-ли понять послѣ этого, какъ государственные люди Германіи смотрѣли на это положеніе? Угрозы Россіи въ ихъ глазахъ представлялись пустяшными, и строгія мѣры противъ нея были, по ихъ мнѣнію, въ интересахъ Германіи. Но хотя онъ и не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій относительно германскихъ приготовленій, г. Сазоновъ предложилъ 30/17 іюля прекратить всѣ военныя приготовленія, если Австрія «исключитъ изъ своего ультиматума пункты, нарушающіе принципъ суверенитета Сербіи» [3]). «Приготовленія къ всеобщей мобилизаціи будутъ продолжаться, если это предложеніе будетъ отвергнуто Австріей», писалъ сэръ Дж. Бьюкэнэнъ. На слѣдующій день онъ сообщилъ сэру Эдуарду Грею, что всѣ попытки склонить Австрію согласиться на посредничество потерпѣли неудачу и что она двинула войска, какъ противъ Сербіи, такъ и противъ Россіи [4]).

Очутившись, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу съ угрозой со стороны другой державы, Россія объявила всеобщую мобилизацію [5]). Берлинъ на это отвѣтилъ въ тотъ же самый день провозглашеніемъ „состоянія военной опасности» (Kriegs-

---

[1]) «Переписка», № 80, сэръ Р. Роддъ сэру Э. Грею, 29/16 іюля.

[2]) «Переписка», № 97, сэръ Дж. Бьюкененъ сэру Э. Грею, 30/17 іюля.

[3]) Тамъ же.

[4]) «Переписка», № 113, сэръ Дж. Бьюкененъ сэру Э. Грею, 31/17 іюля.

[5]) Тамъ же.

gefahr, такъ какъ всеобщая мобилизація Россіи можетъ быть направлена только противъ Германіи» [1]).

Въ пятницу 31/18 іюля получилось, такимъ образомъ, такое положеніе, что Россія, чувствуя себя угрожаемой военными приготовленіями Германіи и Австріи, рѣшила объявить всеобщую мобилизацію [2]). Сэръ Эдуардъ Грей цѣплялся между тѣмъ, за надежду, что предложеніе о посредничествѣ, которое будетъ стремиться къ защитѣ интересовъ Австріи въ ея спорѣ съ Сербіей, еще можетъ быть принято [3]). Но его усилія были безполезны, потому что Германія предъявила Россіи ультиматумъ (31/18 іюля), въ которомъ она требовала демобилизаціи послѣдней. Какъ замѣтилъ сэръ Эдуардъ Гошенъ, «принятіе этого предложенія было еще болѣе затруднено для Россіи требованіемъ демобилизаціи и на югѣ» [4]). Единственнымъ объясненіемъ такого требованія, котораго удостоили сэра Эдуарда Гошена, состояло въ томъ, что это было сдѣлано съ цѣлью воспрепятствовать Россіи заявить, что вся ея мобилизація направлена исключительно противъ Австріи. Намъ кажется, что такія ухищренія, когда на карту поставлены столь серьезные интересы, достойны суроваго осужденія.

Война между тремя имперіями казалась теперь неизбѣжной, ибо хотя русскій и германскій императоры обмѣнялись между собою телеграммами, въ которыхъ каждый умолялъ другого отыскать какой нибудь выходъ изъ создавшагося затруднительнаго положенія, и каждый изъ нихъ говорилъ, что дѣло зашло такъ далеко, что онъ не можетъ исполнить просьбы другого [5]), но берлинскіе оффиціальные руководители политики стояли на той позиціи, что «русская мобилизація все испортила [6]). Этотъ взглядъ совершенно необъяснимъ. Ибо, кажется, что 31/18 іюля Австрія и Россія были готовы вести

[1]) «Переписка», № 112, сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 31/17 іюля.

[2]) «Переписка», № 113, тотъ же и тому же 1 августа/19 іюля «Times» напечаталъ полуоффиціальную телеграмму изъ Берлина, датированную Эйдкуненъ, 31 іюля, что «вторая и третья русскія кавалерійскія дивизіи находятся на границѣ между Вержболовомъ, Августовымъ и Алленштейномъ».

[3]) «Переписка», № 117, сэръ Э. Грей сэру Э. Гошену, 31/18 іюля.

[4]) «Переписка», № 121, сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 31/18 іюля.

[5]) См. «Германскую бѣлую книгу», стр. 12 и 13 и документы 20, 21, 22, 23, 23а.

[6]) «Переписка», № 121, сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 31/18 іюля.

переговоры. Австрійское правительство, встревоженное, повидимому, перспективой всеобщей войны, было готово обсуждать существо австрійскаго ультиматума Сербіи, а Россія заявила, что при извѣстныхъ условіяхъ она готова сохранить свое выжидательное положеніе».[1]) Разъ Германія предъявила ультиматумъ Россіи, она, разумѣется, должна была мобилизоваться, но что это за странная политика, при которой въ то время, какъ обѣ главныя заинтересованныя стороны готовы вести переговоры, третья сторона предъявляетъ ультиматумъ, составленный въ такихъ выраженіяхъ, что гордая держава можетъ на него дать лишь одинъ отвѣтъ?

Ходъ событій былъ, повидимому, слѣдующій. Австрія мобилизовалась противъ Сербіи. Россія правильно или неправильно приняла это, какъ угрозу для себя, и мобилизовала всѣ свои южныя военныя силы противъ Австріи. Затѣмъ Германія на основаніи основательныхъ или неосновательныхъ сообщеній, что Россія произвела общую мобилизацію, считаетъ себя обязанной мобилизоваться, чтобы поддержать Австрію. Толкуя событія наивыгоднѣйшимъ для Германіи образомъ, мы должны будемъ сказать, что отвѣтственность за то, что германскій военный атташе въ Петроградѣ называетъ «преждевременной мобилизаціей», лежитъ на Россіи, но нужно еще разъ повторить, что, несмотря на то, что три имперіи предприняли такія дѣйствія, переговоры между Россіей и Австріей были еще возможны[2]) и могли бы привести къ хорошимъ результатамъ. Положеніе фактически не было непоправимымъ, если бы Германія не предъявила своего ультиматума Россіи. Мы можемъ еще разъ повторить свой вопросъ: было ли это преступленіе или безуміе?

---

[1]) «Переписка», №№ 131, 133, 135.

[2]) «Переписка», № 133. Сэръ Э. Грей сэру Э. Гошену, 1 августа/19 іюля сообщаетъ телеграмму, датированную 31/18 іюля содержаніе которой таково: «Австро-венгерскій посолъ заявилъ о готовности его правительства вступить въ переговоры относительно сущности ультиматума Сербіи. Г. Сазонова отвѣтилъ выраженіемъ своего удовлетворенія и сказалъ, что было бы желательно, чтобы эти переговоры имѣли-бы мѣсто въ Лондонѣ съ участіемъ великихъ державъ».

II.

Позиція Германіи по отношенію къ Франціи.

Мы должны теперь обратиться къ западной Европѣ и разсмотрѣть дипломатію Германіи по отношенію къ Франціи и Великобританіи. Намъ говорятъ, что 27/14 іюля германское правительство получило «первое сообщеніе о подготовительныхъ мѣрахъ, принятыхъ Франціей: 14-й корпусъ прекратилъ маневры и возвратился въ свой гарнизонъ» [1]). Повѣритъ ли читатель, что за исключеніемъ утвержденія о «быстро подвигающихся впередъ подготовленіяхъ Франціи какъ на сушѣ, такъ и на морѣ» [2]), это единственное приводимое Германіей жалкое доказательство агрессивныхъ намѣреній Франціи. И стоитъ пока отмѣтить, что 29/16 іюля, когда, какъ утверждаетъ «Германская бѣлая книга» Берлинъ услышалъ о «быстро подвигающихся впередъ военныхъ приготовленіяхъ Франціи», французскій посолъ въ Берлинѣ освѣдомилъ статсъ-секретаря, что «Французское Правительство сдѣлало не больше того, что сдѣлало Германское Правительство, а именно, оно отозвало офицеровъ изъ отпуска» [3]).

На слѣдующій же день Французское Правительство получило «достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что германскія войска въ полной боевой готовности сосредоточены вокругъ Тіонвиля и Меца» [4]) и еще до 30/17 іюля германскіе патрули дважды проникли во французскую территорію [5]). Съ большей сдержанностью французское правительство отодвинуло свои войска на разстояніе десяти километровъ отъ границы, и хотя «германскіе резервисты призывались назадъ изъ-за границы десятками тысячъ», французское правительство не призвало

---

[1]) «Германская бѣлая книга», стр. 8.

[2]) «Германская бѣлая книга», стр. 9, документъ № 17,

[3]) «Переписка», № 76, Сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 29/16 іюля: «Его превосходительство отрицалъ, что Германія сдѣлала это, но тѣмъ не менѣе это вѣрно».

[4]) «Переписка», № 99, Сэръ Ф. Берти сэру Э. Грею, 30/17 іюля.

[5]) «Переписка», Приложеніе 3 къ № 105, Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ г. Камбону.

ни одного резервиста. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ имѣетъ право замѣтить, что «Германія это сдѣлала».[1])

Послѣ того, какъ его войска вторглись, такимъ образомъ, во Францію до 30/17 іюля, германское правительство предъявило 31/18 іюля ультиматумъ, требуя сообщить, каковы намѣренія Франціи. 1 августа/19 іюля французское правительство отвѣтило, что оно будетъ руководиться своими собственными интересами.[2])

III.

Вопросъ о нейтралитетѣ Англіи.

Но даже тогда ничего еще не случилось, что заставило бы нашу страну вмѣшаться въ споръ. Если Германія воевала главнымъ образомъ съ Россіей, а съ Франціей воевала лишь какъ съ державой, помогающей Россіи, то Германія должна была бы дѣйствовать быстро противъ Россіи, а по отношенію къ Франціи ограничиваться обороной, и Англія тогда не была бы вовлечена въ войну.[3]) Вопросъ о нейтралитетѣ Великобританіи появляется въ англійской «Бѣлой книгѣ» въ первый разъ 25/12 іюля, когда сэръ Эдуардъ Грей въ телеграммѣ сэру Дж. Бьюкэнэну говоритъ: «Если, однако, война вспыхнетъ, то вызванныя ею другія послѣдствія могутъ вовлечь въ нее и насъ, и, поэтому, я очень озабоченъ ея предотвращеніемъ» [4]). Черезъ два дня онъ писалъ опять:

«Русскій посолъ мнѣ сказалъ, что въ германскихъ и австрійскихъ кругахъ господствуетъ впечатлѣніе, что мы, во всякомъ случаѣ, останемся въ сторонѣ при всякихъ событіяхъ... Такое впечатлѣніе, какъ я указалъ, должно разсѣяться приказомъ, отданнымъ нами первой эскадрѣ оставаться сконцентрированной и не уходить на маневры. Но... мое указаніе на этотъ фактъ не надо понимать, какъ обѣщаніе чего то большаго, нежели дипломатическое выступленіе» [5]).

---

[1]) Тамъ же.

[2]) «Германская бѣлая книга», стр. 48.

[3]) «Переписка», № 138. Сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 1 августа/19 іюля.

[4]) «Переписка», № 24. Сэръ Э. Грей сэру Дж. Бьюкэнэну, 25/12 іюля.

[5]) «Переписка», № 47. Сэръ Э. Грей сэру Дж. Бьюкэнэну, 29/16 іюля.

29/16 іюля вопросъ о нашемъ нейтралитетѣ серьезно обсуждался независимо другъ отъ друга берлинскимъ и сентъ-джемскимъ кабинетами. Сэръ Эдуардъ Грей въ бесѣдѣ съ княземъ Лихновскимъ сказалъ ему, что «онъ не желалъ бы, чтобы онъ былъ обманутъ... и подумалъ, что мы останемся въ сторонѣ». Развивая эту мысль, сэръ Эдуардъ Грей торжественно предупреждалъ германскаго посла, что

«Если Германія не будетъ вовлечена, или даже если Франція не будетъ вовлечена, о нашемъ вмѣшательствѣ не можетъ быть рѣчи. Но... если возникнутъ такого рода послѣдствія, что британскіе интересы, по нашему убѣжденію, потребуютъ отъ насъ вмѣшательства, мы должны будемъ вмѣшаться, и наше рѣшеніе, въ такомъ случаѣ, послѣдуетъ очень быстро... Но... я не хочу оказаться достойнымъ какого бы то ни было упрека съ его стороны въ томъ, что дружескій тонъ всѣхъ нашихъ бесѣдъ ввелъ въ заблужденіе его или его правительство, заставивъ предполагать, что мы не предпримемъ активныхъ дѣйствій».[1])

Раньше, чѣмъ извѣстіе объ этомъ разговорѣ дошло до Берлина, имперскій канцлеръ обратился 29/16 іюля со своей извѣстной «просьбой о нейтралитетѣ Великобританіи»:—

«Онъ сказалъ, что, насколько онъ можетъ судить о руководящемъ принципѣ британской политики, для него ясно, что Великобританія никогда не останется въ сторонѣ и не допуститъ, чтобы Франція была раздавлена въ какомъ бы то ни было конфликтѣ. Однако, Германія къ этому не стремится. Если нейтралитетъ Великобританіи будетъ обезпеченъ, то Британскому Правительству могутъ быть даны какія угодно гарантіи того, что Императорское Правительство не будетъ добиваться никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній за счетъ Франціи, если оно окажется побѣдителемъ въ могущей возникнуть войнѣ.

Я спросилъ его превосходительство относительно французскихъ колоній, и онъ сказалъ, что относительно колоній онъ не можетъ дать такого же ручательства. Что касается Голландіи, то... пока противники Голландіи будутъ уважать цѣлость и нейтралитетъ Нидерландовъ, Германія будетъ дѣйствовать точно такъ-же, и она готова дать Правительству Его

[1]) «Переписка», № 89. Сэръ Э. Грей сэру Э. Гошену, 29|16 іюля.

Величества обѣщаніе относительно этого пункта. Отъ образа дѣйствія Франціи будетъ зависѣть, вынудятъ ли военныя обстоятельства Германію вступить въ Бельгію, но, когда война окончится, то цѣлость Бельгіи будетъ возстановлена, если она не выступитъ противъ Германіи».[2])

Эта просьба была сразу отвергнута (30/17 іюля) британскимъ правительствомъ:

«Правительство Его Величества ни на минуту не можетъ принять предложеніе Канцлера обязаться на такихъ условіяхъ сохранить нейтралитетъ.

То, что онъ предлагаетъ намъ, означаетъ въ дѣйствительности обязаться спокойно смотрѣть на то, какъ взяты будутъ французскія колоніи и Франція будетъ до того разбита, что для Германіи исчезнетъ всякое различіе между французской территоріей и колоніями.

Съ матеріальной точки зрѣнія такое предложеніе непріемлемо, ибо Франція, если въ дальнѣйшемъ и не лишится своей территоріи въ Европѣ, могла бы до того быть сокрушена, что потеряла бы свое положеніе великой державы и была бы подчинена германской политикѣ.

Да и помимо всего этого, было бы вообще позоромъ для насъ учинить такой торгъ съ Германіей за счетъ Франціи, позоромъ, отъ котораго доброе имя нашей страны никогда не очистилось бы.

Канцлеръ предлагаетъ намъ также вступить въ торгъ относительно нашихъ обязательствъ и интересовъ въ отношеніи нейтралитета Бельгіи. Мы и на этотъ торгъ согласиться не можемъ».[1])

Онъ затѣмъ говоритъ, что Великобританія должна сохранить за собою полную свободу дѣйствій, и намекаетъ на нѣкоторый проектъ плана, имѣющій предупредить антигерманскія агрессивныя дѣйствія державъ тройственнаго согласія:

«Если удастся сохранить европейскій миръ и кризисъ благополучно минуетъ, я самъ постараюсь выдвинуть нѣкоторое предложеніе, въ которомъ Германія могла бы принять участіе и которымъ ей было бы гарантировано, что ни по от-

---

[1]) «Переписка», № 85. Сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 29/16 іюля (получено 29|16 іюля).

[2]) «Переписка», № 101. Сэръ Э. Грей сэру Э. Гошену, 30/17 іюля.

ношенію къ ней, ни по отношенію къ ея союзникамъ, Франція, Россія и мы сами ни совмѣстно, ни въ отдѣльности, не будутъ преслѣдовать агрессивной или враждебной политики... Эта идея была до сихъ поръ слишкомъ утопична, чтобы можно было ее сдѣлать предметомъ опредѣленныхъ предложеній. Но если настоящій кризисъ... благополучно минуетъ, я надѣюсь, что чувство облегченія и реакціи, которое за нимъ послѣдуетъ, можетъ сдѣлать возможнымъ гораздо болѣе опредѣленное сближеніе между державами, нежели это было возможно до сихъ поръ».

Эта телеграмма, такимъ образомъ, выясняетъ два слѣдующихъ пункта: мы серьезно заинтересованы въ томъ, чтобы Франція не была раздавлена, и чтобы нейтралитетъ Бельгіи не былъ нарушенъ. Интересно отмѣтить, какъ это крайне серьезное предостереженіе было принято д-ромъ фонъ-Бетманъ-Гольвегомъ:

«Его Превосходительство былъ такъ занятъ извѣстіемъ о русскихъ мѣрахъ вдоль границы..., что онъ принялъ наше сообщеніе безъ комментаріевъ».[1])

Но текстъ отвѣта былъ ему оставленъ, такъ что онъ едва ли можетъ жаловаться, что его не предупредили.

Данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, намъ не даютъ возможности сдѣлать какой нибудь выводъ относительно дѣйствія, произведеннаго этимъ предостереженіемъ на Берлинъ; но можно замѣтить, что въ Римѣ маркизъ ди Санъ Джуліано сказалъ въ тотъ же день сэру Рэннелю Родду, что онъ имѣетъ «достаточныя основанія вѣрить, что Германія теперь склонна дать болѣе примирительный совѣтъ Австріи, такъ какъ она, повидимому, убѣждена, что мы будемъ дѣйствовать заодно съ Франціей и Россіей, и очень озабочена тѣмъ, чтобы избѣжать конфликта съ нами»[2]). Такъ какъ эта переданная по телеграфу депеша было получена лишь на слѣдующій день, то не невозможно, что итальянскій министръ далъ это свѣдѣніе сэру Рэнэлю Родду поздно днемъ, послѣ того, какъ онъ получилъ сообщеніе изъ Берлина, отправленное подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ предупрежденіемъ сэра Эдуарда Грея.

Это впечатлѣніе, если оно когда либо и существовало,

---

[1]) «Переписка», № 109. Сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 31/18 іюля.
[2]) «Переписка», № 106. Сэръ Р. Роддъ сэру Э. Грею, 30/17 іюля.

сохранилось, должно быть, не долго, ибо когда англійское правительство запросило какъ французское, такъ и германское правительства, «готовы ли они обязаться въ томъ, чтобы не нарушать нейтралитета Бельгіи, пока его не нарушитъ другая держава» [1]), то французское правительство дало недвусмысленное обѣщаніе еще въ тотъ же самый день [2]), между тѣмъ какъ германскій отвѣтъ представляетъ собою прямую противоположность такому обѣщанію.

«Я видѣлъ Статсъ-Секретаря, который сообщилъ мнѣ, что онъ долженъ посовѣтоваться съ Императоромъ и Канцлеромъ, прежде чѣмъ дать какой нибудь отвѣтъ. Я заключилъ изъ того, что онъ сказалъ, что, по его мнѣнію, какой бы отвѣтъ они не дали, онъ прежде всего долженъ былъ бы раскрыть нѣкоторую часть ихъ плана кампаніи, и онъ, поэтому, весьма сомнѣвается, дадутъ ли они вообще какой нибудь отвѣтъ. Его Превосходительство, тѣмъ не менѣе, принялъ къ свѣдѣнію Вашъ запросъ.

Изъ его словъ явствуетъ, что Германское Правительство считаетъ, что со стороны Бельгіи уже послѣдовали нѣкоторые враждебные акты. Въ качествѣ примѣра онъ сослался на то, что уже наложено амбарго на транспортъ ржи, предназначавшійся для Германіи» [3]).

Послѣ этого стало ясно, что нарушеніе бельгійскаго нейтралитета есть случай, котораго Германія не устрашилась бы, и князя Лихновскаго предупредили, что вопросъ о «нейтралитетѣ Бельгіи затрагиваетъ чувства нашей страны» и попросили его постараться получить отъ германскаго правительства такой же отвѣтъ, какой дала Франція:

«Если бы одно изъ воюющихъ государствъ нарушило нейтралитетъ Бельгіи, въ то время, какъ другое уважало бы его, то было бы чрезвычайно трудно сдержать общественное возмущеніе въ нашей странѣ» [4]).

---

[1]) «Переписка», № 114. Сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти и сэру Э. Гошену, 31|18 іюля.

[2]) «Переписка», № 125. Сэръ Ф. Берти сэру Э. Грею, 31/18 іюля.

[3]) «Переписка», № 122. Сэръ Э. Гошенъ сэру Э. Грею, 31/18 іюля. Слѣдуетъ замѣтить, что согласно Гаагской конвенціи 1907 г. Бельгія была обязана наложить это амбарго послѣ того, какъ Германія предъявила ультиматумъ Россіи.

[4]) «Переписка», № 123, сэръ Э. Грей сэру Э. Гошену, 1 августа/19 іюля.

Посолъ, выслушавъ это предостереженіе, попытался за своей личной отвѣтственностью и безъ уполномочія отъ своего правительства добиться обѣщанія, что Великобританія останется нейтральной, «если Германія дастъ обѣщаніе не нарушать бельгійскаго нейтралитета», но сэръ Эдуардъ Грей былъ обязанъ отвергнуть такое предложеніе, такъ какъ оно оставляетъ въ сторонѣ весь вопросъ о нападеніи на Францію и ея колоніи, относительно котораго онъ уже заявилъ, что мы не можемъ сдѣлать его предметомъ торга. Посолъ даже заговорилъ о гарантіи цѣлости Франціи и ея колоній, но и такое предложеніе сэръ Эдуардъ Грей тоже былъ обязанъ отвергнуть по тѣмъ же основаніямъ, на которыя онъ указалъ сэру Эдуарду Гошену, отвергнувъ то, что теперь извѣстно подъ названіемъ «безстыднаго предложенія» д-ра фонъ-Бетманъ-Гольвега», а именно, предложеніе, чтобы Франція, не теряя никакой части своей территоріи, была бы такъ сокрушена, чтобы потерять свое положеніе великой державы и сдѣлалась подчиненной германской политикѣ. И если можетъ еще оставаться какое либо сомнѣніе относительно политики сэра Эдуарда Грея въ этотъ моментъ, то мы сошлемся на его сообщеніе въ палатѣ общинъ, сдѣланное имъ 27/14 августа[1]). Важнѣйшими пунктами этого сообщенія является то, что предложенія князя Лихновскаго были имъ сдѣланы за его личной отвѣтственностью и безъ уполномочія на то со стороны его правительства, что кабинетъ 2 августа/20 іюля тщательно обсуждалъ условія, на которыхъ мы можемъ оставаться нейтральными и что 3 августа/21 іюля германскій посолъ былъ такъ далекъ отъ того, чтобы гарантировать нейтралитетъ Бельгіи, что онъ въ дѣйствительности долженъ былъ просить сэра Эдуарда Грея «не ставить нейтралитета Бельгіи однимъ изъ нашихъ условій». Что-бы князь Лихновскій ни говорилъ частнымъ образомъ 1 августа/19 іюля, одинъ фактъ несомнѣненъ, а именно то, что двумя днями позже германское правительство не хотѣло сдѣлать никакихъ уступокъ въ этомъ пунктѣ; оно, наоборотъ, просило насъ сойти съ позиціи, которую мы заняли четыре дня до этого, 30/17 іюля.

Сэръ Эдуардъ Грей сдѣлалъ, повидимому, еще одно уси-

---

[1]) «Times» 28/15 августа 1914 года, стр. 9, столб. 8, 5 и 6.

ліе сохранить миръ въ западной Европѣ. Онъ запросилъ князя Лихновскаго по телеграфу, дастъ ли Германія обѣщаніе не нападать на Францію, если послѣдняя останется нейтральной. Въ Берлинѣ, повидимому, поняли это предложеніе въ томъ смыслѣ, что это было предложеніе гарантировать французскій нейтралитетъ военными силами Великобританіи, и телеграмма германскаго императора нашему королю свидѣтельствуетъ о чувствѣ облегченія, испытанномъ Его Императорскимъ Величествомъ, когда онъ увидѣлъ, что есть надежда, что добрыя отношенія между двумя государствами не будутъ нарушены. Къ несчастію, однако, для этихъ надеждъ, съ Франціей никогда не было объ этомъ разговора, а у насъ никогда не было и мысли принудить Францію соблюдать нейтралитетъ, и даже самое первоначальное предложеніе должно было быть оставлено, какъ неосуществимое. [1])

Событія теперь пошли быстрымъ темпомъ. Въ то время, какъ англійскій кабинетъ министровъ въ Лондонѣ еще обсуждалъ вопросъ, должно ли признать нарушеніе бельгійскаго нейтралитета поводомъ для войны, получилось сообщеніе о нарушеніи нейтралитета Люксембурга. Сэръ Эдуардъ Грей сообщилъ г. Камбону,[2]) что лордъ Стэнли и лордъ Кларэндонъ согласились въ 1867 г. на «коллективную гарантію», которая не означаетъ, что каждая держава обязана самостоятельно объявить войну каждому правительству, которая нарушитъ нейтралитетъ Люксембурга. Хотя это грубое нарушеніе Германіей своего торжественнаго ручательства не повлекло за собою тѣхъ же послѣдствій, какъ нарушеніе нейтралитета Бельгіи, оно все же одинаково достойно осужденія съ точки зрѣнія международнаго права, и настолько же гнуснѣе, насколько это государство слабѣе Бельгіи. Люксембургъ про-

---

[1]) См. «Times», 27/14 августа 1914 г. Имперскій канцлеръ телеграфировалъ князю Лихновскому: «Германія готова принять англійское предложеніе, если Англія гарантируетъ своими военными силами абсолютный нейтралитетъ Франціи въ германо-русскомъ столкновеніи... Мы обѣщаемъ, что наши войска не перейдутъ французской границы до понедѣльника 3 августа/22 іюля с. г. пополудни, если Англія между тѣмъ дастъ свое согласіе.

[2]) «Переписка», № 148, сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, 2 августа/20 іюля.

тестовалъ противъ этого вторженія, но онъ въ отличіе отъ Бельгіи, не аппелировалъ къ державамъ.[1])

Спустя два дня бельгійскій король аппелировалъ къ англійскому королю, прося «дипломатическаго вмѣшательства въ интересахъ Бельгіи».[2]) Германское правительство предъявило бельгійскому ультиматумъ, въ которомъ оно требовало «предоставленія свободнаго прохода черезъ бельгійскую территорію, и обѣщаетъ сохранить цѣлость королевства и его владѣній при заключеніи мира, угрожая въ случаѣ отказа разсматривать Бельгію, какъ врага. Отвѣтъ требовался въ теченіе двѣнадцати часовъ» [3]).

Сэръ Эдуардъ Грей поручилъ великобританскому послу протестовать противъ нарушенія договора, подъ который вмѣстѣ съ нами подписалась также и Германія, и потребовать завѣренія въ томъ, что требованіе, предъявленное Бельгіи, не получитъ примѣненія. Въ то же время бельгійскому правительству было сообщено, что оно должно всѣми силами сопротивляться вторженію Германіи, такъ какъ Великобританія готова соединиться съ Франціей и Россіей, чтобы защищать цѣлость и независимость Бельгіи.[4]) По полученіи протеста сэра Эдуарда Грея, фонъ-Яговъ сдѣлалъ, повидимому, еще одно отчаянное усиліе просить нейтралитета Англіи: «Германія ни подъ какимъ предлогомъ не произведетъ аннексіи Бельгіи»; пройти черезъ Бельгію ей необходимо, потому что «германская армія не могла быть подвергнута опасности французскаго нападенія черезъ Бельгію, которое, согласно безукоризненно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, имѣлось въ виду»; для Германіи «является вопросомъ жизни или смерти воспрепятствовать французскому поступательному движенію» [5]). Но дѣло зашло уже слишкомъ далеко; въ тотъ же день (4 августа/22 іюля) Германія вторглась въ бельгійскую территорію, и вслѣдъ за этимъ предъявленное Великобританіи отъ Гер-

---

[1]) «Переписка», № 147. Государственный министръ Люксембургъ сэру Э. Грею, 2 августа/20 іюля.

[2]) «Переписка», № 153, сэръ Э. Грей сэру Э. Гошену, 4 авг./22 іюля.

[3]) Тамъ же.

[4]) «Переписка», № 155, сэръ Э. Грей сэру Ф. Вилліерсу, 4 авг./22 іюля.

[5]) «Переписка», № 157. Германскій министръ Иностранныхъ Дѣлъ князю Лихновскому, 4 августа/22 іюля.

маніи требованіе, чтобы она уважала бельгійскій нейтралитетъ, посланное утромъ этого дня, было превращено въ ультиматумъ:

«Мы узнаемъ, что Германія обратилась къ бельгійскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ съ нотой, въ которой заявляетъ, что Германское Правительство вынуждено будетъ, если понадобится, осуществить силой тѣ мѣропріятія, которыя она сочтетъ нужнымъ.

Мы также извѣщены о вторженіи на бельгійскую территорію въ Гемменихѣ.

При такихъ обстоятельствахъ и въ виду того, что Германія отказалась дать такое же завѣреніе относительно Бельгіи, какое на прошлой недѣлѣ въ отвѣтъ на наше требованіе, одновременно предложенное въ Берлинѣ и Парижѣ, дала Франція Вы должны повторить это требованіе и просить, чтобы удовлетворительный отвѣтъ на это требованіе и на мою сегодняшнюю телеграмму былъ полученъ нами сегодня до 12 час. ночи. Въ противномъ случаѣ вамъ предлагается потребовать ваши паспорта и сказать, что Правительство Его Величества чувствуетъ себя обязаннымъ предпринять всѣ шаги, которые оно въ силахъ предпринять, для сохраненія нейтралитета Бельгіи и соблюденія договора, къ которому Германія имѣетъ такое же касательство, какъ и мы».[1])

Интересно впечатлѣніе, произведенное ультиматумомъ въ Берлинѣ. Тамъ проявляли всевозможные знаки разочарованія и неудовольствія и какъ «рѣчь», произнесенная канцлеромъ сэру Э. Гошену, и его удивленіе по поводу того, что Великобританія придаетъ значеніе «лоскутку бумаги», написанному въ 1839 г., такъ и отчаянная просьба фонъ-Ягова о нейтралитетѣ въ послѣдній моментъ, какъ бы, повидимому, доказываютъ, что германское правительство разсчитывало на нейтралитетъ нашей страны и было сильно разочаровано, когда его ожиданія не оправдались. Если эти взрывы неудовольствія и попытки въ одиннадцатомъ часу вечера начать вести переговоры о нашемъ нейтралитетѣ были искренними усиліями сохранить миръ между Великобританіей и Германіей, то надо, какъ мы полагаемъ, искать источника этихъ желаній

---

[1]) «Переписка», № 159, сэръ Э. Грей сэру Э. Гошену, 4 августа/22 іюля.

въ высшемъ представителѣ власти германской имперіи, который, несмотря на мелкіе знаки досады, проявленные имъ уже послѣ объявленія войны, искренне и честно, какъ мы вѣримъ, дѣйствовалъ въ пользу европейскаго мира, борясь съ препятствіями, о которыхъ мало подозрѣваютъ наши соотечественники. Но имѣются нѣкоторые признаки, указывающіе на то, что въ стоящихъ ниже рядахъ германской іерархіи, война съ нашей страной была рѣшеннымъ дѣломъ, и сэръ Эдуардъ Грей не ошибался, когда онъ писалъ 31/18 іюля сэру Фрэнсису Берти: «Я полагаю, что совершенно невѣрно предположеніе, что наше отношеніе было рѣшающимъ факторомъ въ создавшейся ситуаціи. Германское Правительство не ожидаетъ нашего нейтралитета». Чѣмъ же другимъ, если не приказомъ изъ Берлина, можно объяснить тотъ фактъ, что за три дня до объявленія войны германскія таможенныя власти начали задерживать англійскія суда[1]) и принудительно выгружать съ британскихъ судовъ грузы сахара. Въ первомъ случаѣ было потомъ приказано отпустить суда, а въ последнемъ случаѣ, на который пожаловались на сутки позже, отвѣтомъ на вопросъ были знаментальныя слова: «объ этомъ не получено никакихъ свѣдѣній»[2]).

Мы, однако, отступили отъ главнаго вопроса. Исторія, несомнѣнно, припишетъ причину возникновенія войны между нами и Германіей ходу развитія бельгійскаго вопроса, и, мы увѣрены, скажетъ, что если бы ничѣмъ не вызванное нападеніе Германіи на нейтральную страну не произошло, то война съ Великобританіей не возникла бы 4 августа 22 іюля 1914 г. Поучительны приведенныя нѣмецкимъ правительствомъ оправданія этого вопіющаго нарушенія международныхъ соглашеній. Въ разговорѣ съ сэромъ Эдуардомъ Гошеномъ ни фонъ-Яговъ, ни имперскій канцлеръ, не утверждали, что французы нарушили нейтралитетъ; они просто говорили, что путь черезъ Вогезы затруднителенъ, время въ этой войнѣ означаетъ все, и для Германіи является вопросомъ жизни или смерти раздавить Францію возможно быстрѣе, чтобы имѣть возможность выступить противъ России

[1]) «Переписка», № 116. 31/18 іюля.
[2]) «Переписка», №№ 130, 143, 145.
[3]) «Переписка», №№ 149, 150, 2 и 3 августа/20 и 21 іюля.

раньше, чѣмъ они достигнутъ германской границы. Это оправданіе не казалось, повидимому, удовлетворительнымъ даже тѣмъ, которые выдвинули его, хотя оно было несомнѣнной причиной ихъ рѣшенія. Порокъ, поэтому, сталъ платить дань добродѣтели, и фонъ-Яговъ написалъ князю Лихновскому что онъ имѣетъ «безупречно достовѣрное сообщеніе», что германская армія подвергается опасности французскаго нападенія черезъ Бельгію. Канцлеръ, съ другой стороны, еще 4 августа/22 іюля, ничего, повидимому, не зналъ о такихъ дѣйствіяхъ Франціи. Онъ, во всякомъ случаѣ, ничего не упоминаетъ объ этомъ въ своей рѣчи въ рейхстагѣ, въ которой онъ по поводу этого пункта сказалъ:

«Мы находимся теперь въ положеніи необходимой обороны, а небходимость не вѣдаетъ закона. Наши войска заняли Люксембургъ и, можетъ быть, находятся уже на бельгійской территоріи. Господа, это противорѣчитъ законамъ международнаго права. Вѣрно то, что Франція заявила въ Брюсселѣ, что она согласна уважать нейтралитетъ Бельгіи до тѣхъ поръ, пока ея противница тоже будетъ его уважать. Мы знаемъ, однако, что Франція стоитъ готовой для вторженія. Франція можетъ ждать, но мы не можетъ. Французское движеніе на нашъ флангъ черезъ нижній Рейнъ было бы для насъ гибелью. Мы, такимъ образомъ, вынуждены не обращать вниманія на справедливый протестъ Люксембурга и Бельгійгійскаго правительства. Несправедливость—я говорю откровенно,—которую мы совершаемъ, мы постараемся исправить, какъ только будетъ выполнена наша военная задача. Каждая страна, которой угрожаетъ такая опасность, какая угрожаетъ нашей, и которая борется за свои величайшія блага, можетъ думать лишь объ одномъ—какъ пробиться впередъ».[1])

Въ этой двойственной позиціи германскаго правительства мы имѣемъ передъ собою образчикъ либо безпримѣрной безнравственности, либо безпримѣрнаго безумія. Вторженіе въ Бельгію могло быть задумано либо съ цѣлью вызвать съ нами ссору, либо въ предположеніи, что, несмотря на договоры и наши предостереженія, мы все-же не останемся нейтральными. Но легкомысліе такого разсчета ничто по сравненію съ легкомысліемъ, которое проявилось въ оправданіи,

---

[1]) «Times», 11 августа/29 іюля, стр. 5, столб. 1.

что Германія должна была нарушить бельгійскій нейтралитетъ, потому что Франція собирается такъ поступить или уже такъ поступила. Если это было такъ, то было бы самой мудрой политикой для Германіи дать Франціи пожать плоды своего собственнаго безумія и подвергнуться нападенію не только Бельгіи, но также и Великобританіи, которой Франція только что—этому не истекло еще пять дней—дала торжественное обѣщаніе соблюдать бельгійскій нейтралитетъ, и которую такое грубое нарушеніе Франціей своего слова должно было, если не подвигнуть стать на сторону Германіи, то, несомнѣнно, заставить оставаться нейтральной. По отношенію къ Бельгіи нѣмцы, дѣйствительно, выдвинули оправданіе, что Франція уже нарушила ея нейтралитетъ раньше, чѣмъ была объявлена война. Но это оправданіе растаяло, подобно снѣга. Германія начала неимѣющимъ никакого значенія обвиненіемъ, что французскія войска находятся въ Живе, городѣ, лежащемъ въ предѣлахъ французской территоріи, и это представляетъ собою нападеніе на Германію, хотя какимъ образомъ присутствіе французскихъ войскъ въ городѣ, принадлежащемъ Франціи, можетъ быть названо нарушеніемъ нейтралитета сосѣдняго государства, трудно понять. Постепенно это обвиненіе выростаетъ въ болѣе страшный разсказъ о томъ, что французы снабжаютъ Льежъ гарнизономъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что всѣ попытки фонъ-Ягова доказать, что французы нарушили бельгійскій нейтралитетъ, являются новой иллюстраціей истинности афоризма Свифта, который говоритъ, что прямо изумительно, какъ искусство лжи «при всей его общераспространенности и кажущейся легкости», доведено до такого незначительнаго совершенства «даже тѣми», кто наиболѣе прославленъ въ немъ»[1]).

IV.

Англія и Сербія.

Мы видѣли, какую позицію заняла Германія въ кризисѣ, послѣдовавшемъ за сараевскимъ убійствомъ и, еще болѣе,

---

[1]) «Thoughts on Various Subjects, Moral and Diverting» (October, 1706).

за предъявленіемъ австрійской ноты. Намъ такъ же важно и, по крайней мѣрѣ, для англійскаго читателя еще болѣе важно узнать, какую позицію заняла Англія. Сэръ Эдуардъ Грей всецѣло остался на позиціи, за избраніе которой въ 1912 г. его такъ справедливо восхваляли. Эта позиція состояла въ томъ, что Англія непосредственно не заинтересована въ балканскихъ спорахъ, но что ея священный долгъ предупредить общеевропейское столкновеніе. Онъ сразу понялъ то, чего не могла понять Германія, а именно, что Россія, какъ по религіознымъ, такъ и по политическимъ основаніямъ такъ заинтересована въ Сербіи, что всякая попытка австро-венгерскаго правительства принудить Сербію силой покушаться на ея территоріальную цѣлость или ея независимость, какъ сувереннаго государства, неизбѣжно подвигнула бы Россію на войну. Ибо Россія болѣе заинтересована въ безопасности Сербіи, чѣмъ Великобританія въ безопасности Бельгіи. Честь и собственные интересы заставляютъ Великобританію выступать въ защиту маленькой Бельгіи, подобно тому, какъ честь и собственные интересы Россіи заставляютъ ее выступать въ защиту Сербіи, но Россія кромѣ того связана съ послѣдней узами родства и религіи. При такомъ положеніи дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей сталъ прилагать усилія не къ тому, —какъ говоритъ «Германская бѣлая книга»,—чтобы локализовать конфликтъ, а къ тому, чтобы, если это возможно, предупредить столкновеніе между Австро-Венгріей и Сербіей, которое неизбѣжно вовлекло бы Россію и, вѣроятно, также и другія державы. Онъ съ величайшей ясностью изложилъ свою политику 27/14 іюля въ палатѣ общинъ, но онъ тогда уже успѣлъ дѣйствовать согласно той политикѣ, которую онъ объяснялъ. 24/11 іюля онъ сказалъ графу Менсдорфу, что онъ будетъ разсматривать «этотъ вопросъ» просто и исключительно съ точки зрѣнія европейскаго мира. Вопросъ о томъ, кто правъ въ этомъ спорѣ между Австріей и Сербіей, не касается Правительства Его Величества».[1])

То же самое, но полнѣе, онъ сказалъ въ тотъ же день германскому послу:

«Если представленіе этого ультиматума Сербіи не пове-

---

[1]) «Переписка», № 5. Сэръ Э. Грей сэру М. де Бунзену, 24/11 іюля.

детъ къ треніямъ между Австріей и Россіей, то намъ, разумѣется, нѣтъ надобности о немъ безпокоиться; но если Россія станетъ по отношенію къ ультиматуму на ту точку зрѣнія, на которую, какъ мнѣ кажется, должна стать всякая держава, заинтересованная въ Сербіи, то я, въ виду поставленныхъ въ ультиматумѣ условій, буду совершенно безсиленъ оказать какое либо умѣряющее вліяніе».[1])

Сэръ Эдуардъ Грей вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ, чтобы четыре державы, Германія, Италія, Франція и Великобританія совмѣстно дѣйствовали въ Петроградѣ и Вѣнѣ въ пользу мира. И онъ пошелъ дальше и старался убѣдить Сербію выразить «сочувствіе и сожалѣніе» и «дать Австріи полнѣйшее удовлетвореніе», «если будетъ доказано, что сербскія должностныя лица, какое бы подчиненное положеніе они ни занимали, были соучастниками убійства наслѣднаго эрцгерцога въ Сараевѣ» [2]). Дальше этого ни одинъ великобританскій министръ не могъ пойти; сэръ Джорджъ Бьюкэнэнъ правильно объяснилъ ситуацію г. Сазонову, подчеркивая необходимость санкціи англійскаго общественнаго мнѣнія [3]). Сэръ Эдуардъ Грей вполнѣ одобряетъ это указаніе и въ свою очередь пишетъ:

«Я не думаю, чтобы англійское общественное мнѣніе санкціонировало или должно было санкціонировать объявленіе нами войны изъ-за Сербскаго вопроса. Если, однако, война вспыхнетъ, то вызванныя ею послѣдствія могутъ втянуть и насъ и, поэтому, я очень озабоченъ ея предотвращеніемъ» [4]).

Событія, однако, быстро шли своимъ чередомъ. Сербскій отвѣтъ [5]) былъ врученъ 25/12 іюля; австро-венгерское прави-

---

[1]) «Переписка», № 10. Сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, 24/11 іюля. Ср. № 24. Сэръ Э. Грей Дж. Бьюкэнэну: 25|12 іюля: «Неожиданный, внезапный и рѣшительный характеръ австрійскаго выступленія дѣлаетъ почти неизбѣжнымъ, что въ очень близкомъ будущемъ, какъ Россія, такъ и Австрія мобилизуются другъ противъ друга».

[2]) «Переписка», № 12. Сэръ Э. Грей г. Крэкенторпу, 24/11 іюля.

[3]) «Переписка», № 6, Сэръ Дж. Бьюкэнэнъ сэру Э. Грею, 24/11 іюля: «Я сказалъ... непосредственныхъ интересовъ Великобританія въ Сербіи не имѣетъ, и война въ защиту этой страны никогда не была бы одобрена британскимъ общественнымъ мнѣніемъ».

[4]) «Переписка», № 24. Сэръ Э. Грей сэру Дж. Бьюкэнэну, 25/12 іюля.

[5]) «Переписка», См. прибавленіе въ концѣ этой главы.

тельство признало его недостаточнымъ и посланникъ вмѣстѣ съ чинами посольства выѣхали изъ Бѣлграда. На слѣдующій день сэръ Эдуардъ Грей предложилъ, чтобы немедленно состоялась конференція Германіи, Италіи, Франціи и Великобританіи, «съ цѣлью изысканія выхода, который могъ бы предотвратить осложненія» и чтобы никакія активныя дѣйствія не были допущены до тѣхъ поръ, пока будетъ засѣдать конференція» [1]). Это предложеніе, какъ мы уже разсказывали выше, не имѣло успѣха, и 28/15 іюля Австро-Венгрія объявила войну Сербіи. Сэръ Эдуардъ Грей продолжалъ твердо стоять на своей прежней позиціи невмѣшательства и сообщилъ г. Камбону, что, «споръ между Австріей и Сербіей не является такимъ вопросомъ, по которому мы чувствовали бы потребность сказать свое слово» [2]). И въ тотъ же самый день онъ отклонилъ отъ себя обсужденіе вмѣстѣ съ графомъ Менсдорфомъ вопроса о «правотѣ той или другой стороны въ спорѣ между Австріей и Сербіей» [3]).

Никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что отношеніе сэра Эдуарда Грея было дипломатически правильно и выдержано. Оно было также проникнуто искреннимъ желаніемъ мира и представляетъ собою рѣзкій контрастъ съ «двусмысленной и двуличной» политикой Германіи и съ упорствомъ Австріи въ своемъ отказѣ позволить державамъ принять на себя дѣло посредничества, ибо г. Сазоновъ совершенно справедливо замѣтилъ, что «отказъ Австріи продлить поставленный ею для отвѣта на ультиматумъ срокъ лишилъ бы смысла предложенія, сдѣланныя Австро-Венгріей державамъ, и противорѣчилъ бы основамъ международныхъ отношеній» [4]).

V.

Великобританія отклоняетъ «солидарность» съ Россіей и Франціей.

Есть, однако, другой вопросъ, который касается всей иностранной политики Великобританіи. Не могъ ли сэръ Эдуардъ

[1]) «Переписка», № 36. Сэръ Э. Грей сэру М. де Бунзену, 29/16 іюля.

[2]) «Переписка», № 87. Сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, 29/16 іюля.

[3]) «Переписка», № 91. Сэръ Э. Грей сэру М. де Бунзену, 29/16 іюля.

[4]) «Переписка», № 13. Нота, сообщенная сэру Э. Грею Русскимъ Посломъ, 25/12 іюля.

Грей предотвратить войну, рѣшительно заявивъ сразу, что Англія будетъ поддерживать, если это окажется нужнымъ, Францію и Россію вооруженной силой? Этой политики отъ него требовали съ разныхъ сторонъ, и, возможно, что такой образъ дѣйствія увѣнчался бы успѣхомъ. То, что сэръ Эдуардъ Грей спокойно, но непреклонно отказывался предпринять такой рискованный и не имѣющій прецедентовъ шагъ, служитъ лишь къ его чести. Разсмотримъ вкратцѣ эти предложенія: Уже 24/11 іюля г. Сазоновъ «надѣялся, что Правительство Его Величества не преминетъ заявить о своей солидарности съ Россіей и Франціей».[1]) Французскій посолъ въ Петроградѣ присоединился къ этой просьбѣ, и г. Сазоновъ подчеркивалъ, что «раньше или позже мы будемъ вовлечены въ войну, если она вспыхнетъ, мы сдѣлаемъ войну болѣе вѣроятной, если мы съ самаго начала не выступимъ совмѣстно съ его государствомъ и съ Франціей».[2])

30/17 іюля президентъ французской республики выразилъ свое убѣжденіе, «что миръ между державами находится въ рукахъ Великобританіи. Если Правительство Его Величества заявитъ, что Англія придетъ на помощь Франціи въ случаѣ столкновенія между Франціей и Германіей, которое произойдетъ въ результатѣ спора между Австріей и Сербіей, то не будетъ войны, такъ какъ Германія сразу займетъ другую позицію» [3]).

Еще болѣе важно мнѣніе итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ, страна котораго является членомъ тройственнаго союза. Онъ сказалъ, что «такъ какъ Германія очень хочетъ сохранить добрыя отношенія съ нами (Великобританіей), то, если бы она думала, что Великобританія будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіей и Франціей, то это, какъ онъ полагаетъ, имѣло бы значительное вліяніе» [3]). Такія мнѣнія обладаютъ большимъ вѣсомъ, но сэръ Эдуардъ Грей и британскіе послы одинаково твердо не поддавались на эти убѣжденія. Сэръ Джорджъ Бьюкэнэнъ сразу сказалъ г. Сазонову, что онъ «не видитъ основаній ожидать отъ Правительства Его

---

[1]) «Переписка», № 6. Сэръ Дж. Бьюкэнэнъ сэру Э. Грею, 24/11 іюля.

[2]) Тамъ же.

[3]) «Переписка», № 99. Сэръ Ф. Берти сэру Э. Грею, 30/17 іюля. Ср. № 119, Сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, 31/18 іюля.

[4]) «Переписка», № 80. Сэръ Р. Роддъ сэру Э. Грею, 29/16 іюля.

Величества какой либо деклараціи о солидарности, которая заключала бы въ себѣ безусловное обязательство съ его стороны поддерживать Францію и Россію силой оружія [1]).

27/14 іюля онъ болѣе прямо возражаетъ противъ этого предложенія, указывая на то, что такая политика не только не приведетъ къ сохраненію мира, но и, наоборотъ, она лишь сильно задѣнетъ гордость Германіи и укрѣпитъ ее на занятой ею теперь позиціи [2]). Двумя днями позже сэръ Эдуардъ Грей указывалъ г. Камбону, что «если даже вопросъ превратится въ споръ между Австріей и Россіей, то мы все же не будемъ чувствовать потребности вмѣшаться въ него, это будетъ тогда вопросомъ о гегемоніи тевтоновъ или славянъ, борьбой за гегемонію на Балканахъ, а наше намѣреніе всегда состояло въ томъ, чтобы не дать вовлечь себя въ войну изъ-за Балканскаго вопроса» [3]).

Это одинъ отвѣтъ на предложеніе, отвѣтъ, основанный на исторіи и на великобританской политикѣ въ прошломъ. Но у сэра Эдуарда Грея есть еще и другой отвѣтъ. Онъ заключался въ томъ, что Германія знаетъ и должна знать, что она не можетъ разсчитывать на нашъ нейтралитетъ; ибо, когда русскій посолъ сказалъ ему, что въ германскихъ и австрійскихъ кругахъ господствуетъ впечатлѣніе, что, какъ не сложатся событія, Англія будетъ стоять въ сторонѣ, онъ указалъ на то, что «это впечатлѣніе должно разсѣяться приказомъ, отданнымъ нами первой эскадрѣ флота, сконцентрированной въ Портлэндѣ, не уходить на маневры» [4]).

Положеніе продолжало развиваться неблагопріятно для дѣла мира, благодаря объявленію Австріей войны Сербіи и послѣдовавшей за ней мобилизаціей въ Россіи, Германіи и Франціи. 31/18 іюля сэръ Эдуардъ Грей говоритъ: «Я думаю,

---

[1]) «Переписка», № 6. Сэръ Дж. Бьюкэнэнъ сэру Э. Грею, 24/11 іюля.

[2]) «Переписка», № 44. Сэръ Дж. Бьюкэнэнъ сэру Э. Грею, 27|14 іюлю: «Такая угроза лишь укрѣпила бы ее (Германію) въ ея отношеніи, и мы можемъ лишь убѣдить Германское Правительство воспользоваться своимъ вліяніемъ въ Вѣнѣ для предотвращенія войны, лишь подходя къ нему въ качествѣ друга, озабоченнаго сохраненіемъ мира».

[3]) «Переписка», № 87. Сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, 29/16 іюля.

[4]) «Переписка», № 47. Сэръ Э. Грей сэру Дж. Бьюкэнэну, 27/14 іюля.

щимъ факторомъ въ создавшемся положенiи. Германское правительство не ожидаетъ нашего нейтралитета»[1]). Нельзя сказать совершенно увѣренно, что мнѣнiе сэра Эдуарда Грея основательно. Отношенiе Англiи, можетъ быть, дѣйствительно, было важнымъ факторомъ, создавшагося положенiя, и все же сэръ Эдуардъ Грей, по нашему мнѣнiю, не только былъ правъ, отказываясь повести Англiю по пути новой континентальной политики, но и не могъ, соблюдая достодолжнымъ образомъ конституцiонные обычаи, взять какой нибудь другой курсъ. Но, помимо этого, еще неизвѣстно, полагалось ли или не полагалось Германское Правительство на нашъ нейтралитетъ. Германскiй имперскiй канцлеръ и германскiй министръ иностранныхъ дѣлъ дѣлали впослѣдствiи видъ, что очень поражены нашимъ образомъ дѣйствiя. Германiя, однако, какъ мы видѣли выше, получила 29/16 iюля отъ сэра Эдуарда Грея ясное предостереженiе,[2]) что она не можетъ разсчитывать на нашъ нейтралитетъ при всякихъ условiяхъ.

Правъ ли или неправъ сэръ Эдуардъ Грей въ своей оцѣнкѣ благоразумiя Германiи,—это не имѣетъ большого значенiя; важно то, что его образъ дѣйствiя былъ прямъ и послѣдователенъ, и его роль, несомнѣнно, была очень трудна. Ближнiй Востокъ былъ похожъ на пылающую скирду сѣна, окруженную мызными постройками. Германiя, если и не раздувала пожара, то во всякомъ случаѣ не лила воды на пламя, между тѣмъ, какъ Австрiя—и даже очень вѣроятно[3]) съ вѣдома Германiи—никому не позволяла сдѣлать попытку потушить пожаръ.

Было бы болѣе полезно для дѣла Австрiи въ Европѣ и повсюду, если бы Австро-Венгрiя опубликовала[4]) имѣющееся у нея досье, освѣщающее сербскiя интриги и связь между эти-

---

[1]) «Переписка», № 116. Сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, 31/18 iюля.

[2]) «Переписка» № 89. Сэръ Э. Грей сэру Э. Тошену, 29 iюля.

[3]) «Переписка», № 95. Сэръ М. де Бунзенъ сэру Э. Грею, 30/17 iюля: «Хотя я и не могу этого подтвердить, но я получилъ частныя свѣдѣнiя о томъ, что Германскiй Посолъ зналъ текстъ австрiйскаго ультиматума Сербiи раньше, чѣмъ онъ былъ отправленъ, и протелеграфировалъ, его германскому Императору. Я знаю отъ самого Германскаго посла, что онъ подписывается подъ каждымъ его пунктомъ».

[4]) Смотри, однако, нѣмецкое изданiе «Германской бѣлой книги».

ми интригами и убійствомъ 15 іюня, «которое, какъ она говорила, она готова предоставить въ распоряженіе Великобританскаго Правительства»[1]); ибо даже графъ Менсдорфъ «допускалъ, что на бумагѣ сербскій отвѣтъ можетъ показаться удовлетворительнымъ»[2]).

Чтобы судить о томъ, удовлетворителенъ ли сербскій отвѣтъ, было необходимо и теперь еще необходимо разсмотрѣть свидѣтельскія показанія, на которыхъ австро-венгерское правительство основывало обвиненія, формулированныя въ ея нотѣ отъ 23/10 іюля. Но если даже признаемъ, какъ это утверждаетъ «Германская бѣлая книга»,[2]) что австрійскія обвиненія справедливы, то это является лишь бо̀льшимъ основаніемъ для того, чтобы дать державамъ возможность разсмотрѣть эти свидѣтельскія показанія; и это, кромѣ того, не объясняетъ упорнаго отказа[3]) до 31/19-го іюля допустить какіе-либо переговоры на основѣ сербскаго отвѣта[4]).

Въ виду такого положенія вещей, трудно усмотрѣть, что еще могъ сдѣлать сэръ Эдуардъ Грей для предотвращенія войны между Австро-Венгріей и Сербіей, войны, которая, какъ онъ предвидѣлъ съ самаго начала, перекинется на другія государства. Онъ далъ Сербіи совѣтъ «умѣренности» и даже «покорности»; старался убѣдить четыре державы совмѣстно посредничать въ Петроградѣ и Вѣнѣ; онъ предложилъ конференцію четырехъ державъ для предотвращенія дальнѣйшихъ осложненій; онъ дѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы удержать Россію отъ немедленной вооруженной поддержки Сербіи; онъ отклонилъ предложеніе заявить, что Англія присоединится къ Россіи и Франціи въ случаѣ, если дойдетъ до военныхъ дѣйствій; и вплоть до того времени, когда былъ нарушенъ нейтралитетъ Бельгіи, онъ все еще дѣлалъ усилія, чтобы избавить Европу отъ бѣдствій войны.

---

[1]) «Переписка», № 4.

[2]) «Переписка», № 48. Сэръ Э. Грей сэру М. де Бунзену, 27|14 іюля.

[3]) «Переписка», № 61. Сэръ М. де Бунзенъ сэру Э. Грею, 28|15 іюля; № 78. Сэръ Дж. Бьюкэнэнъ сэру Э. Грею, 29|16 іюля, № 96; Сэръ М. де Бунзенъ сэру Э. Грею, 30|17 іюля.

[4]) «Переписка», № 110. Сэръ Э, Грей сэру Дж. Бьюкэнэну; 31|18 іюля; № 137. Сэръ Э. Грей сэру М. де Бунзену, 1 августа/19 іюля.

VI.

Сужденія Италіи о ситуаціи.

Мы уже сказали (глава вторая), какимъ образомъ Италія сдѣлалась членомъ тройственнаго союза и какъ, несмотря на кажущуюся непрочность этого союза и нѣсколько расходящіяся цѣли его членовъ, онъ все же просуществовалъ тридцать два года. Теперь намъ остается разсмотрѣть, какую политику приняла Италія въ критическомъ положеніи, создавшемся, благодаря предъявленію Австро-Венгріей Сербіи своей ноты, и оцѣнить значеніе этой политики. Ибо въ высшей степени знаменательно то, что Италія, хотя и является членомъ тройственнаго союза, дѣйствовала все время постоянно вмѣстѣ съ Англіей, стараясь также какъ и послѣдняя, предотвратить возникновеніе войны и когда это не удалось, убѣдить государства, ведущія войну или находящіяся на порогѣ войны, отложить всякія военныя дѣйствія, чтобы не тормазить дипломатическаго вмѣшательства. И столь же знаменательно то обстоятельство, что, когда началась великая война, Италія осталась нейтральной, несмотря на давленіе, оказанное на нее ея союзниками, и на искушающую приманку участія въ добычѣ, которое, какъ сообщаютъ, предлагаютъ ей даже теперь.[1]) Это суммарное изложеніе политики Италіи, но оно можетъ быть подтверждено оффиціальными документами. Уже 25/12 іюля итальянскій посолъ въ бесѣдѣ съ сэромъ Эдуардомъ Греемъ «не дѣлаетъ секрета изъ того факта, что Италія желаетъ, чтобы война была избѣгнута»[2]), и онъ отъ всей души одобряетъ мысль о посредничествѣ четырехъ державъ. Черезъ два дня Италія снова одобряетъ предложеніе о томъ, чтобы немедленно состоялась въ Лондонѣ конференція представителей четырехъ державъ. Итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ обѣщаетъ горячо рекомендовать германскому правительству предложеніе просить Россію, Австро-Венгрію и Сербію воздержаться отъ военныхъ дѣйствій, пока не выяснятся результаты конференціи; онъ идетъ даже дальше, берясь освѣ-

---

[1]) «Times», 3 сентября, стр. 7.

[2]) «Переписка», № 29. Сэръ Грей сэру Р. Родду, 25/12 іюля.

домиться у Германіи, какой образъ дѣйствія будетъ, по ея мнѣнію, имѣть наибольшіе шансы на успѣхъ въ Вѣнѣ [1]). Онъ очень сомнѣвается въ томъ, чтобы Германія согласилась попросить Австрію временно воздержаться отъ военныхъ дѣйствій, но онъ подаетъ другую идею, что «Сербію можно будетъ побудить принять ноту цѣликомъ по совѣту четырехъ державъ, приглашенныхъ на конференцію, и это дастъ ей возможность сказать, что она уступила Европѣ, а не одной лишь Австро-Венгріи» [2]).

На слѣдующій день маркизъ ди Санъ-Джуліано обращаетъ вниманіе на одинъ пунктъ въ отвѣтѣ Сербіи, который могъ бы стать исходнымъ пунктомъ для посредничества [3]). 29/16 іюля онъ старался устранить возраженіе Германіи противъ идеи «конференціи», предложивъ идею обмѣна мнѣній. На слѣдующій день онъ къ этому прибавляетъ практическое указаніе, что Германія могла бы предложить Австріи точно установить тѣ требованія, которыя она желаетъ предъявить Сербіи, и дать гарантіи въ томъ,что она не лишаетъ ее независимости и не аннектируетъ какой нибудь части ея территоріи... Мы могли бы съ другой стороны освѣдомиться у Россіи, что она готова была бы принять, и коль скоро мы знали бы точки зрѣнія обѣихъ этихъ странъ, немедленно могло бы быть начато обсужденіе» [5]).

Еще больше: итальянскій посолъ въ Вѣнѣ, желая успокоить Россію, сдѣлалъ полезное предложеніе, чтобы Австрія «превратила въ связывающее ее передъ Европой обязательство ту декларацію, которую она сдѣлала въ Петроградѣ, а именно, что она не желаетъ ни уничтожать независимость Сербіи, ни аннектировать какую-нибудь часть Сербской территоріи» [6]).

Всѣ усилія сохранить миръ оказались тщетны. Германія предъявила свои ультиматумы Франціи и Россіи. Тогда воз-

---

[1]) «Переписка», № 49. Сэръ Э. Грей сэру Р. Родду, 27/14 іюля.

[2]) «Переписка», № 57. Сэръ Р. Роддъ сэру Э. Грею, 27/14 іюля. Ср. № 78, Сэръ Дж. Бьюкэнэнъ сэру Э. Грдю, 29/16 іюля.

[3]) «Переписка», № 64. Сэръ Р. Роддъ сэру Э. Грею, 28/15 іюля.

[4]) «Переписка», № 80. Сэръ Р. Роддъ сэру Э. Грею, 29/16 іюля. Ср. № 92. Сэръ Э. Грей сэру Р. Родду, 29/16 іюля.

[5]) «Переписка», № 106. Сэръ Р. Роддъ сэру Э. Грею, 30/17 іюля

[6]) «Переписка», «№ 79, Сэръ М. де Бунзенъ сэру Э. Грей, 29/16 іюля.

никъ вопросъ, что должна дѣлать Италія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ:

«Война начата Австріей, и могущія произойти послѣдствія имѣютъ по словамъ самого Германскаго Посла агрессивный характеръ. Какъ первое, такъ и второе находится, такимъ образомъ, въ противорѣчіи съ чисто оборонительнымъ характеромъ тройственнаго союза; при такихъ обстоятельствахъ Италія будетъ соблюдать нейтралитетъ» [1]).

«Германская бѣлая книга» утверждаетъ, что «Россія начала войну» и что «Франція начала военныя дѣйствія». Если бы эти утвержденія были вѣрны, то Италія была бы обязана, оставаясь вѣрной своимъ союзнымъ обязательствамъ, сражаться плечо о плечо со своими товарищами по тройственному союзу. Пусть теперь безпристрастный читатель самъ сдѣлаетъ выводъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Австро-венгерская нота Сербіи и сербскій отвѣтъ.

23/10 іюля австро-венгерское правительство предъявило Сербіи ультиматумъ съ требованіемъ безусловно утвердительнаго отвѣта въ теченіе 48 часовъ, ультиматумъ, который «Temps» характеризовалъ на слѣдующій день, какъ «неслыханный, небывалый по своему вызывающему тону и необычайности его требованій». Объ этомъ ультиматумѣ Сэръ Эдуардъ Грей сказалъ:

«Я никогда еще не видѣлъ, чтобы одно государство обращалось къ другому независимому государству съ документомъ столь ужаснаго характера. Требованіе № 5 едва ли совмѣстимо съ сохраненіемъ суверенной независимости Сербіи, если оно имѣетъ тотъ смыслъ, какой, какъ кажется, оно можетъ имѣть, а именно, что Австро-Венгрія должна быть надѣлена правомъ назначать должностныхъ лицъ, которыя должны быть облечены властью въ предѣлахъ Сербіи» [2]).

Можетъ быть, что австро-венгерское правительство, какъ

---

[1]) «Переписка», № 152. Сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, 3 августа/21 іюля.

[2]) «Переписка», № 4. Сэръ Э. Грей сэру М. де Бунзену, 24/11 іюля.

объяснилъ австрійскій посолъ [1]), было намѣрено разсматривать этотъ сдѣланный ею шагъ не какъ ультиматумъ, а какъ выступленіе съ назначеннымъ опредѣленнымъ срокомъ.

Въ этомъ необычайномъ документѣ [2]) австро-венгерское правительство требовало:

А. Королевское сербское правительство должно опубликовать на первой страницѣ «Оффиціальной газеты» и въ «Оффиціальномъ военномъ органѣ» и сообщить войскамъ, какъ приказъ по арміи, декларацію:

1) осуждающую пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи;

2) выражающую сожалѣніе о томъ, что сербскіе офицеры и чиновники участвовали въ вышеупомянутой пропагандѣ;

3) обѣщающую принимать самыя строгія мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ такихъ дѣйствіяхъ;

В. Сербское правительство, кромѣ того, обязуется:

1) не допускать никакихъ публикацій, возбуждающихъ ненависть и презрѣніе къ Австро-Венгріи;

2) закрыть общество, называемое «Народна одбрана», и другія подобныя общества и конфисковать ихъ средства пропаганды;

3) исключить изъ программы учебныхъ заведеній въ Сербіи какъ въ отношеніи личнаго состава преподавателей, такъ и въ отношеніи способовъ преподаванія все то, что возбуждаетъ или можетъ возбуждать противъ Австро-Венгріи;

4) удалить съ военной и административной службы всѣхъ офицеровъ и должностныхъ лицъ, виновныхъ въ пропагандѣ противъ Австро-Венгріи, имена и вину которыхъ австро-венгерское правительство оставляетъ за собою право сообщить сербскому правительству;

5) допустить сотрудничество австро-венгерскихъ органовъ въ дѣлѣ подавленія революціоннаго анти-австрійскаго движенія;

6) произвести судебное разслѣдованіе противъ участниковъ сараевскаго заговора съ сотрудничествомъ лицъ, командированныхъ австро-венгерскимъ правительствомъ;

7) срочно арестовать маіора Воя Танкосича и Ми-

---

[1]) «Переписка», № 14. Сэръ Э. Грей сэру Ф. Берти, 25/12 іюля.

[2]) «Переписка», № 4. Сообщено графомъ Менсдорфомъ, 24/11 іюля.

лана Цыгановича, чиновника сербской государственной службы, скомпрометированныхъ результатами сараевскаго разслѣдованія;

8) воспрепятствовать оказанію содѣйствія сербскими властями въ незаконной торговлѣ оружіемъ и взрывчатыми веществами и уволить и подвергнуть наказанію чиновниковъ должностныхъ лицъ, оказавшихъ содѣйствіе руководителямъ сараевскаго заговора;

9) дать объясненіе по поводу не могущихъ быть оправданными заявленій высшихъ сербскихъ чиновъ, послѣ сараевскаго покушенія, какъ въ Сербіи, такъ и за границей;

25/12 іюля былъ врученъ австро-венгерскому правительству сербскій отвѣтъ [1]). Даже на читателя съ австрійскими симпатіями отвѣтъ производитъ впечатлѣніе, что онъ очень далеко идетъ навстрѣчу австрійскимъ требованіямъ. Сербское правительство соглашается:

А. опубликовать, какъ этого требовала Австрія, декларацію.

1) въ которой будетъ осуждена всякая пропаганда, направленная противъ Австро-Венгріи;

2) будетъ выражено сожалѣніе о томъ, что, согласно сообщенію императорскаго и королевскаго правительства, сербскіе офицеры и должностныя лица участвовали въ пропагандѣ противъ Австро-Венгріи;

3) обѣщаетъ примѣнять самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ такихъ дѣйствіяхъ.

В. Сербское правительство обязуется:

1) внести въ законъ о печати постановленіе, по которому возбужденіе ненависти и презрѣнія къ Австро-Венгріи подвергается самымъ суровымъ карамъ и внести въ конституцію измѣненія, предоставляющія возможность конфискаціи произведеній печати, возбуждающихъ подобныя чувства;

2) закрыть общество «Народна одбрана» и тому подобныя общества;

3) безотлагательно устранить изъ народнаго образованія Сербіи все, что служитъ или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгріи, какъ только австро-

---

[1]) «Переписка», № 39. Сообщено сербскимъ посланникомъ, 28/15 іюля.

венгерское правительство сообщитъ ему факты и доказательства существованія этой пропаганды;

4) удалить съ сербской службы лицъ, виновность коихъ въ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ территоріальной неприкосновенности австро-венгерской монархіи, будетъ доказана;

5) хотя оно не даетъ себѣ яснаго отчета въ смыслѣ и значенія просьбы, чтобы Сербія допустила сотрудничество органовъ австро-венгерскаго правительства, сербское правительство все же согласно допустить сотрудничество австро-венгерскихъ должностныхъ лицъ, поскольку это совмѣстимо съ нормами международнаго права, уголовнаго судопроизводства и добрососѣдскими отношеніями между обоими государствами;

6) произвести разслѣдованіе относительно дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя могли бы быть замѣшаны въ сараевскомъ заговорѣ; но сербское правительство не можетъ согласиться на участіе въ этомъ разслѣдованіи австро-венгерскихъ должностныхъ лицъ, такъ какъ это было бы нарушеніемъ конституціи и уголовнаго судопроизводства;

7) относительно этого требованія Австро-Венгріи сербское правительство замѣчаетъ, что маіоръ Танкосичъ былъ арестованъ, какъ только была вручена нота; Цыгановичъ же, который является подданнымъ австро-венгерской монархіи, но состоялъ кандидатомъ на должность въ Управленіи желѣзныхъ дорогъ, не могъ еще быть арестованъ;

8) сербское правительство усилитъ и расширитъ мѣры, принятыя въ цѣляхъ воспрепятствованія незаконнаго торга оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу;

9) оно дастъ объясненіе по поводу заявленій сербскихъ должностныхъ лицъ, какъ только австро-венгерское правительство сообщитъ ему инкриминируемыя выдержки изъ этихъ заявленій, и докажетъ, что эти заявленія были дѣйствительно сдѣланы данными должностными лицами.

Австро-венгерское правительство признало этотъ отвѣтъ неудовлетворительнымъ; оно въ тотъ же вечеръ отозвало изъ Бѣлграда своего посланника и объявило 28/15 іюля войну Сербіи. Въ то же самое время оно опубликовало длинное офиціальное изложеніе [1]) основаній, по которымъ сербскій

---

[1]) «Германская бѣлая книга», стр. 24 и сл.

отвѣтъ былъ признанъ несоотвѣтственнымъ; въ этомъ документѣ подвергаются критикѣ и признаются неудовлетворительными каждый отдѣльный пунктъ отвѣта, за исключеніемъ пункта 8. Не стоитъ анализировать весь этотъ документъ; одного примѣра будетъ достаточно для его оцѣнки. Сэръ Эдуардъ Грей замѣтилъ по поводу 5-го пункта требованій Австріи [1]), что оно «едва ли совмѣстимо съ сохраненіемъ суверенной независимости Сербіи, если оно имѣетъ тотъ смыслъ, какой, какъ кажется, оно можетъ имѣть, а именно, что Австрія должна была надѣлена правомъ назначать должностныхъ лицъ, которыя должны быть облечены властью въ предѣлахъ Сербіи». Онъ, очевидно, сомнѣвался относительно смысла и значенія этого требованія, и слѣдующее за тѣмъ требованіе было также неопредѣленно. Сербскій отвѣтъ на эти два требованія былъ по необходимости остороженъ, тѣмъ не менѣе австро-венгерское правительство признало его намѣреннымъ кривотолкованіемъ:

«Какъ международное право, такъ и уголовное, не имѣютъ никакого отношенія къ данному вопросу; дѣло идетъ лишь о характерѣ политической полиціи и этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ путемъ особаго соглашенія. Непонятно, поэтому, сдержанное отношеніе Сербіи къ этому требованію и, принимая во вниманіе общую, неопредѣленную форму отвѣта, оно привело бы къ непреодолимымъ затрудненіямъ...

«Если сербское правительство здѣсь насъ понимаетъ ложно, то оно это дѣлаетъ намѣренно, ибо оно должно быть знакомо съ различіемъ между «enquête judiciaire» и простыми полицейскими розысками. Такъ какъ оно желаетъ избѣжать всякаго контроля разслѣдованія, которое при правильности его веденія дало бы чрезвычайно нежелательные для него результаты, и такъ какъ оно не можетъ въ какой-нибудь пріемлемой формѣ отказать намъ въ допущеніи сотрудничества нашихъ должностныхъ лицъ (прецедентовъ для такого полицейскаго вмѣшательства существуетъ очень много), то оно старается оправдать свой отказъ, выставляя наши просьбы, какъ невозможныя» [2]).

Было бы болѣе справедливо по отношенію къ Сербіи при-

---

[1]) «Переписка», № 5. Сэръ Э. Грей сэру М. де Бунзену. 24/11 іюля.

[2]) «Германская бѣлая книга», стр. 29 и сл.

нять, что она дѣйствительно не поняла смысла требованія и что объясненіе, данное здѣсь Австріей, могло бы сдѣлать этотъ пунктъ пріемлемымъ для Сербіи, какъ на это указалъ итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ [1]). Упорный отказъ Австро-Венгріи допустить какое-нибудь обсужденіе на почвѣ сербскаго отвѣта оправдываетъ впечатлѣніе сэра Мориса де-Бунзена, «что австро-венгерская нота была составлена такъ, чтобы сдѣлать войну неизбѣжной, что австро-венгерское правительство окончательно рѣшилось воевать съ Сербіей; что оно считаетъ, что положенію Австро-Венгріи, какъ Великой Державы, грозитъ опасность, и пока Сербія не будетъ подвергнута наказанію, невѣроятно, чтобы оно внимало предложеніямъ о посредничествѣ» [2]).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Новая германская теорія государства.

Война, которую Англія теперь ведетъ съ Германіей, есть главнымъ образомъ война между двумя различными принципами—принципомъ raison d'état и принципомъ права. Антагонизмъ между этими двумя принципами восходитъ въ нашей собственной внутренней исторіи до семнадцатаго вѣка, когда Стюарты отстаивали теорію государственной необходимости и практику прерогативы, могущей дѣйствовать помимо закона и въ нарушеніе его, дабы удовлетворить требованія государственной необходимости, а парламентъ защищалъ принципъ права и стремился подчинить корону закону. Тотъ-же самый антагонизмъ проявляется теперь во внѣшней политикѣ, въ борьбѣ между двумя государствами, одно изъ которыхъ требуетъ для себя прерогативы дѣйствовать помимо европейскаго международнаго права и въ нарушеніе его, дабы обезпечить «безопасность» своего собственнаго государства, между тѣмъ, какъ другое защищаетъ соблюденіе международнаго права. Одно государство разсматриваетъ международныя соглашенія, за ненарушимость котораго оно само поручилось своимъ словомъ, какъ «лоскутокъ бумаги», если они стоятъ на пути за-

[1]) «Переписка», № 64. Сэръ М. де Бунзенъ сэру Э. Грею, 27/14 іюля.

[2]) «Переписка», № 41. Сэръ М. де Бунзенъ сэру Э. Грею, 27/14 іюля.

lus populi, а другое разсматриваетъ наблюденіе за исполненіемъ подобныхъ договоровъ, какъ важное и неизбѣжное обязательство.

Современные германцы, являющіеся выученниками Трейчке, котораго они разсматриваютъ, какъ своего великаго національнаго историка и «чтенія о Политикѣ» котораго сдѣлались для нихъ евангеліемъ, признаютъ конечной цѣлью и конечнымъ мѣриломъ своихъ дѣйствій то, что они разсматриваютъ, какъ національное германское государство[1]). «Государство», говоритъ Трейчке, «представляетъ собою наивысшую внѣшнюю организацію людей; выше этой организаціи нѣтъ во всемірной исторіи». Нѣтъ здѣсь мѣста для мирнаго сожительства народовъ, для societas totius humani generis, для международнаго права въ какомъ нибудь подлинномъ смыслѣ этого понятія. Дѣйствительнымъ существованіемъ обладаетъ лишь замкнутое государство—«Der geschlossene Staat»—и въ другомъ смыслѣ, чѣмъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ употреблялъ это выраженіе Фихте. Это государство строго національно: оно исключаетъ изъ своего языка иностранныя слова, и оно охотно исключило бы у себя дома всѣ иностранные товары для того, чтобы создать дѣйствительно «національное» хозяйство, какъ его проповѣдовалъ Листъ. По ученію Трейчке, это замкнутое государство есть далѣе, «какъ это первый ясно понялъ Маккіавелли», главнымъ образомъ мощь: «Der Staat ist Macht». Оно можетъ быть опредѣлено, какъ «общественная мощь защиты и нападенія». Какъ высшимъ долгомъ отдѣльнаго человѣка является самоусовершенствованіе, такъ высшимъ долгомъ государства является самосохраненіе, а самосохраненіе означаетъ силу. «Заботиться о своей мощи есть высшій нравственный долгъ государства». «Изъ всѣхъ политическихъ недостатковъ, недостатокъ выражающійся въ слабости, есть наиболѣе ужасный и отвратительный; этотъ недостатокъ—грѣхъ противъ святого духа политики». Это возрѣніе можетъ показаться лишь преклоненіемъ передъ голой силой, и оно дѣйствительно есть не что иное,

[1]) Единство германскаго государства представляетъ собою въ немалой мѣрѣ искусственное опрусаченіе. Трейчке былъ великимъ адвокатомъ этого опрусаченія, хотя самъ онъ былъ родомъ саксонецъ, а по отдаленнымъ своимъ предкамъ — славянскаго происхожденія.

какъ преклоненіе передъ силой; но мы невѣрно изложили бы Трейчке, если бы мы не прибавили, что сила не понимается имъ, какъ голая сила. Сила государства драгоцѣнна и представляетъ собою высшее мѣрилю, потому что государство есть носитель культуры: вооруженный мечъ германскаго государства цѣненъ, потому что это государство есть *разносчикъ* германской культуры. И Трейчке, поэтому, считаетъ, что Маккіавелли, великій апостолъ государственной мощи, былъ неправъ лишь постольку, поскольку онъ не видѣлъ, что сила должна оправдывать себя опредѣленнымъ содержаніемъ, т. е. тѣмъ, чѣмъ она является орудіемъ распространенія высочайшей нравственной культуры. Германскіе націоналисты, естественно, полагаютъ, что таковой культурой является германская.

Два вывода вытекаютъ изъ этой философіи, одинъ— отрицательный, и другой—положительный. Отрицательнымъ выводомъ является отметаніе всякой мысли о безусловномъ характерѣ международныхъ обязательствъ; другимъ выводомъ является возвеличеніе войны.

«Salus populi suprema lex», и передъ этимъ закономъ должно преклониться все такъ наз. международное «право». Абсолютная суверенность государства необходима для ея абсолютной мощи, и эта абсолютная суверенность не можетъ быть связана *никакимъ* обязательствомъ, не можетъ быть связана даже тѣмъ обязательствомъ, которое оно само дало. По мнѣнію Трейчке, всякій дговоръ, всякое данное государствомъ обѣщаніе, должны быть понимаемы, какъ ограниченные оговоркой sic stantibus rebus. «Государство не можетъ связать свою волю въ будущемъ по отношенію къ другимъ государствамъ». Международные договоры суть не абсолютное ограниченіе государства, а добровольное его самоограниченіе, самоограниченіе лишь до тѣхъ поръ, пока государство будетъ находить его удобнымъ для себя. Для государства нѣтъ стоящаго выше его судьи, и всякое данное имъ «законное» обязательство подлежитъ въ конечномъ счетѣ его собственному рѣшенію—другими словами, его собственному отверженію [1]). Въ утвержденіи, что цѣль оправдываетъ средства (другими словами, что сохраненіе германской имперіи въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ

---

[1]) Это намъ наноминаетъ знаменитое изреченіе въ «Государствѣ» Маккіавелли: «Dove non è gnidizio da richiamare si guarda al fine».

теперь, оправдываетъ нарушеніе международнаго обязательства) «есть нѣкоторая истина». «Смѣшно совѣтовать государству, соперничающему съ другими государствами, чтобы онъ началъ свой бѣгъ съ катехизисомъ въ рукахъ». Всѣ эти мысли учителя приняты и разработаны вѣрнымъ ученикомъ Трейчке Бернгарди, берлинскія чтенія котораго посѣщались въ послѣдней четверти девятнадцатаго вѣка какъ студентами, такъ и военными и чиновниками. Нѣтъ, такъ полагаетъ Бернгарди, общаго для всѣхъ народовъ закона. «Каждый народъ вырабатываетъ свое понятіе о правѣ, и никто не можетъ сказать, что у одного народа лучшее понятіе о правѣ, чѣмъ у другого народа». «Ни одинъ уважающій себя народъ не согласится пожертвовать своимъ понятіемъ о правѣ» для какого угодно общаго для всѣхъ народовъ закона: «поступивъ такъ, онъ отказался бы отъ своихъ высшихъ идеаловъ». Пылкій націонализмъ, желающій исключить иностранныя слова и иностранные товары, отвергаетъ также и понятіе общаго для всѣхъ народовъ закона, какъ нѣчто «чужестранное». Бернгарди тоже играетъ оговоркой sic stantibus rebus и любопытно, что онъ это дѣлаетъ какъ разъ по отношенію къ Бельгіи. Въ Бельгіи измѣнилось положеніе вещей, и ручательство Германіи не можетъ теперь ее связывать. «Когда Бельгія была провозглашена нейтральнымъ государствомъ, никто не ожидалъ, что она изъявитъ въ будущемъ притязаніе на обширную и цѣнную область въ Африкѣ. Можно, поэтому, задаться вопросомъ, не есть ли пріобрѣтеніе такой территоріи ipso facto нарушеніе нейтралитета» [1]).

Но наиболѣе яркимъ выводомъ изъ ученія о всеобъемлющемъ и всеудовлетворяющемъ національномъ государствѣ является возвеличеніе войны,—всякой войны, наступательной, какъ и оборонительной. Въ указателѣ къ «Политикѣ» Трейчке

---

[1]) Бернгарди прибавляетъ: «Понятіе о германскомъ нейтралитетѣ совершенно противорѣчитъ природѣ государства, которое можетъ достигнуть своихъ высшихъ нравственныхъ цѣлей лишь въ соперничествѣ съ другими государствами». Выходитъ, что, нарушая нейтралитетъ Бельгіи, Германія помогаетъ этой странѣ достигнуть ея высшихъ нравственныхъ цѣлей. Взглядъ Бернгарди, что Бельгія уже не нейтральное государство, не былъ принятъ передъ войной ни германскимъ правительствомъ, ни фонъ-Бетманъ-Гольвегомъ въ его рѣчи въ рейхстагѣ о бельгійскомъ вопросѣ (см. выше, стр. 86).

Z. V. «Война», мы читаемъ слѣдующее оглавленіе: «ея святость»: «она должна разсматриваться, какъ учрежденіе, созданное самимъ Богомъ»; «она является наиболѣе могучимъ творцомъ націи»; она есть политика par excellence». Государство существуетъ, говоритъ Трейчке, для того, чтобы исполнить двѣ функціи,—оно законодательствуетъ и ведетъ войны. Изъ этихъ двухъ функцій война, повидимому, наиважнѣйшая, потому что она политика par excellence. Нельзя представить себѣ или желать, чтобы война исчезла: она является единственнымъ лекарствомъ для больного народа. Когда мы впадаемъ въ эгоистическій индивидуализмъ мирнаго времени, тогда приходитъ война, чтобы заставить насъ почувствовать, что мы являемся членами одного цѣлаго. «Въ томъ величіе войны, что ничтожная отдѣльная личность всецѣло исчезаетъ передъ лицомъ великой мысли о государствѣ». Одна лишь война заставляетъ насъ сознать соціальный организмъ, въ который мы входимъ; «именно политическій идеализмъ требуетъ войны»; «какой нравственной извращенностью было бы вычеркнуть изъ жизни человѣчества героизмъ (Heldentum)», говоритъ въ другомъ мѣстѣ Трейчке, какъ будто Heldentum не можетъ существовать въ мирное время. «Но милостивый Богъ уже позаботится о томъ, чтобы война всегда появлялась время отъ времени, какъ ужасное лекарство для человѣчества».

Идеализація государства, какъ силы, переходитъ, такимъ образомъ, въ идіализацію войны. Раньше мы видѣли, что государство должно быть «силой» для того, чтобы быть вообще способнымъ сохранить свое существованіе, теперь мы узнаемъ, что оно должно быть воинствующимъ государствомъ, чтобы предохранить себя отъ «хилости». Если оно не ведетъ войны, индивидуализмъ восторжествуетъ надъ соціальнымъ организмомъ, и изъ жизни людей исчезнетъ героизмъ. Бернгарди, поэтому, пишетъ: «Сохраненіе мира никогда не можетъ и не должно быть цѣлью политики». Война—«сильно дѣйствующее лекарство», учительница героизма и, какъ Бернгарди прибавляетъ послѣ Трейчке, неизбѣжный біологическій законъ, сила, распространяющая тончайшую культуру; война есть законъ жизни человѣчества. И эта война—наступательная, какъ и оборонительная, и даже главнымъ образомъ наступательная. Ибо численно ростущая нація должна сохранить всѣхъ своихъ новыхъ членовъ на своемъ лонѣ; она не должна допу-

скать, чтобы эмиграція унесла ихъ въ чужія страны. Она должна, поэтому, достать для себя колоніи, а такъ какъ міръ уже въ значительной степени расхватанъ, то она должна достать эти колоніи, отвоевавъ ихъ отъ другихъ государствъ[1]). Трейчке уже произнесъ лозунгъ «колоніи». «Морское могущество для пріобрѣтенія колоній». Трейчке уже указывалъ на Англію, какъ на цѣль нападенія Германіи, сталъ уже внушать Германіи ненависть къ Англіи. Англія закрывала для Германіи путь для превращенія изъ европейской въ міровую державу; Германія, чтобы сохранить въ цѣлости для германской культуры излишекъ ростущаго населенія, должна стать міровой державой или погибнуть. А помимо этого, Англія «хилое государство» нѣчто постыдное, лицемѣрное[2]).

Вся эта философія является пангерманизмомъ или варваризмомъ съ наклеенной поверхъ него моральной этикеткой. Она является варваризмомъ, потому что она возвращаетъ насъ къ тѣмъ добрымъ старымъ временамъ, когда голая сила была правомъ. Бернгарди, говоря о правѣ народа, число членовъ котораго увеличивается, на завоеваніе новой территоріи, говоритъ намъ, что въ такихъ случаяхъ «сила есть вмѣстѣ съ тѣмъ величайшее право, и споръ относительно того, на чьей сторонѣ право, рѣшается судомъ войны», дающей «біологически справедливое рѣшеніе». И онъ выражаетъ свое изумленіе по поводу тѣхъ, которые думаютъ, что «слабая нація имѣетъ такое же право на существованіе, какъ могучая и доблестная нація». Однимъ словомъ, сила есть право. Ученіе отличается грубой

---

[1]) Знаменательно, что Германія, предлагая Англіи въ концѣ іюля дать гарантію въ цѣлости французской территоріи, не хотѣла гарантировать цѣлость французскихъ колоній.

[2]) Мы здѣсь ничего не сказали (хотя объ этомъ можно сказать очень много) о искаженіи исторіи и этнологіи германскимъ націонализмомъ или пангерманизмомъ. Извѣстно, что пангерманисты разсматриваютъ Англію, какъ тевтонскую страну, которой суждено войти въ составъ Германіи. Въ послѣднія нѣсколько недѣль насъ упрекали въ томъ, что мы являемся народомъ, измѣнившимъ своей «тевтонской» крови. Лучше быть измѣнниками своему происхожденію, чѣмъ простому, ясному долгу; но мы должны сказать, что фактически имѣемъ много другихъ наслѣдственныхъ качествъ, кромѣ тевтонскихъ. Читатель, желающій ознакомиться съ цѣлями пангерманистовъ, можетъ прочесть съ пользой книгу Поль Вернье «La France en danger» (1913 г.).

варварской простотой; но что крайне возмущаетъ въ этой неогерманской формѣ варваризма, это наклеенная на нее этическая этикетка—разсужденія о томъ, что война есть продуктъ «политическаго идеализма» и выраженіе «соціальнаго организма»; разсужденія о томъ, что «ходъ историческаго развитія» дѣлаетъ недѣйствительными такія мнимыя «права», какъ нейтралитетъ Бельгіи; и больше всего возмущаютъ разсужденія о томъ, что сила есть «проводникъ высшей культуры». Трейчке, бывшій строгимъ протестантомъ, стремился примирить это ученіе съ христіанствомъ, но ученіе остается, несмотря на эти старанія, чисто языческимъ. Это—поклоненіе грубой силѣ, сопряженной съ Heldentum, и порочному коварству, переряженному въ политическую нравственность; это — смѣсь Ницше [1]) и Маккіевелли. Это — ученіе о всемогуществѣ сверхъ-націи, которая «для сохраненія своего государства», какъ говоритъ Маккіавелли, «будетъ дѣйствовать вопреки вѣрѣ, милосердію, человѣчности и религіи» и которая безжалостно и беззаботно пойдетъ быстрыми шагами къ войнѣ, какъ только наступитъ ея часъ». Когда она пойдетъ на войну, тогда отпадетъ покровъ культуры. «Бойтесь того», сказалъ однажды Момзенъ, «чтобы въ нашемъ государствѣ, которое было одновременно значительной силой и въ области вооруженій и въ области интеллектуальной, не исчезла интеллектуальность и не осталось одно лишь милитарное государство». Предостереженіе Момзена оправдалось въ августѣ 1914 г. По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Плодами «Heldentum» оказались дымящіяся развалины Лувена.

Намъ казалось нужнымъ охарактеризовать эту жизненную философію, потому что она является философіей не только Трейчке, но также и философіей солдата, философіей Бернгарди, и даже не только философіей послѣдняго, но также и философіей прусскаго правительства. Даже самъ имперскій канцлеръ пользовался этимъ ученіемъ (правда, въ нѣсколько смягченномъ видѣ), чтобы оправдать Германію въ томъ, что она «пробиваетъ себѣ путь» черезъ Бельгію. Не забудемъ лишь, чтобы не быть несправедливыми къ великому народу, что это

---

[1]) Чтобы быть справедливымъ къ Ницше, нужно сказать, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ возставалъ противъ прусской военной системы.

въ дѣйствительности не ученіе Германіи, а скорѣе ученіе Пруссіи (хотя Трейчке хочетъ увѣрить насъ, что Германія «есть лишь расширенная Пруссія»). И не забудемъ также смягчающихъ вину Пруссіи обстоятельствъ, не забудемъ, что ей приходилось страдать отъ двухъ вещей, отъ географическаго давленія, проистекавшаго изъ ея средне-европейскаго положенія, и отъ дурной традиціи безжалостныхъ завоеваній, начавшихся со времени Великаго Курфюрста и, въ особенности, со времени Фридриха Великаго. Географическое давленіе со всѣхъ сторонъ заставляло Пруссію чувствовать себя въ состояніи хроническаго удушенія, а человѣкъ, который чувствуетъ, что его душатъ, будетъ безжалостно бороться за глотокъ свободнаго воздуха. Чтобы получить возможность свободнѣе дышать, чтобы обезпечить себѣ границы, которыя облегчили бы невыносимое давленіе, Фридрихъ Великій могъ рѣшиться захватить Силезію въ мирное время, несмотря на то, что его отецъ гарантировалъ Прагматическую санкцію, могъ также предложить раздѣлъ Польши. Давленіе на границы государства привело, такимъ образомъ, къ безжалостнымъ завоеваніямъ безъ всякаго вниманія къ правамъ другихъ государствъ, и эта традиція глубоко вкоренилась. Для Англіи, являвшимся свободнымъ отъ давленія западно-европейскимъ островнымъ государствомъ, было легче мыслить иначе; для Россіи, обезпеченной восточно-европейскому государству, было возможно мыслить благородно (какъ это проявилъ ея нынѣ царствующій Монархъ) о международныхъ обязательствахъ. Не случайно то обстоятельство, что Англія и Россія соединились теперь для защиты общаго дѣла Европы, не случайность то, что оба эти государства защищаютъ дѣло маленькихъ націй,—одно на востокѣ, а другое на западѣ [1].

Но сколько бы извиненій мы ни могли привести въ пользу Пруссіи, бороться съ нею мы обязаны, и мы сражаемся съ

---

[1]) Германскіе профессора недавно упрекнули Англію за то, что она вступила въ союзъ съ «московскимъ варварствомъ». Такая ли уже варварская страна Россія, чей Царь созвалъ первую гаагскую конференцію? Не вели ли уже Англія и Россія вмѣстѣ мирную борьбу за общее великое дѣло мира, также какъ они теперь ведутъ вмѣстѣ вооруженную борьбу? «Германская бѣлая книга», желающая взвалить на Россію позоръ теперешней войны, забываетъ обо всемъ томъ, что произошло съ 1398 г.

нею за благороднѣйшее изъ дѣлъ, за которыя люди могутъ бороться. Это—дѣло международнаго права въ Европѣ, какъ вѣрнаго щита всѣхъ народовъ, маленькихъ и большихъ, но, въ особенности, маленькихъ. Ученію о всемогуществѣ государства, ученію, что всѣ средства, необходимыя или кажущіяся необходимыми для самосохраненія государства, должны быть оправданы, мы противоставляемъ ученіе о европейскомъ обществѣ или, по крайней мѣрѣ, о европейскомъ сожительствѣ народовъ, въ которое входятъ всѣ европейскія государства, противополагаемъ европейское международное право, обязывающее всѣ государства соблюдать заключенные ими договоры. Мы не желаемъ и не можемъ терпѣть взгляда, согласно которому народы въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу находятся «въ состояніи и позѣ гладіаторовъ», мы стоимъ за царство закона.

Наше дѣло, какъ этого можно ожидать отъ народа, который велъ и довелъ до конца всю внутреннюю борьбу въ рамкахъ законности, есть законное дѣло. Мы представляемъ собою народъ, въ чьей крови дѣло законности является жизненнымъ элементомъ. Въ нашей исторіи не новость борьба за это дѣло. Когда Англія и революціонная Франція начали между собою войну въ 1793 г., то Англія защищала дѣло законности. Мы сражались за европейское международное право, какъ его установилъ Вестфальскій миръ 1648 г. Мы не начали войну въ 1870 г., потому что ни Франція, ни Германія, не нарушили европейскаго международнаго права, ни та, ни другая не нарушили нейтралитета Бельгіи, но мы готовы были начать войну, если бы они это сдѣлали. Красивый рисунокъ въ «Punch»'ѣ отъ августа 1870 г. показываетъ намъ вооруженную Англію, ободряющую Бельгію, которая стоитъ наготовѣ съ копьемъ и щитомъ; подъ рисункомъ подписаны слова: «Полагайся на меня. Будемъ надѣяться, что они тебя не обезпокоятъ, дорогой другъ, но если они попробуютъ это сдѣлать...» Теперь они попробовали это сдѣлать; и Англія вынула изъ ноженъ свой мечъ. Какъ могла она поступить иначе при тѣхъ традиціяхъ законности, которыя у англо-саксонцевъ такъ глубоко въ крови,—традицій, такъ-же реальныхъ и такъ-же жизненныхъ въ англо-саксонской Америкѣ, какъ и въ англо-саксонской Англіи, традицій, которыя представляютъ собою основной базисъ всей общественной жизни англо-саксонцевъ во всемъ мірѣ!

Америка когда-то, въ давно забытыя времена, сражалась съ Англіей въ защиту законности и побила ее въ этой борьбѣ. Этотъ же базисъ законности—эта вѣрность законности, которая такъ глубоко вкоренена въ каждомъ современномъ массачузетцѣ, какъ она вкоренена въ каждомъ британцѣ—составляетъ ту связь симпатіи, которая соединяетъ эти двѣ страны въ великой борьбѣ народовъ.

Германцамъ наша защита международныхъ договоровъ можетъ казаться составной частью того нравственнаго лицемѣрія, которымъ мы въ ихъ глазахъ полны. Наши теперешнія дѣйствія, такъ чувствуютъ они, заключаются въ томъ, что мы набросились на Германію, нашего соискателя «міродержавства», съ ея опаснымъ флотомъ, въ то время, когда она занята борьбой на жизнь и на смерть съ Франціей и Россіей. Мы тоже, такъ чувствуютъ они, послѣдователи Маккіавелли, но чтобы скрыть наше коварство, мы набросили на наши дѣйствія то, что Маккіавелли называлъ «покровъ суевѣрія», претензію нравственности и законности. Несомнѣнно вѣрно, что мы боремся за свои собственные интересы. Но въ чемъ состоятъ наши интересы? Мы боремся за право, потому что право есть нашъ величайшій интересъ. Новая германская политическая теорія провозглашаетъ, что «нашъ интересъ есть наше право». Старая, очень старая англійская теорія заключается въ томъ, что «Право есть нашъ интересъ». Вѣрно, что мы все выиграемъ, защищая дѣло международнаго права. Должно ли это удерживать насъ отъ защиты нашего дѣла? Не теряемъ ли мы много драгоцѣнныхъ жизней при его защитѣ?

Вотъ—позиція Англіи. Англія борется за идею европейскаго международнаго права и за небольшія націи, которыя она защищаетъ. Англія борется за свое собственное существованіе, которое становится необезпеченнымъ, когда нарушается международное право и угрожаетъ опасность «медленно накопленнымъ пріобрѣтеніямъ вѣковъ».

(«Политика» Трейчке, представляющая собою курсъ лекцій, читанныя имъ въ Берлинѣ между 1875—1895 г.г., изданы въ 2 тт. въ 1899 г. Книга генерала Бернгарди «Deutschland und der nächste Krieg», издана въ 1911 г.).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о процессѣ превращенія нашего соглашенія съ Франціей, которое еще было такъ эластично въ 1912 и 1913 г.г., въ тотъ прочный союзъ, который теперь на сушѣ, какъ и на морѣ, мѣряется съ нѣмецкими силами. Англія не давала Франціи положительныхъ обязательствъ, пока не наступилъ послѣдній критическій моментъ. Могутъ сказать, что Англія дала ихъ слишкомъ поздно и что война никогда не началась бы, если бы Англія была менѣе упорно и законнически пацифистична. Но причина, почему Англія такъ долго откладывала свое рѣшеніе, ясна. Мы колебались связать свою судьбу съ судьбой Франціи, потому что Франція не оставалась бы нейтральной, когда Германія стала бы воевать съ Россіей. Мы пугались непредвидѣнныхъ затрудненій, которыя, повидимому, насъ ожидали, если бы связали себя съ державой, которая была такъ несвободна въ своихъ дѣйствіяхъ. Съ какой стати, спрашивали мы себя, мы будемъ сражаться за интересы Россіи на Балканахъ?

Мы были, можетъ быть, слишкомъ осторожны, опасаясь, что Франція будетъ придерживаться такой политики. Она не могла заранѣе опредѣлить границы, которой она не преступитъ въ своей защитѣ интересовъ Россіи. Но она знала, какъ мы это знаемъ теперь, что война съ Россіей означаетъ для германскихъ государственныхъ людей лишь предлогъ для новаго нападенія на Францію, которое, по ихъ намѣренію, должно быть болѣе страшнымъ, кѣмъ нападеніе 1870 г. Франція не могла бы устоять противъ Германіи безъ помощи Россіи. Какъ же она могла рѣшиться потерять русскую дружбу, объявивъ по приказанію Германіи, что она ничего не предприметъ для того, чтобы помочь Россіи?

Эта вѣрность Двойственному союзу поставила Францію въ предшествовавшія войнѣ нѣсколько дней передъ ужасной дилеммой. Россія, хотя она и хотѣла сдѣлать это, не могла помочь своей союзницѣ въ теченіе первыхъ недѣль войны, а для Франціи это были критическія недѣли, отъ которыхъ зависѣла ея судьба. Она настойчиво просила Англію поддержать ее.

Но еще 31/18 іюля англійскій кабинетъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ дать опредѣленныхъ обязательствъ. Этотъ отвѣтъ, правда, предвозвѣщался въ предшествовавшихъ сообщеніяхъ. Сэръ Эдуардъ Грей указывалъ въ нихъ вполнѣ ясно, что можно ожидать совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій лишь въ томъ случаѣ, если Франція подвергнется «невызванному ею нападенію», и даже въ такомъ случаѣ нельзя быть въ этомъ вполнѣ увѣреннымъ. Но Франція поставила все на ставку, полагаясь на правоту своего дѣла. Она сознавала, что ея миролюбивыя намѣренія ясны всему міру и что Англія, если она хоть нѣсколько уважаетъ себя, не можетъ отказать ей въ помощи. Франція отложила свою мобилизацію до 31/18 іюля, чтобы убѣдить великобританскій кабинетъ въ своей доброй волѣ, а французскій флотъ былъ оставленъ въ Средиземномъ морѣ, чтобы охранять тамъ интересы Англіи, не менѣе чѣмъ интересы Франціи. Мы можемъ себѣ представить, съ какимъ горькимъ разочарованіемъ получила Франція англійскій отвѣтъ 31/18 іюля.

Но мы были вѣрны своимъ обязательствамъ, какъ мы ихъ понимали. Если нашъ отвѣтъ Франціи былъ сдержанъ, то отвѣты, данные нами на германскія предложенія 29/16 іюля и 1 августа/19 іюля, показываютъ, что мы сражались тогда за Францію дипломатическимъ оружіемъ. 2 августа/20 іюля мы пошли еще дальше, обязуясь защищать французскіе берега и суда, если германскій флотъ войдетъ въ Англійскій проливъ или черезъ Сѣверное море. Въ оправданіе сдержанной позиціи Англіи съ 31/18 іюля до 4 августа/22 іюля, мы можемъ привести слова Асквита, сказанныя имъ 4 сентября/22 августа:

«Никто изъ не находившихся въ нашемъ положеніи не можетъ представить себѣ, съ какой интенсивностью, энергіей и упорствомъ мы трудились на пользу мира. Мы упорно отстаивали всякое средство, которое могла предложить дипломатія, оставляя часто почти висѣть на волоскѣ наиболѣе дорогія намъ дружбы и обязательства».

Эти усилія не достигли цѣли. Мы знаемъ теперь, что посредничество не могло имѣть ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Должны ли мы были знать это съ самаго начала? Легко быть умнымъ послѣ наступленія событій. Но въ Англіи мы имѣемъ кабинетское министерство и парламентское правленіе. Чтобы англійскій министръ получилъ возможность дѣйство-

вать въ вопросѣ, имѣющемъ національное значеніе, какъ бы этотъ министръ ни былъ убѣжденъ, что нужно дѣйствовать такъ, а не иначе, онъ долженъ раньше убѣдить въ этомъ своихъ коллегъ, и они должны чувствовать увѣренность, что имъ удастся убѣдить демократію, которая глубоко миролюбива, осторожна, тяжела на подъемъ. Ничего другое, кромѣ нападенія на Бельгію, не убѣдило бы средняго англичанина, что германская политика выродилась и превратилась въ разбой. Это доказательство было дано 4 августа/22 іюля и въ тотъ же день мы послали въ Берлинъ нашъ ультиматумъ.

Теперь въ этомъ убѣдилась вся Англія и мы сражаемся плечо о плечо съ французами за ихъ и наше собственное національное существованіе. За наше собственное національное существованіе, потому что существованіе Англіи зависитъ не только отъ ея морского могущества, но и отъ соблюденія европейскаго международнаго права. Милитаристическій духъ, который мы охарактеризовали выше (глава VI) презираетъ права народовъ, потому что онъ видитъ врага въ каждомъ государствѣ, равномъ ему по силѣ, потому что онъ видитъ въ процвѣтаніи сосѣда національное несчастіе, потому что онъ полагаетъ, что національное величіе можетъ быть достигнуто лишь посредствомъ загубленія или поглощенія другихъ народовъ. Тѣмъ, которые еще не подверглись явному нападенію и которые, можетъ быть, считаютъ себя въ безопасности, мы можемъ лишь предостерегающе сказать: Tua res agitur, paries cum proximus ardet».

Исхода борьбы Англія не боится. Самый несчастный исходъ не поколебалъ бы ея убѣжденія, что она идетъ по единственному пути, совмѣстимому съ честью и международнымъ правомъ. Милитаристическій анархизмъ будетъ уничтоженъ, если Англія, Франція и Россія въ состояніи его уничтожить. Для достиженія этой цѣли Англія и Франція готовы поставить на карту всѣ свои силы до послѣдняго солдата и послѣдняго судна. Но какую политическую систему, могутъ спросить, читатели, мы надѣемся установить, если мы успѣемъ въ этомъ великомъ крестовомъ походѣ.

То, чего не только Англія желаетъ, но въ чемъ она нуждается и настойчиво нуждается,—это, во-первыхъ, возстановленіе Бельгіи въ ея прежнемъ состояніи и вознагражденіе ея за всѣ тѣ ея потери, которыя могутъ быть вообще вознаграж-

дены. Это—неизбѣжное предварительное условіе всякаго соглашенія. Вторымъ существеннымъ условіемъ это—полученіе Франціей достаточной гарантіи въ томъ, что она никогда не подвергнется другому такому вторженію, какое намъ пришлось увидѣть въ августѣ 1914 г. Безъ процвѣтающей, обезпеченной и независимой Франціи, европейская цивилизація была бы непоправимо изуродована и стала бы чахлой. Третьимъ существеннымъ условіемъ, такимъ же существеннымъ условіемъ, какъ первыя два, является сохраненіе тѣхъ націй, которыя могутъ существовать лишь изъ милости, пока будетъ безнаказанно практиковаться «реальная политика».

Мелкимъ націямъ должно быть ясно, что Англія—ихъ другъ и не можетъ не быть ихъ другомъ. Три раза въ своей исторіи она объявила войну такъ назыв. континентальному деспоту, разсматривая «европейское равновѣсіе», какъ принципъ, для сохраненія котораго никакая жертва не является слишкомъ великой. Въ этихъ войнахъ она помогала небольшимъ государствамъ не столько изъ альтруизма, сколько потому, что ихъ интересы совпадали съ ея собственными. Она поддержала Голландію противъ испанскаго короля Филиппа II и противъ Людовика XIV; противъ Наполеона она поддержала не только Голландію, но также и Португалію и насколько это было въ ея силахъ, Швейцарію и Пьемонтъ.

Мы не утверждаемъ—было бы нелѣпо утверждать,—что отношеніе Англіи къ маленькимъ государствамъ всегда было безупречно. Голландія можетъ намъ напомнить о морскихъ столкновеніяхъ семнадцатаго вѣка и англійскихъ актахъ о навигаціи. Но Голландія должна также не забывать, что въ семнадцатомъ вѣкѣ Англія еще не была великой державой, что Голландія и Англія сражались тогда какъ соперницы и въ одинаковыхъ условіяхъ, что ихъ тогдашняя вражда другъ къ другу была сглажена послѣдующими союзами и что Англія сражалась тогда съ нею, слѣдуя политикѣ, отъ которой она впослѣдствіи и уже давно отказалась, признавъ ее вредной и не приводящей къ цѣли. По отношенію къ Даніи мы совершили большую несправедливость въ 1804 г.; нашу вину смягчаетъ лишь тотъ фактъ, (Данія теперь знаетъ этотъ фактъ, хотя она не знала его тогда), что Наполеонъ замыслилъ вмѣстѣ съ Россіей захватить датскій флотъ и воспользоваться имъ противъ Англіи. Данія имѣетъ большее право жаловаться на

то, что мы не оказали ей помощи въ 1864 г. Эта ошибка—ибо это была ошибка, проистекавшая изъ слабости, а не изъ сознательнаго предательства—привела за собою свою собственную немезиду. Мы еще теперь расплачиваемся за эту частную ошибку, и мы не склонны забывать этотъ урокъ. Случай со Шлезвигъ-Гольштиніей показываетъ, какъ потери такого государства, какъ Данія, могутъ ударить такое государство, какъ Англія.

Англія не можетъ допустить, чтобы ея болѣе слабыя сосѣди стали менѣе процвѣтающими или менѣе независимыми, чѣмъ теперь. Повсюду, куда досягаетъ длинная рука морского могущества, Англія обязана дать имъ всю ту помощь, которую она только можетъ. По мотивамъ самосохраненія, если не по другимъ, она не можетъ допустить ихъ подчиненія такимъ державамъ, какой стремится стать Германія. Она ведетъ войну не съ германскимъ народомъ, а съ той политической системой, которую защищаетъ теперешняя Германская имперія. Съ этой системой Англія обязана бороться, какая бы держава ея ни придерживалась.

Англійскія симпатіи и англійскія традиціи совпадаютъ здѣсь съ англійскими интересами. Англія преисполняется гордостью, когда она вспоминаетъ, какъ дружески она относилась въ девятнадцатомъ вѣкѣ къ боровшимся за свою независимость народамъ. Она помогала Греціи и Италіи, разсчитывая на то, что они могутъ когда нибудь оказать ей помощь. Благожелательство Англіи по отношенію къ Голландіи, Швейцаріи, Скандинавскимъ странамъ, основано въ значительной части на ихъ заслугахъ въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ. Они доказали, что могутъ служить высшимъ интересамъ человѣчества. Они способствовали развитію той общей цивилизаціи, которая соединяетъ другъ съ другомъ маленькія и большія государства болѣе священными и болѣе прочными узами, чѣмъ узы происхожденія, правленія государства и матеріальныхъ интересовъ. Въ этомъ братствѣ каждый народъ имѣетъ долгъ по отношенію къ другимъ. Если мы все говорили объ англійскихъ интересахъ, это все же не должно заставить думать читателя хотя на одинъ моментъ, что мы забыли о долгѣ Англіи. Но Англія находится теперь въ томъ счастливомъ положеніи, что ея долгъ и ея интересы одинаково побуждаютъ ее дѣйствовать въ одномъ и томъ же направленіи.

Германская Бѣлая Книга

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ

съ примѣчаніями, составленными на основаніи русскихъ, французскихъ и англійскихъ дипломатическихъ документовъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Издательство „Библіотека Великой Войны".
1915.

Типографія Петр. Т-ва Печ. и Изд. дѣла «Трудъ», Кавалергардская, 40.

Министерство Иностранныхъ дѣлъ.

Берлинъ, августъ, 1914 г.

28 іюня австро-венгерскій наслѣдникъ престола эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ и его супруга герцогиня Гогенбергъ были убиты членами сербскаго тайнаго общества. Разслѣдованіемъ этого преступленія австро-венгерскими властями установлено, что заговоръ противъ жизни наслѣднаго эрцгерцога былъ подготовленъ и выработанъ въ Бѣлградѣ сербскими должностными лицами и приведенъ въ исполненіе оружіемъ изъ сербскаго арсенала [1]). Это преступленіе не могло не открыть глаза всего цивилизованнаго міра не только на цѣли сербскихъ должностныхъ лицъ, направленныя противъ сохранности и цѣлости Австро-Венгерской монархіи, но еще и на преступныя средства, которыми пансербская пропаганда, не колеблясь, пользуется для достиженія этихъ цѣлей.

Это политическое движеніе въ Сербіи, было направлено къ постепенному возмущенію и окончательному отторженію отъ Австро-Венгерской монархіи ея юго-восточныхъ областей и ихъ присоединенію къ Сербіи [2]).

Сербія не измѣнила своей политики по отношенію къ Австро-Венгріи, несмотря на торжественныя обѣщанія, неоднократно ею данныя, въ которыхъ она гарантировала перемѣ-

---

[1]) Эти голословныя обвиненія лучше всего опровергаются сербской отвѣтной нотой (см. стр. 29).

[2]) Политическій характеръ здѣсь приписывается вполнѣ естественному культурному движенію, стремящемуся къ объединенію сербовъ внутри и внѣ королевства. Австрійское правительство до аннексіи Босніи и Герцеговины, при Обреновичахъ выдвигало проектъ политическаго объединеія областей съ сербскимъ населеніемъ, конечно, подъ верховенствомъ Австріи. Вѣроятно, германское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ смотритъ иначе на всенѣмецкое движеніе въ Австріи, политическій характеръ коего несомнѣненъ.

ну своей политики по отношенію къ Австро-Венгріи, а также поддержаніе дружескихъ добрососѣдскихъ отношеній [3]).

Подобнымъ образомъ дѣйствій Сербія въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ три раза ставила Европу передъ возможностью великой войны [4]).

Сербія такъ поступала только потому, что она знала, что Россія поддерживаетъ ея домогательства [5]).

Вскорѣ послѣ событій, вызванныхъ турецкой революціей 1908 г.,[6]) Россія проявила стремленіе создать союзъ балканскихъ государствъ подъ своимъ покровительствомъ, направленный противъ самаго существованія Турціи [7]) Этотъ союзъ, который лишилъ въ 1911 г. Турцію большей части ея европейскихъ владѣній, распался [8]) при дѣлежѣ добычи. Русская политика не остановилась при этой неудачѣ: по идеѣ русскихъ дипломатовъ новый союзъ балканскихъ государствъ подъ покровительствомъ Россіи долженъ былъ быть направленъ уже

---

[3]) См. сербскую отвѣтную ноту, стр. 28.

[4]) Всѣмъ памятны европейскіе кризисы, вызванные враждебностью Австро-Венгріи (и Германіи) къ сербамъ—аннексія Босніи въ 1908 г. и стремленіе лишить сербовъ плодовъ ихъ побѣдъ въ Балканскую войну дѣйствительно чуть не привели къ европейской войнѣ. Опасность была избѣгнута лишь вслѣдствіе безпримѣрной умѣренности Сербіи.

Весьма важны разоблаченія Джолитти въ итальянской палатѣ депутатовъ о документахъ, изъ коихъ явствуетъ, что Австрія намѣревалась начать войну съ Сербіей еще лѣтомъ 1913 г. А это доказываетъ, какъ высказался въ Палатѣ Общинъ сэръ Эдуардъ Грей, «что убійство эрцгерцога Франца-Фердинанда въ 1914 году отнюдь не было причиной, вызвавшей войну».

[5]) Россія, пролившая столько крови для освобожденія балканскихъ славянъ, связанная съ ними общностью происхожденія и религіи, не можетъ относиться къ ихъ судьбѣ съ безразличіемъ. Мирному разрѣшенію обоихъ кризисовъ не мало способствовало вліяніе Россіи.

[6]) Германофильство младотурокъ и постепенный ростъ вліянія Германіи въ Турціи, особенно проявившагося въ настоящую войну, заставляетъ искать виновниковъ этой революціи въ Германіи.

[7]) Россія много лѣтъ стремилась мирными средствами создать терпимыя условія жизни для христіанскаго населенія европейской Турціи, тогда какъ Австрія и Германія всемѣрно поддерживали правительство Абдулъ-Гамида въ его стараніяхъ обратить положенія берлинскаго трактата въ мертвую букву.

[8]) Распаденіе союза и 2-я Балканская война вызваны, какъ общеизвѣстно, австро-германскими интригами.

не противъ Турціи, вытѣсненной съ Балканъ, но и противъ существованія Австро-Венгріи. Планъ русскихъ дипломатовъ состоялъ въ томъ, что Сербія уступаетъ Болгаріи тѣ части Македоніи, которыя она пріобрѣла въ послѣднюю балканскую войну, взамѣнъ Босніи и Герцеговины, которыя должны быть отняты отъ Австріи. Чтобы заставить Болгарію согласиться съ этимъ планомъ, необходимо было изолировать Болгарію, расположить Румынію къ Россіи при помощи французской пропаганды и обѣщать Сербіи Боснію и Герцеговину [9]).

Подобныя обстоятельства ясно обнаружили передъ Австро-Венгріей, что несовмѣстимо съ достоинствомъ и чувствомъ самосохраненія монархіи дольше терпѣть и равнодушно смотрѣть на эту пропаганду по ту сторону границы [10]). Императорское и королевское правительство обратило вниманіе Германіи на это обстоятельство, прося при этомъ нашего мнѣнія. Отъ всей души мы согласились [11]) съ оцѣнкой создавшагося положенія нашей союзницы и обѣщали ей всяческое наше содѣйствіе, дабы положить конецъ революціонному движенію, направленному противъ сохранности и цѣлости Австро-Венгерской монархіи.

Мы ясно сознавали, что враждебная позиція Австро-Венгріи по отношенію къ Сербіи можетъ вызвать вмѣшательство Россіи, а это въ свою очередь можетъ вовлечь и насъ въ войну, въ виду нашихъ союзническихъ обязательствъ. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе, что въ данномъ случаѣ затро-

---

[9]) Для такихъ обвиненій надо имѣть документальныя данныя; если бы таковыя имѣлись, онѣ бы были приведены.

[10]) Такова «оборонительная» версія. Бар. Нольде (стр. 130—131) указываетъ на нѣкоторые признаки иной, наступательной версіи—на возрожденіе Габсбургскаго имперіализма. Австрійскій посолъ въ Лондонѣ указываетъ, что Австрія терпѣла сербскую агитацію до Балканской войны, теперь же Сербія увеличилась вдвое (Англ. Бѣл. кн., № 48); англ. посолъ въ Константинополѣ выноситъ впечатлѣніе, что Австрія думаетъ о занятіи Салоникъ, якобы страждущихъ подъ греческимъ управленіемъ (тамъ же, № 82). Маркизъ ди-Санъ-Джульяно видитъ причину конфликта именно въ стремленіи Австріи поднять свой престижъ на Балканахъ послѣ ударовъ, испытанныхъ за послѣдніе годы (тамъ же, № 38).

[11]) Многія данныя позволяютъ утверждать, что Германія не только поддерживала агрессивную политику Австріи, но и толкала ее на войну. См. ниже.

нуты жизненные интересы Австро-Венгріи, мы не нашли возможнымъ совѣтовать нашей союзницѣ принимать политику уступокъ не соотвѣтствующую ея достоинству и не могли также отказать ей въ своей помощи въ эти дни испытаній. Мы должны были занять подобную позицію и еще въ силу того, что продолжавшаяся сербская агитація угрожала и нашимъ собственнымъ интересамъ. Если бы Сербія, поддерживаемая Россіей и Франціей, продолжала угрожать существованію [12]) Австро-Венгріи, то это имѣло-бы послѣдствіемъ постепенное крушеніе Австріи, подчиненіе всѣхъ славянъ русскому скипетру,[13]) а это, въ свою очередь, поставило бы всѣхъ тевтоновъ въ центральной Европѣ въ критическое положеніе.

Австро-Венгрія, морально ослабленная натискомъ русскаго панславизма, потеряла бы для насъ значеніе союзницы, на которую мы могли бы расчитывать и которая намъ нужна, принимая во вниманіе все болѣе и болѣе угрожающее положеніе, занимаемое нашими восточнымъ и западнымъ сосѣдями. Мы поэтому предоставили Австро-Венгріи полную свободу дѣйствій по отношенію къ Сербіи, но не принимали участія въ ея приготовленіяхъ [14]).

Австрія избрала методъ предъявленія сербскому правительству ноты,[15]) въ которой она поставила въ тѣсную связь

[12]) Это утвержденіе непонятно: какимъ образомъ маленькая Сербія могла угрожать существованію австрійской монархіи?

[13]) Освобожденные Россіей славянскіе народы никогда не подчинялись русскому скиптру; такое подчиненіе никогда не входило въ планы русскихъ государственныхъ дѣятелей и совершенно противорѣчитъ стремленіямъ славянскихъ народовъ къ независимости.

[14]) Согласованность дѣйствій Германіи и Австро-Венгріи явствуетъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) инструкціи германскимъ посламъ о поддержкѣ Австріи даны 10/23 іюля, до врученія ультиматума Сербіи; 2) текстъ ультиматума былъ извѣстенъ Германіи заблаговременно, ср. заявленіе баварскаго министра французскому посланнику (Желтая Кн., № 21; частныя свѣдѣнія англійскаго посла въ Вѣнѣ, Бѣл. кн., № 95); 3) въ Германіи еще до того были разосланы секретныя увѣдомленія запаснымъ (Желт. Кн., № 15 отъ 8/21 іюля).

[15]) Этотъ ультиматумъ лучше всего характеризуется двумя заявленіями англ. и франц. дипломатовъ: «Я никогда не видѣлъ, чтобы одно государство направляло другому документъ столь грознаго характера» (Э. Грей, Б. Кн., № 5). «Едва ли какое-нибудь правительство согласится служить полицейскимъ для иностраннаго правительства» (Жел. Кн., № 14).

Сараевское убійство и пансербское движеніе, указавъ, что это преступленіе было совершено не только при попустительствѣ но и при активномъ участіи сербскаго правительства. Австрія въ этой нотѣ потребовала какъ полнаго прекращенія подобной агитаціи, такъ и наказанія виновниковъ этого преступленія. Одновременно Австро-Венгрія потребовала въ качествѣ гарантіи исполненія ея желанія, участія нѣкоторыхъ австрійскихъ должностныхъ лицъ въ предварительномъ слѣдствіи на сербской территоріи и закрытія пансербскихъ обществъ, агитирующихъ противъ Австро-Венгріи. Императорское и королевское правительство дало срокъ въ 48 часовъ [16]) для безусловнаго принятія его требованій.

На слѣдующій день по передачѣ австро-венгерской ноты Сербія начала мобилизацію своей арміи [17]).

Къ условному времени сербское правительство прислало отвѣтъ, который въ нѣкоторыхъ пунктахъ хотя и удовлетворялъ условіямъ Австро-Венгріи, но по существу своему этотъ отвѣтъ обнаружилъ стремленіе Сербіи путемъ отсрочекъ и переговоровъ отдѣлаться отъ справедливыхъ требованій монархіи [18]). Послѣдняя поэтому прервала свои дипломатическія сношенія съ Сербіей и отвергла всякіе переговоры и обѣщанія Сербіи, ибо Австро-Венгрія неоднократно на опытѣ убѣдилась, какова цѣна этимъ обѣщаніямъ [19]).

Съ этого момента Австро-Венгрія фактически была въ со-

---

[16]) Германское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ умалчиваетъ о попыткахъ Россіи, поддержанной Франціей и Англіей, побудить Австро-Венгрію продлить этотъ срокъ, попыткахъ, оставшихся безуспѣшными (Ор. Кн., № 4, Бѣл. Кн., № 18, Желт. Кн., № 39).

[17]) Германія приняла подобныя мѣры еще раньше: германскіе офицеры, находившіеся въ отпуску въ Швейцаріи, были вызваны на родину еще 10/23 іюля (Желт. Кн., № 60).

[18]) Сэръ Эд. Грей сказалъ по поводу сербской отвѣтной ноты, что она идетъ дальше, чѣмъ можно было ожидать (Бѣл. Кн., № 46), французское правительство видитъ въ ней уступку по всѣмъ пунктамъ, за исключеніемъ 2, гдѣ выставлены нѣкоторыя оговорки (Желт. Кн., № 69), наконецъ австрійскій посолъ въ Парижѣ, узнавъ содержаніе отвѣтной ноты, выразилъ изумленіе, что его бѣлградскій коллега ею не удовлетворился (Ор. Кн., № 27).

[19]) Тонъ вѣнской прессы, настроеніе военныхъ круговъ ясно показывали, что тамъ больше всего опасались, что Сербія приметъ австрійскую ноту цѣликомъ (Бѣл. Кн., № 20, Желт. Кн., № 27).

стоянiи войны съ Сербiей, а 28/16 iюля Австрiя официально объявила войну Сербiи.

Съ самаго начала [20]) конфликта мы стали на ту точку зрѣнiя, что этотъ конфликтъ касается только Австро-Венгрiи и Сербiи. Мы поэтому направили наши усилiя на то, чтобы локализовать [21]) войну и убѣдить прочiя державы въ томъ, что Австро-Венгрiя должна была взяться за оружiе, для законной самозащиты, будучи на то вынуждена обстоятельствами, мы энергично защищали эту точку зрѣнiя, что никакая цивилизованная страна не имѣетъ права препятствовать Австрiи въ ея борьбѣ съ варварствомъ и политической преступной моралью и защищать Сербiю отъ заслуженнаго ее наказанiя [22]). Такой характеръ носили инструкцiи, которыя мы давали нашимъ представителямъ, аккредитованнымъ при иностранныхъ дежавахъ.

Одновременно австро-венгерское правительство сообщило русскому правительству, что шаги, предпринятые противъ Сербiи, носятъ характеръ только оборонительной мѣры противъ сербской агитацiи, и что Австро-Венгрiя вынуждена требовать гарантiй въ дружескомъ отношенiи Сербiи къ монархiи.

---

[20]) Г. Сазоновъ еще 15 iюля высказалъ убѣжденiя, вытекшiя изъ частныхъ бесѣдъ съ германскимъ посломъ, что ключъ положенiя въ Берлинѣ и что Германiя благопрiятствуетъ непримиримости Австрiи (Ор. Кн., № 43).

[21]) Г. Сазоновъ такъ характеризуетъ политику Австрiи и Германiи: «Политика Австрiи всецѣло была извилиста и безнравственна, и она думала, что, чувствуя себя въ безопасности подъ защитой своей союзницы Германiи, она можетъ вызывающе обращаться съ Россiей. Политика Германiи была также двусмысленна... свое воздѣйствiе на Австрiйское правительство она все откладывала, пока не прошелъ моментъ, когда ея давленiе могло бы оказаться чувствительнымъ» (Бѣл. Кн., № 54).—Бар. Нольде (стр. 134) раскрываетъ понятiе «локализацiи конфликта» такъ: занявъ угрожающее положенiе, обезпечить успѣхъ австрiйскаго выступленiя и нанести политическiй ударъ Россiи. Въ основѣ лежали два ошибочныхъ предположенiя: 1) готовность Россiи уступить, когда она убѣдится въ серьезности положенiя и 2) отказъ Францiи и Англiи подъ влiянiемъ германскихъ угрозъ въ помощи Россiи.

[22]) «Подобное обвиненiе цѣлаго народа и государства въ уголовномъ преступленiи своей явной несостоятельностью вызвало по отношенiю къ Сербiи широкiя симпатiи европейскихъ общественныхъ круговъ» (Сообщенiе Мин-ва Иностранныхъ Дѣлъ отъ 20 iюля, Ор. Кн., № 77).

Австро-Венгрія не имѣетъ никакого намѣренія нарушать равновѣсіе силъ на Балканахъ [23]).

Въ отвѣтъ на нашу декларацію, что германское правительство хочетъ и ищетъ локализаціи конфликта, французское и англійское правительства обѣщали дѣйствовать въ томъ же направленіи [24]). Однако, эти стремленія не смогли предупредить вмѣшательства Россіи въ австро-сербскій конфликтъ.

Русское правительство опубликовало 24/11 іюня сообщеніе, въ которомъ, оно объявило, что оно не можетъ оставаться индифферентнымъ къ сербско-австрійскому конфликту. Вечеромъ 26/13 іюня министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Сазоновъ, сообщилъ объ этомъ германскому послу, графу Пурталесу. Германское правительство на это отвѣтило черезъ своего посла въ Петербургѣ, что Австро-Венгрія не ищетъ новыхъ завоеваній и хочетъ только мира на своихъ границахъ. Послѣ офиціальнаго заявленія Австро-Венгріи Россіи, что она не домогается территоріальныхъ пріобрѣтеній, судьба всеобщаго мира зависѣла исключительно отъ С.-Петербурга [25]).

Вечеромъ того же дня пришла въ Берлинъ первая вѣсть о русской мобилизаціи [26]).

---

[23]) Французское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ замѣчаетъ: «Австро-венгерское правительство не преминетъ воспользоваться (военными успѣхами), чтобы навязать Сербіи подъ растяжимымъ названіемъ гарантій условія, кои въ дѣйствительности, несмотря на всѣ увѣренія въ территоріальной незаинтересованности, измѣнять положеніе вещей въ восточной Европѣ и будутъ серьезно угрожать либо теперь же, либо въ ближайшемъ будущемъ всеобщему миру» (Желт. Кн., № 85).

[24]) Это утвержденіе расходится съ данными англ. и франц. дипломатическихъ документовъ: въ Парижѣ и Лондонѣ германское предложеніе встрѣтило рѣшительный отпоръ. Эд. Грей выдвинулъ идею о воздѣйствіи державъ въ Петроградѣ и Вѣнѣ (Бѣл. Кн., № 11). Бьенвеню-Мартенъ, указывая на умѣренность Россіи, предложилъ Германіи воздѣйствовать на Австрію, а затѣмъ предложилъ то же воздѣйствіе въ обѣихъ столицахъ 4 державъ (Желт. Кн., № 56).

[25]) Германское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ совершенно умалчиваетъ о требованіяхъ Россіи, поддерживаемой и другими державами, оградить суверенитетъ и достоинство Сербіи. Въ отвѣтъ на увѣренія германскаго посла о территоріальной незаинтересованности Австріи и проч., г. Сазоновъ указалъ, что и при сохраненіи всей своей территоріи Сербія можетъ быть обращена Австріей въ Бухару (17/30 іюля, Бѣл. Кн., № 97).

[26]) Документы (№№ 6, 7, 8), на которые опирается это утвержде-

Германскіе послы въ Лондонѣ, Парижѣ и С.-Петербургѣ получили инструкціи въ энергичной формѣ указать на опасность, которой угражаетъ русская мобилизація. Императорскому послу въ С.-Петербургѣ было поручено сдѣлать слѣдующую декларацію передъ русскимъ правительствомъ:

«Подготовительныя военныя мѣры Россіи вынудятъ насъ принять соотвѣтствующія мѣры, каковыя будутъ состоять въ мобилизаціи арміи.

Но мобилизація означаетъ войну.

Намъ извѣстны обязательства Франціи по отношенію къ Россіи; поэтому наша мобилизація будетъ направлена какъ противъ Россіи, такъ и противъ Франціи, Мы не можемъ предполагать, чтобы Россія желала вызвать подобную европейскую войну. Такъ какъ Австро-Венгрія не будетъ угрожать существованію Сербскаго королевства, мы полагаемъ, что Россія можетъ занять выжидательное положеніе. Мы тѣмъ болѣе можемъ поддержать желаніе Россіи оградить цѣлостность Сербіи, что Австро-Венгрія не намѣревается затрагивать эту цѣлостность. Въ послѣдующемъ развитіи этого вопроса будетъ легко найти базу для соглашенія».

27/14 іюля русскій военный министръ г. Сухомлиновъ, далъ германскому военному атташе честное слово, что не было издано никакого приказа о мобилизаціи, а что были сдѣланы одни только приготовленія, что ни одна лошадь и ни одинъ человѣкъ не призваны изъ запаса. Если Австро-Венгрія перейдетъ сербскую границу, будутъ мобилизованы военные округа, пограничные съ Австріей, т. е. Кіевскій, Одесскій, Московскій, Казанскій, но ни въ коемъ случаѣ округа, пограничные съ Германіей, т. е. С.-Петербургскій, Виленскій и Варшавскій. На вопросъ о мобилизаціи противъ Австріи русскій военный министръ пожалъ плечами и сослался на дипломатовъ. Военный атташе тогда указалъ, что мобилизаціонныя мѣры

ніе, крайне бездоказательны и содержатъ лишь свѣдѣнія, основанныя на слухахъ о частичной мобилизаціи южныхъ округовъ. Германскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ въ бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ указывалъ, что мобилизація южныхъ округовъ, какъ не направленная противъ Германіи, не повлечетъ съ ея стороны подобныхъ мѣръ (Бѣл. Кн., № 43). Французскій посолъ въ Берлинѣ говорилъ о разсылкѣ предварительныхъ увѣдомленій запаснымъ въ депешѣ отъ 8/21 іюля (Желт. Кн., № 15).

противъ Австріи имѣютъ крайне угрожающій характеръ для Германіи [27]).

Въ слѣдующіе дни приходили все новыя вѣсти о русской мобилизаціи; въ томъ числѣ и о приготовленіяхъ на русско-германской границѣ, напр., объявленіе военнаго положенія въ Ковнѣ, уходъ варшавскаго гарнизона и подкрѣпленія александровскаго гарнизона [28]).

27/14 іюля пришли первыя свѣдѣнія о приготовительныхъ мѣрахъ Франціи: 14-й корпусъ прервалъ маневры и возвратился по своимъ гарнизонамъ [29]).

Въ это же время мы предпринимали самые энергичные шаги для локализаціи конфликта.

26/13 іюля сэръ Эдуардъ Грей внесъ предложеніе передать споръ между Австріей и Сербіей конференціи пословъ Германіи, Франціи и Италіи подъ его предсѣдательствомъ. На это предложеніе мы отвѣтили, что, какъ ни симпатично намъ подобное предложеніе, мы все же не можемъ участвовать въ подобной конференціи: ибо мы не можемъ привлечь Австрію въ ея спорѣ съ Сербіей къ суду европейскаго трибунала [30]).

---

27) Германскій военный агентъ расходится въ своей оцѣнкѣ русскихъ предохранительныхъ мѣръ возлѣ австрійской границы со своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (см. предыд. прим.).

28) Едва-ли можно разсматривать введеніе военнаго положенія въ Ковнѣ мѣрой чисто военнаго характера, особенно направленной противъ Германіи. Что касается остальныхъ мѣръ, то свѣдѣнія о нихъ основываются на слухахъ или шпіонскихъ донесеніяхъ. Если онѣ и имѣли мѣсто, то едва-ли ихъ можно ставить на одну доску съ германскими мѣрами, указанными въ предыдущихъ примѣчаніяхъ (примѣч. 17, 26). Оффиціальныя свѣдѣнія (норвежскихъ властей) отъ 13/26 іюля говорятъ о внезапномъ приказѣ германскому флоту вернуться изъ норвежскихъ водъ въ Германію (Желт. Кн., № 58).

29) Въ Нѣмецкой Лотарингіи 4 класса запасныхъ еще 13/26 іюля получили предписаніе не отлучаться и состоять въ распоряженіи Комендатуры (Желт. Кн., № 59).

30) Этотъ взглядъ совершенно неправиленъ; сэръ Эд. Гошенъ указалъ: «мысль (о конференціи пословъ) не имѣетъ ничего общаго съ третейскимъ судомъ, но означаетъ, что представители незаинтересованныхъ непосредственно государствъ должны обсудить и предложить средства для предотвращенія опаснаго положенія» (Бѣл. Кн., № 43). Отношеніе къ этому предложенію Германіи было не одинаково: утромъ того же 14/27 іюля германскій посолъ въ Лондонѣ вы-

Францiя согласилась на предложенiе сэра Эдуарда Грея, но этотъ планъ потерпѣлъ крушенiе вслѣдствiе отказа Австрiи, какъ и слѣдовало ожидать [31]).

Вѣрные нашему принципу, что посредничество не должно распространяться на австро-сербскiй конфликтъ, который долженъ считаться дѣломъ, касающимся исключительно Австро-Венгрiи, а должно только заниматься отношенiями между Австро-Венгрiей и Россiей,—мы продолжали наши старанiя привести къ соглашенiю эти обѣ державы [32]).

Послѣ крушенiя идеи о конференцiи, мы высказали готовность передать въ Вѣну второе предложенiе сэра Эдуарда Грея, которое состояло въ томъ, что Австрiя либо признаетъ отвѣтъ Сербiи удовлетворительнымъ, либо она приметъ его, какъ базу для дальнѣйшихъ переговоровъ. Австро-венгерское правительство, относясь съ полнымъ одобренiемъ къ нашему образу дѣйствiя, отмѣтило, что это предложенiе пришло слишкомъ поздно, ибо военныя дѣйствiя уже начались [33]).

Несмотря на это, мы напрягали всѣ наши усилия для локализацiи конфликта и мы совѣтовали Вѣнѣ идти на уступки, совмѣстимыя съ достоинствомъ монархiи [34]).

разилъ согласiе на конференцiю 4 державъ, но въ тотъ же день Министръ Иностранныхъ Дѣлъ категорически въ этомъ отказалъ англiйскому послу (Бѣл. Кн., 43) и французскому (Желт. Кн., № 74).

31) «Документы указываютъ, что это утвержденiе совершенно ложно» (Бар. Нольде, стр. 145). Австрiйскiй отрицательный отвѣтъ пришелъ только 15/28 iюля, т. е. на другой день послѣ категорическаго отказа Германiи (Бѣл. Кн., № 61). Такимъ образомъ инициатива отказа исходила отъ Германiи, даже не дождавшейся отвѣта наиболѣе заинтересованной стороны, Австрiи.

32) Подобная задача неразрѣшима: напряженiе русско-австрiйскихъ отношенiй было вызвано именно австро-сербскимъ конфликтомъ. Не устраняя причины, нельзя было устранить и слѣдствiя. О якобы примирительной позицiи Германiи см. выше (прим. 20).

33) Когда Австрiя убѣдилась въ серьезности намѣренiй Россiи, она высказала готовность вести переговоры, гарантируя не только цѣлость сербской территорiи, но и уваженiе суверенитета Сербiи (Бѣл. Кн., №№ 135, 137); это говорилось 18/31 iюля, несмотря на нашу мобилизацiю.

34) Г. Сазоновъ высказался такъ въ бесѣдѣ съ англiйскимъ посломъ: «Германiя неудачно выбрала своихъ представителей въ Вѣнѣ и Петербургѣ: первый—отчаянный руссофобъ, который все время подстрекалъ Австрiю» (Бѣл. Кн., № 139). Въ томъ же духѣ отзывался о Чирскомъ и англiйскiй посолъ въ Вѣнѣ (Бѣл. Кн., № 95).

Къ несчастью, всѣ эти предложенія были сведены на нѣтъ военными приготовленіями Россіи и Франціи.

29/16 іюля русское правительство дѣлаетъ офиціальное сообщеніе въ Берлинѣ, что четыре военныхъ округа мобилизованы. Одновременно пришли извѣстія о быстрыхъ, все возрастающихъ приготовленіяхъ Франціи на сушѣ и на морѣ.

Въ этотъ же день императорскій посолъ въ С.-Петербургѣ имѣлъ бесѣду съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, въ связи съ чѣмъ онъ телеграфно сообщилъ слѣдующее:

«Министръ иностранныхъ дѣлъ пытался убѣдить меня склонить мое правительство участвовать въ четверной конференціи, съ цѣлью изыскать средства, побудить Австрію отказаться отъ требованій, задѣвающихъ суверенныя права Сербіи. Я могъ только обѣщать сообщить содержаніе нашей бесѣды и стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что послѣ того, какъ Россія рѣшилась на пагубный шагъ мобилизаціи, всякій обмѣнъ мнѣній теперь крайне затруднителенъ, если не совсѣмъ невозможенъ. Съ другой стороны, Россія требуетъ отъ насъ по отношенію къ Австро-Венгріи того, въ чемъ Австро-Венгрію обвиняли по отношенію къ Сербіи, т. е. нарушенія ея суверенитета [35]).

Австро-Венгрія обѣщала соблюсти интересы Россіи, отказываясь отъ всякихъ стремленій къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ,—большая уступка со стороны государства, вовлеченнаго въ войну,—она потому имѣетъ право ожидать, что ей предоставятъ самой рѣшить дѣло съ Сербіей. Мирная конференція будетъ имѣть время возвратиться къ вопросу о суверенитетѣ Сербіи [36]).

Я торжественно прибавилъ, что въ настоящій моментъ австро-сербское дѣло знаменуетъ опасность обще-европейскаго

---

[35]) Эта телеграмма гр. Пурталеса приведена не цѣликомъ. Мы находимъ опущенное начало бесѣды въ телеграммѣ г. Сазонова въ Ор. Книгѣ (№ 58): «Сегодня германскій посолъ сдѣлалъ мнѣ заявленіе о рѣшеніи своего правительства мобилизовать свои силы, если Россія не прекратитъ дѣлаемыхъ ею военныхъ приготовленій». Едва-ли можно сравнивать дружеское воздѣйствіе Германіи на Австрію съ чудовищными требованіями, предъявленными послѣдней къ Сербіи.

[36]) Германское правительство, пытаясь запугать насъ мобилизаціей, стремилось поставить Европу предъ «свершившимся фактомъ». Да и тутъ не давалось гарантій сербскаго суверенитета, а обѣщали лишь «вернуться къ вопросу» о немъ.

пожара и я старался отмѣтить министру размѣръ этой опасности.

Было невозможно разубѣдить г. Сазонова въ томъ, что Сербія не можетъ быть оставлена Россіей».

29/16 іюля германскій военный атташе въ С.-Петербургѣ сообщилъ слѣдующую бесѣду съ начальникомъ Главнаго Штаба Русской Арміи.

«Начальникъ Главнаго Штаба просилъ меня зайти къ нему и передалъ мнѣ, что только что возвратился отъ Его Величества. Ему было поручено военнымъ министромъ еще разъ повторить, что все обстоитъ такъ, какъ мнѣ сообщилъ военный министръ два дня тому назадъ. Онъ предлагаетъ письменно это подтвердить и даетъ мнѣ честное слово въ самой торжественной формѣ, что пока мобилизація не произведена, т. е. ни одна лошадь и ни одинъ человѣкъ не призваны въ настоящее время, т. е. до трехъ часовъ пополудни. Онъ не можетъ поручиться за будущее, но онъ подтверждаетъ, что въ округахъ, ближайшихъ къ нашимъ границамъ, мобилизація не желательна Его Величеству.

Такъ какъ я однако имѣлъ свѣдѣнія о призывѣ запасныхъ въ различныхъ пунктахъ страны, между прочимъ, въ Варшавѣ и Вильнѣ, я сказалъ генералу, что его утвержденія ставятъ меня передъ загадкой. Честнымъ словомъ офицера онъ завѣрилъ меня, что эти свѣдѣнія ложны, но что возможно, что тамъ и сямъ была сдѣлана ложная тревога.

Я долженъ смотрѣть на эту бесѣду, какъ на попытку ввести насъ въ заблужденіе относительно размѣровъ сдѣланнаго доселѣ и задержать мѣры, такъ какъ имѣются положительныя и обильныя свѣдѣнія о призывѣ запасныхъ» [37]).

Въ отвѣтъ на различные вопросы, касательно угрожающаго положенія, занятаго русскимъ правительствомъ, послѣднее неоднократно подчеркивало, что Австрія не вступала ни въ

---

[37]) 16/29 іюля была произведена мобилизація русскихъ южныхъ 4 военныхъ округовъ, ближайшихъ къ австрійской границѣ. Наши представители заграницей сообщили объ этомъ тогда же, мотивируя эту мѣру мобилизаціей Австріи и ея явнымъ нежеланіемъ мирно уладить ея споръ съ Сербіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось, что эта мѣра отнюдь не направлена противъ Германіи (Ор. Кн., № 58, Бѣл. Кн., № 76, Желт. Кн., № 95). Гр. Берхтольдъ не видѣлъ въ этихъ мѣрахъ основаній для разрыва переговоровъ (Бѣл. Кн., № 96).

какіе переговоры съ С.-Петербургомъ. Потому 29/16 іюля австро-венгерскій посолъ, по нашему внушенію, получилъ инструкцію войти въ переговоры съ Сазоновымъ. Графу Сапари было поручено объяснить Россіи ноту къ Сербіи, хотя это и запоздало вслѣдствіе начавшагося состоянія войны, принять военное предложеніе со стороны Россіи, а также обсудить вмѣстѣ съ Сазоновымъ всѣ вопросы, касающіеся австро-русскихъ отношеній [38]).

Плечо къ плечу мы неустанно работали [39]) сообща съ Ан-

---

[38]) Послѣ неудачи проекта о четверной конференціи оставался еще путь прямыхъ переговоровъ Россіи съ Австро-Венгріей. Онъ былъ предложенъ германскимъ посломъ въ Петроградѣ 13 іюля. Г. Сазоновъ желалъ, чтобы австро-венгерское правительство дало надлежащія полномочія своему послу (Ор. Кн., № 25); для этого искали поддержки въ Берлинѣ (тамъ же, № 26) и въ другихъ столицахъ. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ ф.-Яговъ отвѣчалъ нашему повѣренному въ дѣлахъ уклончиво, а на просьбу настоятельно посовѣтовать отъ себя Вѣнѣ идти въ этомъ примирительномъ направленіи, возразилъ, что не можетъ совѣтовать Австріи уступить (тамъ же, № 38). Въ результатѣ—отказъ Берхтольда (тамъ же, № 45). Утвержденіе, будто иниціатива переговоровъ исходила изъ Берлина—невѣрно, уже по хронологическимъ соображеніямъ: телеграмма канцлера (не опубликованная въ Герм. Б. Кн.) была послана только 16/29 іюля и не могла въ нѣсколько часовъ превратиться въ инструкцію гр. (см. Нольде, стр. 160).

[39]) Въ дѣйствительности Германія топталась на одномъ мѣстѣ. Предложеніе 17/30 іюля исходило отъ германскаго правительства и было только поддержано Англіей (Бѣл. Кн., №№ 98, 103). Оно же было сдѣлано германскимъ посломъ г. Сазонову и сводилось къ тому же обѣщанію не покушаться на цѣлость сербской территоріи, каковое было дано австрійскимъ правительствомъ въ самомъ началѣ конфликта (въ разговорѣ Берхтольда съ кн. Кудашевымъ 12/25 іюля, Бѣл. Кн., № 18); Германія пытается выставить это какъ уступку. Г. Сазоновъ отвѣтилъ на германское предложеніе требованіемъ, чтобы Австрія признала общеевропейскій характеръ австро-сербскаго вопроса и удалила изъ ультиматума пункты, нарушающіе суверенитетъ Сербіи (Ор. Кн., № 60). 18/31 іюля г. Сазоновъ пошелъ дальше и предложилъ формулу, очень близкую къ предложенной сэромъ Эд. Греемъ (по вопросу о суверенитетѣ): «если Австро-Венгрія, признавая, что австро-сербскій конфликтъ принялъ характеръ европейскаго вопроса, допуститъ, чтобы великія державы разсмотрѣли вопросъ о томъ удовлетвореніи, которое Сербія могла бы дать австро-венгерскому правительству, безъ нанесенія ущерба своимъ правамъ сувереннаго государства и своей независимости» (Ор. Кн., № 67). Несмотря на готовность Австріи вступить въ переговоры, Германія

глiей и передавали въ Вѣну всякое предложенiе, которое давало намъ надежду на возможность мирнаго разрѣшенiя конфликта. Мы даже 30/17 iюля передали англiйское предложенiе въ Вѣну, какъ базисъ переговоровъ, состоящихъ въ томъ, что Австро-Венгрiя будетъ диктовать свои условiя Сербiи послѣ того, какъ она перейдетъ сербскую границу. Мы полагали, что Россiя приметъ это предложенiе.

Въ промежутокъ между 29-го и 30-го iюля получались новыя свѣдѣнiя, подтвердившiя фактъ, что въ Россiи принимаются энергичныя мобилизацiонныя мѣры. Скопленiе войскъ на восточной русской границѣ, объявленiе военнаго положенiя во всѣхъ главныхъ трактахъ западно-русской границы, не допускали никакого сомнѣнiя, что русская мобилизацiя въ полномъ ходу противъ насъ, между тѣмъ всѣ эти мѣры отрицались подъ честнымъ словомъ передъ нашимъ представителемъ въ Петербургѣ [40]).

Болѣе того, еще до полученiя отвѣта изъ Вѣны по поводу англо-германскаго посредничества, тенденцiи и база котораго должны были быть извѣстны въ Петербургѣ, Россiя объявила общую мобилизацiю [41]).

отказалась отъ обсужденiя этой формулы, такъ какъ она уже поспѣшила предъявить Россiи ультиматумъ (Бѣл. Кн., № 121). Ф.-Яговъ заявилъ, что она непрiемлема для Австрiи (Желт. Кн., № 107).

[40]) Нашъ посолъ въ Германiи въ бесѣдѣ съ ф.-Яговымъ, развивавшимъ аналогичныя соображенiя, указалъ, что по достовѣрнымъ свѣдѣнiямъ и въ Германiи принимаются мѣры, направленныя противъ насъ (Ор. Кн., № 158). Берлинскiя газеты опубликовали еще 17/30 iюля свѣдѣнiя, что мобилизацiя объявлена (Ор. Кн., № 61, 62); листки были конфискованы. Однако французскiй министръ-президентъ въ депешѣ 17/30 iюля перечисляетъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ противъ Францiи (Желт. Кн., № 106), принятыхъ начиная съ 12/25 iюля.

[41]) Именно германскiя мѣры, а особенно германскiя угрозы вызвали этотъ шагъ. «Послѣ выступленiя германскаго посла въ Петербургѣ съ заявленiемъ о германской мобилизацiи (наши отношенiя съ Германiей) измѣнились, и его требованiе получило отъ насъ лишь тотъ отвѣтъ, который можетъ дать Великая Держава» (телегр. гр. Бенкендорфа, нашего посла въ Лондонѣ, Ор. Кн., № 64). Также отзывается о нашей мобилизацiи и французскiй посолъ, г. Палеологъ: «Вслѣдствiе общей мобилизацiи Австрiи и мобилизацiонныхъ мѣръ, принимаемыхъ Германiей тайно, но неуклонно въ теченiе 6 дней, отданъ приказъ объ общей мобилизацiи русской армiи, такъ какъ Россiя не можетъ, не подвергаясь величайшей опасности, позволять

Въ теченіе этихъ же дней имѣлъ мѣсто обмѣнъ телеграммъ[42]) между Его Величествомъ и Императоромъ Николаемъ. Въ этихъ телеграммахъ Его Величество обращалъ вниманіе Царя на угрожающій характеръ русской мобилизаціи въ то время, когда еще продолжается его посредническая дѣятельность.

далѣе опережать себя. Въ сущности она принимаетъ лишь военныя мѣры, соотвѣтствующія тѣмъ, кои приняты Германіей» (Желт. Кн., № 118).

[42]) Германское правительство не сочло нужнымъ огласить болѣе раннюю телеграму ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА къ Императору Вильгельму отъ 16/29 іюля. Приводимъ ее здѣсь въ англійскомъ подлинникѣ и переводѣ.

«Германское правительство обнародовало нѣсколько телеграммъ, раннюю телеграмму ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА къ Императору Вильгельмомъ передъ началомъ войны. Въ числѣ таковыхъ, однако, не была напечатана одна телеграмма Его Императорскаго Величества— отъ 16-го іюля 1914 года, заключавшая въ себѣ предложеніе передать возникшій австро-сербскій споръ на разрѣшеніе третейскаго суда въ Гаагѣ.

Такимъ образомъ, въ Германіи, повидимому, желали замолчать сдѣланную Государемъ Императоромъ, за три дня до объявленія намъ Германіею войны, попытку еще этимъ мирнымъ способомъ предотвратить надвигавшееся столкновеніе. Въ виду этого, министерство иностранныхъ дѣлъ уполномочено огласить означенную Высочайшую телеграмму».

«Thanks for your telegram conciliatory and friendly, where as official mesage presented to day by your ambassador to my minister was conveyed in a very different tone. Beg you to explain this divergency. It would be right to give over the austro-servian problem to the Hague conference. Trust in your wisdom and friendship».

Переводъ:

«БЛАГОДАРЮ ЗА ВАШУ ТЕЛЕГРАММУ, ПРИМИРИТЕЛЬНУЮ И ДРУЖЕСТВЕННУЮ. МЕЖДУ ТѢМЪ, ОФИЦІАЛЬНОЕ СООБЩЕНІЕ, ПЕРЕДАННОЕ СЕГОДНЯ ВАШИМЪ ПОСЛОМЪ МОЕМУ МИНИСТРУ, БЫЛО СОВЕРШЕННО ВЪ ДРУГОМЪ ТОНѢ. ПРОШУ ВАСЪ ОБЪЯСНИТЬ ЭТО РАЗНОГЛАСІЕ. БЫЛО БЫ ПРАВИЛЬНЫМЪ ПЕРЕДАТЬ АВСТРО-СЕРБСКІЙ ВОПРОСЪ НА ГААГСКУЮ КОНФЕРЕНЦІЮ. РАЗСЧИТЫВАЮ НА ВАШУ МУДРОСТЬ И ДРУЖБУ».

(«Рѣчь», № 17 отъ 18 января 1915 г. Остальныя Высочайшія телеграммы, равно какъ и отвѣтныя телеграммы имп. Вильгельма, печатаются по тексту, приводимому въ газетѣ «Биржевыя Вѣдомости», № 14624, утрен. вып. 21 января 1915 г.).

Государь Императоръ императору Вильгельму.

18-го іюля 1914 г.

«Отъ всего сердца благодарю васъ за ваши намѣренія, которыя даютъ лучъ надежды, что все еще можетъ кончиться благополучно. Технически невозможно пріостановить наши военныя приготовленія, которыя вызваны были австрійской мобилизаціей.

Мы далеки отъ желанія воевать. И до тѣхъ поръ, пока переговоры съ Австріей относительно Сербіи будутъ продолжаться, Мои войска не позволятъ себѣ ни одного вызывающаго дѣйствія. Въ этомъ Я увѣряю васъ Моимъ честнымъ словомъ.

Я питаю безусловную вѣру въ милость Божью и вѣрю, что ваше выступленіе въ Вѣнѣ увѣнчается успѣхомъ на благо Нашихъ странъ и мира Европы.

Сердечный вашъ НИКОЛАЙ».

Эта телеграмма Царя встрѣтилась со слѣдующей телеграммой Его Величества, отправленной 31 іюля въ 2 часа пополудни.

Императоръ Вильгельмъ Государю Императору.

18-го іюля 1914 г.

«Въ отвѣтъ на Вашъ призывъ къ моей дружбѣ и на Вашу просьбу притти Вамъ на помощь, я предпринялъ посредничество между Вашимъ и австро-венгерскимъ правительствами.

Въ то время, какъ эти дѣйствія съ моей стороны только начинались, Ваши войска были мобилизованы противъ моего союзника—Австро-Венгріи. Въ результатѣ, какъ я уже говорилъ Вамъ, мое вмѣшательство сдѣлалось почти иллюзорнымъ. Тѣмъ не менѣе, я продолжалъ дѣйствовать.

Въ этотъ моментъ я получилъ достовѣрное сообщеніе относительно серьезныхъ военныхъ приготовленій также и на моей восточной границѣ. Такъ какъ я отвѣтственъ за безопас-

ность моего государства, то я счелъ себя вынужденнымъ принять подобныя же мѣры защиты.

Я дошелъ до крайнихъ возможныхъ предѣловъ въ моихъ усиліяхъ сохранить миръ. Не я буду нести отвѣтственность за то ужасное бѣдствіе, которое нынѣ угрожаетъ всему цивилизованному міру.

Даже и теперь зависитъ только отъ Васъ избѣжать его. Никто не угрожаетъ чести и могуществу Россіи, которая можетъ спокойно ожидать послѣдствій моего вмѣшательства. Дружба къ Вамъ и Вашей Имперіи, которая была завѣщана мнѣ моимъ дѣдомъ у смертнаго ложа, всегда была для меня священною, и я былъ вѣренъ Россіи, когда она испытывала затрудненія—въ частности во время Вашей послѣдней войны. Даже и теперь миръ Европы можетъ быть сохраненъ Вами, если Россія рѣшится пріостановить ея военныя мѣропріятія, которыя угрожаютъ Германіи и Австріи.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ».

Раньше чѣмъ эта телеграмма была доставлена по назначенію, мобилизація всѣхъ русскихъ силъ, направленная, очевидно, противъ насъ и объявленная уже 31 іюля пополудни, шла полнымъ ходомъ. Несмотря на это, телеграмма Царя была послана въ тотъ же день, въ два часа пополудни.

Когда извѣстія о всеобщей мобилизаціи въ Россіи достигли Берлина, германскому послу въ Петербургѣ поручено было въ тотъ же день объявить русскому правительству, что Германія объявлена на военномъ положеніи въ противовѣсъ всеобщей русской мобилизаціи арміи и флота, что за этимъ послѣдуетъ и всеобщая мобилизація, если Россія не остановитъ своихъ военныхъ приготовленій противъ Германіи и Австріи въ теченіе 12 часовъ и не сообщитъ объ этомъ Германіи [43]).

Въ то же время императорскій посолъ потребовалъ отвѣта отъ французскаго правительства въ теченіе 18 часовъ по вопросу о нейтралитетѣ Франціи въ случаѣ войны между Россіей и Германіей.

Своей мобилизаціей, угрожавшей нашей безопасности,

---

[43]) Этотъ запросъ есть настоящій ультиматумъ, за неполученіемъ отвѣта на который Германія объявила намъ войну.

Россія, разстроила кропотливый трудъ посредничества европейскихъ кабинетовъ [44]).

Русская мобилизація, относительно серьезности, которой мы никогда не оставляли никакихъ сомнѣній русскому правительству въ связи съ постоянными отрицаніями, ясно показываетъ, что Россія хотѣла войны [45]).

Императорскій посолъ въ Петербургѣ передалъ г. Сазонову свою ноту 31 іюля въ 12 часовъ ночи.

Отвѣтъ русскаго правительства до насъ не дошелъ.

По истеченіи двухъ часовъ ультимативнаго срока, Царь телеграфировалъ Его Величеству:

Государь Императоръ Императору Вильгельму.

19-го іюля 1914 г.

«Я получилъ вашу телеграмму. Я понимаю что вы вынуждены были мобилизоваться, но Я долженъ имѣть отъ васъ такую же гарантію, какую Я вамъ далъ, а именно, что эти мѣропріятія еще не обозначаютъ войны и что Мы будемъ продолжать Наши труды для избѣжанія войны между Нашими странами и для всеобщаго мира, который такъ дорогъ Нашимъ сердцамъ.

Наша долгая и испытанная дружба должна, съ Божьею

---

44) Въ дѣйствительности Германія своимъ ультиматумомъ, а также и всей своей политикой разстроила дипломатическую работу. 31/18 іюля австро-венгерскій посолъ заявилъ г. Сазонову, что его правительство готово обсуждать австрійскій ультиматумъ Сербіи по существу (Бѣл. Кн., № 133); тоже заявилъ австрійскій посолъ въ Парижѣ (Ор. Кн., № 73). Въ Берлинѣ было получено заявленіе австр. правительства о готовности его принять англійское предложеніе о посредничествѣ, несмотря на измѣненіе положенія, внесенное русской мобилизаціей. Такимъ образомъ, главное затрудненіе—непримиримость наиболѣе заинтересованной державы Австро-Венгріи — отпадало. Общая мобилизація Россіи стала извѣстной въ Вѣнѣ утромъ 18/31 іюля, однако, это извѣстіе не помѣшало Австріи идти на уступки. Тѣмъ не менѣе Берлинъ предпочелъ вести дѣло Австріи самъ, не спрашиваясь мнѣнія союзницы.

45) О значеніи и причинахъ русской мобилизаціи см. примѣч. 41. Эта фраза вообще могла бы быть вѣрна, если замѣнить слова «Россія», «русскій»—словами «Германія» и «германскій».

помощью, помочь Намъ избѣгнуть этого кровопролитія. Я съ вѣрою ожидаю вашего отвѣта.

НИКОЛАЙ».

На эту телеграмму Его Величество отвѣтилъ:

Императоръ Вильгельмъ Государю Императору.

Берлинъ, 19-го іюля.

«Благодарю Васъ за телеграмму. Я указалъ вчера Вашему правительству единственный способъ, при которомъ война можетъ быть избѣгнута. Хотя я спрашивалъ въ полдень объ отвѣтѣ, никакой телеграммы отъ моего посла, содержащей въ себѣ отвѣтъ Вашего правительства, мною не получено. Вслѣдствіе этого я вынужденъ былъ мобилизовать мою армію. Безотлагательный, ясный и недвусмысленный отвѣтъ Вашего правительства—единственное средство предотвратить неизмѣримое бѣдствіе. До тѣхъ поръ, пока я получу этотъ отвѣтъ, къ моему глубокому сожалѣнію, не представляется возможнымъ коснуться предмета, затронутаго въ Вашей телеграммѣ. Я долженъ просить Васъ категорически отдать приказаніе Вашимъ войскамъ безъ промедленія не дѣлать самаго незначительнаго давленія на наши границы.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ».

Вслѣдствіе отсутствія отвѣта Россіи къ данному ей сроку, императоръ отдалъ приказъ о мобилизаціи всей арміи и флота 1-го августа, въ 5 час. пополудни.

Германскому послу въ Петербургѣ, въ случаѣ не полученія удовлетворительнаго отвѣта отъ русскаго правительства къ назначенному сроку, поручено было заявить, что мы по отклоненіи нашихъ требованій считаемъ себя въ состояніи войны.

Однако, еще до полученія подтвержденія объ исполненіи этого порученія, 1-го августа пополудни, въ то время, когда была послана вышеуказанная телеграмма Царя, русскія войска перешли нашу границу и вступили на нашу территорію [46]).

[46]) Отсутствіе указаній на мѣстности, гдѣ якобы произошелъ этотъ переходъ границы,—лучшее доказательство несостоятельности этого обвиненія.

Такимъ образомъ войну съ нами начала Россія.

Тѣмъ временемъ императорскій посолъ въ Парижѣ, предложилъ нашъ вопросъ французскому кабинету, 31-го іюля въ 7 час. пополудни.

Французскій министръ-президентъ далъ 1-го августа въ 1 ч. пополудни двусмысленный и неудовлетворительный отвѣтъ[47]), оставившій позицію Франціи невыясненной, т. к. ограничился заявленіемъ, что Франція будетъ дѣйствовать согласно своимъ интересамъ. Спустя нѣсколько часовъ въ 5 час. пополудни, объявлена была мобилизація всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Франціи. На слѣдующее утро Франція начала военныя дѣйствія[48]).

---

[47]) Г. Вивіани говоритъ по поводу этого отвѣта: «Правительство республики обязано отчетомъ въ своихъ намѣреніяхъ лишь предъ своей союзницей» (Желт. Кн., № 117).

[48]) Это утвержденіе совершенно ложно. Извѣстіе о французскихъ летчикахъ, приводимое въ германской нотѣ объ объявленіи войны съ Франціей, правильно названо г. Вивіани «жалкимъ измышленіемъ». Нѣмецкіе патрули переходили французскую границу еще 16/29 іюля; 20 іюля/2 августа нѣмецкія войска вступили на французскую территорію и производили тамъ акты насилія (Желт. Кн., №№ 106, 139).

ПОДЛИННЫЯ
ТЕЛЕГРАММЫ И НОТЫ.

Австро-Венгерская нота Сербіи, представленная въ Бѣлградѣ 23 іюля.

18 (31) марта 1909 г. Сербскій Посланникъ въ Вѣнѣ сдѣлалъ по приказанію своего Правительства Императорскому и Королевскому Правительству слѣдующее заявленіе:

«Сербія признаетъ, что права ея не были затронуты совершившимся фактомъ, созданнымъ въ Босніи и Герцеговинѣ, и что, слѣдовательно, она будетъ сообразоваться съ тѣми рѣшеніями, которыя будутъ приняты державами по отношенію къ ст. 25 Берлинскаго трактата.

Подчиняясь совѣтамъ великихъ державъ, Сербія обязуется впредь отказаться отъ того положенія протеста и оппозиціи по вопросу объ аннексіи, которое она занимала съ прошлой осени и обязуется кромѣ того измѣнить курсъ своей настоящей политики по отношенію къ Австро-Венгріи, чтобы впредь поддерживать съ названной державой добрососѣдскія отношенія».

Между тѣмъ исторія послѣднихъ лѣтъ и въ частности прискорбное событіе 15 іюня доказали существованіе въ Сербіи революціоннаго движенія, имѣющаго цѣлью отторгнуть отъ австро-венгерской монархіи нѣкоторыя части ея территоріи.

Движеніе это, зародившееся на глазахъ у сербскаго правительства, въ концѣ концовъ дошло до того, что стало проявляться за предѣлами территоріи королевства въ актахъ терроризма, въ серіи покушеній и въ убійствахъ. Королевское сербское правительство не только не выполнило формальныхъ обязательствъ, заключающихся въ деклараціи 18 (31) марта 1909 г., но даже не приняло никакихъ мѣръ, чтобы подавить это движеніе.

Оно допускало преступную дѣятельность различныхъ обществъ и организацій, направленную противъ монархіи, распущенный тонъ въ печати, прославленіе виновниковъ покушенія, участіе офицеровъ и чиновниковъ въ революціонныхъ выступленіяхъ, вредную пропаганду въ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ, оно допускаетъ всѣ манифестаціи, которыя могли возбудить въ сербскомъ населеніи ненависть къ монархіи и презрѣніе къ ея установленіямъ.

Эта преступная терпимость королевскаго сербскаго правительства не прекратилась даже въ моментъ, когда событія 15 прошлаго іюня показали всему міру ея прискорбныя послѣдствія. Изъ показаній и признаній виновниковъ преступнаго покушенія 15 іюня явствуетъ, что сараевское убійство было подготовлено въ Бѣлградѣ, что оружіе и взрывчатыя вещества, которыми были снабжены убійцы, были доставлены имъ сербскими офицерами и чиновниками, входящими въ составъ Народной Одбраны, и что, наконецъ, переѣздъ преступниковъ съ оружіемъ въ Боснію былъ организованъ и осуществленъ начальствующими лицами сербской пограничной службы.

Указанные результаты разслѣдованія не позволяютъ австро-венгерскому правительству сохранять долѣе то выжидательное и терпѣливое положеніе, которое оно занимало въ теченіе ряда лѣтъ по отношенію къ дѣйствіямъ, намѣчавшимся въ Бѣлградѣ и пропагандировавшимся оттуда въ предѣлахъ территоріи монархіи.

Эти результаты, напротивъ, возлагаютъ на него обязанность положить конецъ пропагандѣ, являющейся постоянной угрозой для спокойствія монархіи. Для достиженія этой цѣли австро-венгерское правительство находится вынужденнымъ просить сербское правительство офиціально заявить, что оно осуждаетъ пропаганду, направленную противъ австро-венгерской монархіи, то есть всю совокупность тенденцій, входящихъ въ составъ этой пропаганды, и что оно обязуется принять всѣ мѣры для подавленія этой преступной и террористической пропаганды.

Дабы придать особо торжественный характеръ этому обязательству, королевское сербское правительство опубликуетъ на первой страницѣ офиціальнаго органа отъ 26—13 іюля нижеслѣдующее заявленіе:

«Королевское сербское правительство осуждаетъ пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи, то есть совокупность тенденцій, имѣющихъ конечной цѣлью отторженіе отъ австро-венгерской монархіи частей ея территоріи, и искренно сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствіяхъ этихъ преступныхъ дѣйствій.

Королевское правительство сожалѣетъ, что сербскіе офицеры и чиновники сербскіе участвовали въ вышеупомянутой пропагандѣ и скомпрометировали такимъ образомъ тѣ добрососѣдскія отношенія, поддерживать которыя королевское правительство торжественно обязалось въ своей декларацiи, отъ 18 (31) марта 1909 года.

Королевское правительство, порицая также дѣйствія населенія нѣкоторой части Австро-Венгріи, считаетъ своимъ долгомъ формально предупредить офицеровъ и чиновниковъ и все населеніе королевства, что отнынѣ оно будетъ принимать самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, которыя правительство всѣми силами будетъ предупреждать и подавлять».

Это заявленіе будетъ немедленно объявлено войскамъ приказомъ Его Величества Короля по арміи и будетъ опубликовано въ въ офиціальномъ военномъ органѣ.

Королевское правительство, кромѣ того, обязуется:

1) Не допускать никакія публикаціи, возбуждающія ненависть и презрѣніе къ монархіи и проникнутыя общей тенденціей, направленной противъ ея территоріальныхъ неприкосновенности.

2) Немедленно закрыть общество, называемое «Народная Одбрана», конфисковать всѣ средства пропаганды этого общества и принять тѣ же мѣры противъ другихъ обществъ и учрежденій въ Сербіи, занимающихся пропагандой противъ австро-венгерской монархіи. Королевское правительство приметъ необходимыя мѣры, чтобы воспрепятствовать образованію вновь такихъ обществъ.

3) Незамедлительно исключить изъ дѣйствующихъ въ Сербіи программъ учебныхъ заведеній, какъ въ отношеніи личнаго состава учащихъ, такъ и въ отношеніи способовъ обученія, все то, что служитъ или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгріи.

4) Удалить съ военной и административной службы во-

обще всѣхъ офицеровъ и должностныхъ лицъ, виновныхъ по отношенію къ австро-венгерской монархіи, имена которыхъ австро-венгерское правительство оставляетъ за собою право сообщить сербскому правительству, вмѣстѣ съ указаніемъ совершенныхъ ими дѣяній.

5) Допустить сотрудничество въ Сербіи австро-венгерскихъ органовъ въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія, направленнаго противъ территоріальной неприкосновенности монархіи.

6) Произвести судебное разслѣдованіе противъ участниковъ заговора 15 іюня, находящихся на сербской территоріи, причемъ лица, командированныя австро-венгерскимъ правительствомъ, примутъ участіе въ розыскахъ, вызываемыхъ этимъ разслѣдованіемъ.

7) Срочно арестовать маіора Воя Танкосича и нѣкоего Милана Цигановича, чиновника сербской государственной службы, скомпрометированнаго результатами сараевскаго разслѣдованія.

8) Принять дѣйствительныя мѣры къ воспрепятствованію оказанія содѣйствія сербскими властями въ незаконной торговлѣ оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу и уволить и подвергнуть также суровому наказанію чиновъ пограничной службы въ Шабацѣ и Лозницѣ, виновныхъ въ томъ, что оказали содѣйствіе руководителямъ сараевскаго покушенія, облегчивъ имъ переѣздъ черезъ границу.

9) Дать австро-венгерскому правительству объясненіе по поводу совершенно не могущихъ быть оправданными заявленій высшихъ сербскихъ чиновъ какъ въ Сербіи, такъ и за границей, которые, несмотря на занимаемое ими официальное положеніе, позволили себѣ послѣ покушенія 15 іюня высказываться въ интервью во враждебномъ по отношенію къ австро-венгерской монархіи тонѣ.

10) Безъ замедленія увѣдомить австро-венгерское правительство объ осуществленіи указанныхъ въ предыдущихъ пунктахъ мѣръ.

Австро-венгерское правительство ожидаетъ отвѣта королевскаго правительства до 6 час. вечера въ субботу 12—25 текущаго мѣсяца.

Приложеніе.

Судебное слѣдствіе, вчиненное Сараевскимъ Трибуналомъ противъ Гавріила Принципа и соучастниковъ по обвиненію въ убійствѣ и соучастіи въ немъ—въ преступленіи, совершенномъ ими сего 28 іюня, пришло пока къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Заговоръ, имѣющій цѣлью убійство Эрцгерцога Франца-Фердинанда, во время его пребыванія въ Сараевѣ, былъ задуманъ въ Бѣлградѣ Гавріиломъ Принципомъ, Неделько Габриновичемъ, нѣкіимъ Миланомъ Цигановичемъ и Трифко Грабецомъ, при содѣйствіи маіора В. Танкосича.

2. Шесть бомбъ и четыре пистолета системы Браунингъ съ зарядами, при помощи коихъ злоумышленники совершили покушеніе, были вручены въ Бѣлградѣ Принципу, Габриновичу и Грабецу нѣкіимъ Миланомъ Цигановичемъ и маіоромъ В. Танкосичемъ.

3. Бомбы—это ручныя гранаты, вышедшія изъ оружейныхъ складовъ сербской арміи въ Крагуевацѣ.

4. Чтобы обезпечить удачу покушенія, Цигановичъ училъ Принципа, Габриновича и Грабеца способу обращенія съ гранатами и давалъ уроки стрѣльбы изъ пистолетовъ Браунингъ Принципу и Грабецу въ лѣсу, около стрѣльбища въ Топчидерѣ.

5. Чтобы дать возможность Принципу, Габриновичу и Грабецу перейти границу Босніи и Герцеговины и пронести туда тайкомъ свою контрабанду оружія, была организована Цигановичемъ тайная система транспортированія.

Благодаря этой организаціи, переправа въ Боснію и Герцеговину злоумышленниковъ и ихъ оружія была совершена капитанами-пограничниками въ Шабацѣ (Р. Половичъ) и въ

Лозницѣ, а также и таможеннымъ чиновникомъ Рудивоемъ Грбицомъ изъ Лозницы при содѣйствіи разныхъ иныхъ лицъ.

Сербскій отвѣтъ.

Представленъ въ Вѣнѣ 25/12 іюня 1914 г.

(Съ австрійскимъ комментаріемъ) [1]).

Королевское сербское правительство получило сообщеніе императорскаго и королевскаго правительства отъ 10-го сего мѣсяца и убѣждено, что его отвѣтъ устранитъ всякое недоразумѣніе, угрожающее испортить добрососѣдскія отношенія между Австро-Венгерской монархіей и королевствомъ сербскимъ.

Королевское правительство сознаетъ, что протесты, заявленные какъ съ трибуны скупщины, такъ и въ сообщеніяхъ и дѣйствіяхъ отвѣтственныхъ представителей государства, протесты, которымъ былъ положенъ конецъ декларацiей сербскаго правительства отъ 18—31 марта 1909 г., не возобновлялись по отношенію къ великой сосѣдней монархіи ни при какихъ случаяхъ и что съ того времени, какъ со стороны смѣнявшихся королевскихъ правительствъ, такъ и со стороны ихъ органовъ не было сдѣлано никакой попытки, имѣвшей цѣлью измѣнить какъ политическое, такъ и юридическое положеніе вещей, созданное въ Босніи и Герцеговинѣ.

Королевское правительство констатируетъ, что въ этомъ отношеніи императорскимъ и королевскимъ правительствомъ не было сдѣлано никакихъ представленій, за исключеніемъ лишь представленія относительно одной учебной книги, на которое императорское и королевское правительство получило совершенно удовлетворительное объясненіе.

Сербія неоднократно давала доказательства своей миролюбивой, и умѣренной политики въ теченіе балканскаго кризиса и лишь благодаря Сербіи и той жертвѣ, которую она принесла, исключительно въ интересахъ европейскаго мира, этотъ миръ былъ сохраненъ.

** Королевское сербское правительство ограничивается кон-

---

[1]) Выдѣленъ звѣздочками (**).

статированіемъ, что со дня объявленія деклараціи отъ 18 марта 1909 года, со стороны сербскаго правительства не было никакой попытки измѣнить положеніе вещей въ Босніи и Герцеговинѣ.

Этимъ она рѣшительно отводитъ основаніе нашей ноты, такъ какъ мы не настаивали на томъ, что она и ея должностныя лица предпринимали официальные шаги въ этомъ направленіи. Наше обвиненіе состоитъ въ томъ, что несмотря на обязательства, принятыя въ цитированной нотѣ, Сербія уклонялась пріостановить движеніе, направленное противъ территоріальной цѣлости монархіи.

Ея обязательства состояли въ измѣненіи ея позиціи и всего направленія ея политики и вступленія въ дружескія и добрососѣдскія отношенія съ Австро-Венгерской монархіей, а не только въ томъ, чтобы не препятствовать нашему обладанію Босніей.**

На королевское правительство не можетъ быть возложена отвѣтственность за манифестаціи частнаго характера, каковыми являются статьи въ газетахъ и мирная работа обществъ— манифестаціи, которыя разсматриваются почти во всѣхъ странахъ, какъ нѣчто обыкновенное, и которыя, въ видѣ общаго правила, стоятъ внѣ официальнаго контроля, тѣмъ болѣе, что королевское правительство во время разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, возникшихъ между Сербіей и Австро-Венгріей, проявило чрезвычайную предупредительность и достигло благодаря этому разрѣшенія большинства этихъ вопросовъ на пользу развитія обѣихъ сосѣднихъ странъ.

** Утвержденіе королевскаго сербскаго правительства, что направленіе прессы и дѣятельность обществъ носитъ частный характеръ и поэтому ускользаетъ отъ государственнаго контроля, стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ учрежденіями современныхъ государствъ и даже съ самыми либеральными законами о печати и обществахъ, которые почти повсюду подчиняютъ общества и прессу извѣстному государственному контролю. Это даже предусматривается сербскими законами. Сербское правительство заслуживаетъ порицанія въ силу того, что оно совершенно уклонилось отъ надзора за печатью и обществами, хотя оно знало, что они враждебно настроены противъ монархіи. **

Вслѣдствіе этого для королевскаго правительства явились

тягостной неожиданностью утвержденія, будто лица изъ сербскаго королевства участвовали въ подготовкѣ покушенія, совершеннаго въ Сараевѣ.

Правительство ожидало, что оно будетъ приглашено къ участію въ разслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ, касающихся этого преступленія, и было готово доказать дѣйствіями полную свою корректность въ дѣлѣ преслѣдованія всѣхъ лицъ, относительно коихъ ему были бы сдѣланы соотвѣтствующія сообщенія.

** Это утвержденіе невѣрно. Сербское праительство было точно освѣдомлено о подозрѣніи, павшемъ на нѣкоторыхъ опредѣленныхъ лицъ. Оно поэтому было обязано въ силу собственныхъ законовъ предпринять добровольное разслѣдованіе этого дѣла. Сербское правительство ничего не сдѣлало въ этомъ направленіи.**

Слѣдуя такимъ образомъ желанію императорскаго и королевскаго правительства, королевское правительство изъявляетъ готовность предать суду всякаго сербскаго подданнаго, не взирая на его положеніе и рангъ, въ соучастіи котораго въ сараевскомъ преступленіи ему были бы предъявлены доказательства.

Въ частности, оно обязывается опубликовать на первой страницѣ официальнаго органа отъ 13—26 іюля нижеслѣдующее заявленіе:

«Королевское сербское правительство осуждаетъ всякую пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи, т. е. всю совокупность тенденцій, стремящихся въ конечной цѣли къ отторженію отъ австро-венгерской монархіи входящихъ въ ея составъ территорій, и искренно сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствіяхъ этихъ преступныхъ дѣйствій».

** Австрійская формула гласитъ: «королевское сербское правительство осуждаетъ пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи».

Измѣненіе требуемой нами деклараціи сербскимъ королевскимъ правительствомъ имѣетъ тотъ смыслъ, что не существуетъ пропаганды, направленной противъ Австро-Венгріи и что сербское правительство о таковой ничего не знаетъ. Эта формула не искренняя и сербское правительство сохраняетъ себѣ для будущаго лазейку: оно-де не отрицало этой деклараціей существованія пропаганды и не признавало ее враж-

дебной монархіи, изъ чего оно выводитъ, что оно въ будущемъ не обязано подавлять пропаганду, подобную настоящей.**

«Королевское правительство сожалѣетъ, что нѣкоторые сербскіе офицеры и чиновники участвовали, согласно сообщенію императорскаго и королевскаго правительства, въ вышеупомянутой пропагандѣ, и такимъ образомъ, скомпрометировали тѣ добрососѣдскія отношенія, поддерживать которыя королевское правительство торжественно обязалось своей декларацiей отъ 18—31 марта 1909 г.

Правительство, которое порицаетъ и отрекается отъ всякой идеи или попытки вмѣшательства въ судьбы жителей какой бы то ни было части Австро-Венгріи, считаетъ своимъ долгомъ формально предупредить офицеровъ, чиновниковъ и все населеніе королевства, что отнынѣ оно будетъ примѣнять самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, къ предотвращенію и подавленію которыхъ сербское правительство приложитъ всѣ усилія. Заявленіе это будетъ объявлено сербской арміи приказомъ, даннымъ отъ имени его величества короля его королевскимъ высочествомъ наслѣдникомъ королевичемъ Александромъ, и будетъ опубликовано въ ближайшемъ номерѣ офиціальнаго военнаго органа».

** Формула, выставленная Австріей, гласитъ:

«Королевское правительство сожалѣетъ, что сербскіе офицеры и чиновники участвовали...»

Итакъ, вмѣстѣ съ этой формулой и дальнѣйшимъ добавленіемъ: «согласно деклараціи императорскаго и королевскаго правительства» сербское правительство преслѣдуетъ вышеуказанную цѣль сохранить въ будущемъ свободу дѣйствій.**

1) Королевское правительство обязывается, кромѣ того, внести въ первый же нормальный созывъ скупщины, въ законъ о печати постановленіе, согласно которому возбужденіе ненависти и презрѣнія къ австро-венгерской монархіи, а равно всѣ публикаціи, общая тенденція которыхъ была бы направлена противъ территоріальной неприкосновеннсти Австро-Венгріи, будетъ подвергаться самымъ суровымъ карамъ.

Правительство обязуется при предстоящемъ въ близкомъ будущемъ пересмотрѣ конституціи, внести въ ст. 22 конституціи измѣненія, предоставляющія возможность конфискаціи вышеупомянутыхъ печатныхъ произведеній, что нынѣ, со-

гласно точному смыслу ст. 22 конституціи, не представляется возможнымъ».

** Австрія требовала:

1) «Не допускать никакія публикаціи, возбуждающія ненависть и презрѣніе къ монархіи и проникнутыя общею тенденціею, направленной противъ ея территоріальной цѣлости».

Мы хотѣли обязать Сербію, чтобы она старалась прекратить въ будущемъ нападки ея прессы.

Вмѣсто этого Сербія предлагаетъ издать законы, которые должны положить конецъ этой пропагандѣ: а) законъ, согласно которому выраженія печати, враждебно настроенныя противъ монархіи, должны быть индивидуально наказуемы. Это не существенное для насъ средство, тѣмъ болѣе, что индивидуальныя преслѣдованія интригъ прессы рѣдко возможны, а при слабомъ примѣненіи этихъ законовъ отдѣльные случаи останутся безнаказанными. Итакъ, это предложеніе не дѣлаетъ никакихъ уступокъ нашимъ требованіямъ и не содержитъ въ себѣ ни малѣйшей гарантіи желаннаго успѣха.

b) Поправка къ 22-й статьѣ конституціи, предусматривающая возможность конфискаціи, тоже не можетъ насъ удовлетворять: ибо существованіе въ Сербіи такого закона для насъ безполезно. Мы вѣдь требуемъ обязательства со стороны сербскаго правительства примѣнять этотъ законъ, а таковое намъ не обѣщано.

Эти предложенія поэтому совершенно неудовлетворительны и уклончивы, такъ какъ намъ не было указано, когда эти законы будутъ изданы. Кромѣ того, если бы эти законы не прошли въ скупщинѣ, все бы осталось по старому, исключая случая возможной отставки правительства. **

2) Правительство не имѣетъ никакихъ доказательствъ, и нота императорскаго и королевскаго правительства ему ихъ не доставляетъ, въ томъ, что общество «Народна Одбрана» и другія подобныя общества совершили о настоящаго времени какое либо преступное дѣяніе этого рода въ лицѣ кого-либо изъ своихъ членовъ.

Тѣмъ не менѣе королевское правительство соглашается на просьбу императорскаго и королевскаго правительства и закроетъ какъ общество «Народна Одбрана», такъ и всякое другое общество, которое стало бы дѣйствовать противъ Австро-Венгріи.

** Пропаганда Народной Одбраны и подчиненныхъ ей обществъ, враждебная монархіи, проникаетъ всю общественную жизнь Сербіи; поэтому совершенно непріемлема оговорка сербскаго правительства, что ему ничего объ этомъ неизвѣстно. Кромѣ того наши требованія не цѣликомъ удовлетворены, ибо мы къ тому же требовали слѣдующее:

«Конфисковать всѣ средства пропаганды этихъ обществъ, дабы предупредить возрожденіе закрытыхъ обществъ подъ другимъ названіемъ и въ другой формѣ».

Въ обоихъ этихъ направленіяхъ бѣлградскій кабинетъ отдѣлывается молчаніемъ, такъ что эта полу-уступка не даетъ намъ никакихъ гарантій въ прекращеніи агитаціи обществъ, враждебной монархіи, главнымъ образомъ Народн. Одбраны.**

3) Королевское сербское правительство обязуется безотлагательно устранить изъ народнаго образованія Сербіи все, что служитъ или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгріи, какъ только императорское и королевское правительство сообщитъ ему факты и доказательства существованія этой пропаганды.

** И тутъ сербское правительство сперва требуетъ доказательства наличности враждебной монархіи пропаганды, имѣющей мѣсто въ сербскихъ государственныхъ школахъ, хотя оно должно знать, что учебники, принятые въ этихъ школахъ содержатъ предосудительный въ этомъ отношеніи матеріалъ и что громадное количество учителей состоятъ членами Народной Одбраны и подчиненныхъ ей обществъ.

Больше того, сербское правительство не исполнило части нашихъ требованій, ибо оно опускаетъ въ текстѣ своего отвѣта выставленное наши прибавленіе: «по отношенію къ преподавательскому персоналу, а также учебнымъ пособіямъ—положеніе ясно указывающее, гдѣ находится въ сербскихъ школахъ корень враждебной монархіи пропаганды.**

4) Королевское правительство равнымъ образомъ изъявляетъ согласіе удалить съ сербской службы лицъ, виновность коихъ въ дѣяніяхъ, направленныхъ противъ территоріальной неприкосновенности австро-венгерской монархіи будетъ доказана судебнымъ разслѣдованіемъ.

Правительство ожидаетъ, что императорское и королевское правительство сообщитъ ему дополнительно имена этихъ офицеровъ и чиновниковъ, равно какъ и свѣдѣнія о совер-

шенныхъ ими дѣяніяхъ, въ цѣляхъ производства вышеуказаннаго разслѣдованія.

** Обѣщая удаленіе съ военной и административной службы офицеровъ и должностныхъ лицъ, виновность коихъ установлена по суду, сербское правительство ограничиваетъ свое согласіе случаями, когда эти лица виновны въ преступленіи, предусмотрѣнномъ законами. Такъ какъ мы требовали удаленія офицеровъ и должностныхъ лицъ благопріятствующихъ пропагандѣ, враждебной монархіи, которая обыкновенно не наказуема въ Сербіи, наши требованія въ этомъ отношеніи не были исполнены.**

5) Королевское правительство, съ своей стороны, должно признаться, что оно не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ смыслѣ и значеніи просьбы императорскаго и королевскаго правительства о томъ, чтобы Сербія обязалась допустить на своей территоріи сотрудничество органа императорскаго и королевскаго правительства, но заявляетъ, что оно допуститъ сотрудничество, соотвѣтствующее нормамъ международнаго права и уголовнаго судопроизводства, равно какъ добрососѣдскимъ отношеніямъ между обоими государствами.

** Международные, а также и уголовные законы ничего общаго не имѣютъ съ этимъ вопросомъ. Это исключительно дѣло государственной полиціи, разрѣшаемое спеціальнымъ соглашеніемъ. Уклончивый отвѣтъ Сербіи поэтому непонятенъ и, принимая во вниманіе ея неопредѣленныя общія формы онъ привелъ бы къ непреодолимымъ трудностямъ.**

6) Королевское правительство, разумѣется, считаетъ своей обязанностью произвести разслѣдованіе относительно дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя могли бы быть замѣшаны въ заговорѣ 15-го іюня и находящихся на территоріи королевства; что касается участія въ этомъ разслѣдованіи агентовъ австро-венгерскихъ властей, которыя были бы откомандированы съ этой цѣлью императорскимъ и королевскимъ правительствомъ, то королевское правительство не можетъ на это согласиться, такъ какъ это было бы нарушеніемъ конституціи и закона объ уголовномъ судопроизводствѣ.

Однако, въ конкретныхъ случаяхъ сообщенія о результатахъ упомянутаго слѣдствія могли бы быть дѣлаемы австро-венгерскимъ органамъ.

** Австрійскія требованія были ясны и недвусмысленны:

1) начать уголовное преслѣдованіе противъ участниковъ преступленія.

2) Соучастіе должностныхъ лицъ, командированныхъ императорскимъ и королевскимъ правительствомъ въ розыскахъ («recherche», розыски въ противоположность судебному слѣдствію, «enquête judiciaire»).

3) Это не значитъ разрѣшить должностнымъ лицамъ, командированнымъ императорскимъ и королевскимъ правительствомъ, участвовать въ сербскомъ официальномъ процессѣ. Эти лица должны были только сотрудничать въ дѣлѣ полицейскихъ розысковъ, имѣющихъ цѣлью собирать и установить матеріалъ для разслѣдованія.

Если сербское правительство насъ въ этомъ пунктѣ не понимаетъ, то это умышленное непониманіе: ибо ему должна быть извѣстна разница между «судебнымъ слѣдствіемъ» и простыми полицейскими розысками; такъ какъ оно желало ускользнуть отъ всякаго контроля разслѣдованія, которое должно было, если бы оно было правильно произведено, обнаружить крайне нежелательныя данныя, такъ какъ сербское правительство не имѣло возможности найти подходящую форму отказа отъ сотрудничества нашихъ должностныхъ лицъ (прецеденты подобнаго полицейскаго вмѣшательства существуютъ въ большомъ количествѣ) оно пытается оправдать свой отказъ ссылкой на невыполнимость нашихъ требованій.**

7) Королевское правительство распорядилось въ самый день врученія ему ноты принять мѣры къ аресту маіора Войслава Танкосича, что же касается Милана Цыгановича, подданнаго австро-венгерской монархіи и состоявшаго до 15-го іюня кандидатомъ на должность въ Управленіи желѣзныхъ дорогъ, то онъ еще не могъ быть допрошенъ.

Королевское правительство обращается къ императорскому и королевскому правительству съ просьбой соблаговолить сообщить въ обычной формѣ и въ возможно непродолжительномъ времени предположенія виновности, равно какъ доказательства виновности, если таковыя имѣются, добытыя до настоящаго времени произведеннымъ въ Сараевѣ слѣдствіемъ для производства дополнительнаго разслѣдованія.

** Этотъ отвѣтъ недобросовѣстенъ. Согласно нашимъ свѣдѣніямъ Цигановичъ по приказу префекта бѣлградской полиціи выѣхалъ черезъ 3 дня послѣ преступленія въ Рибари, послѣ

того, какъ стало извѣстно, что Цыгановичъ участвовалъ въ преступленіи. Прежде всего неправильно, что Цыгановичъ оставилъ сербскую службу 28 іюня. Далѣе мы добавили, что префектъ бѣлградской полиціи, который самъ способствовалъ отъѣзду Цыгановича и который зналъ его мѣстонахожденіе, объявилъ, что лицо по имени Миланъ Цыгановичъ въ Бѣлградѣ не находится.**

8) Сербское правительство усилитъ и расширитъ мѣры, принятыя въ цѣляхъ воспрепятствованія незаконнаго торга оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу. Само собою разумѣется, правительство немедленно распорядится производствомъ разслѣдованія и сурово покараетъ должностныхъ лицъ пограничной службы на линіи Шабацъ—Лозница, нарушившихъ свой долгъ и допустившихъ переѣздъ черезъ границу виновниковъ сараевскаго преступленія.

9) Королевское правительство охотно дастъ объясненіе по поводу заявленій его должностныхъ лицъ, какъ въ Сербіи, такъ и за границей, сдѣланныхъ послѣ покушенія въ интервью и носившихъ, согласно утвержденію императорскаго и королевскаго правительства, враждебный по отношенію къ монархіи характеръ, какъ только императорское и королевское правительство сообщитъ ему инкриминируемыя выдержки изъ этихъ заявленій и докажетъ, что заявленія эти были дѣйствительно сдѣланы должностными лицами; съ своей стороны королевское правительство также озаботится полученіемъ доказательствъ этого факта.

** Королевское сербское правительство должно было знать объ интервью, о которыхъ идетъ рѣчь. Разъ оно требуетъ отъ императорскаго и королевскаго правительства, чтобы оно ему сообщило всѣ детальныя свѣдѣнія о названныхъ интервью и разъ оно оставляетъ за собою право формальнаго разслѣдованія, оно этимъ показываетъ, что у него нѣтъ серьезнаго намѣренія исполнить наше требованіе.**

10) Королевское правительство увѣдомляетъ императорское и королевское правительство о приведеніи въ исполненіе указанныхъ въ предшествующихъ пунктахъ мѣропріятій, поскольку это не сдѣлано уже настоящей нотой, немедленно по воспослѣдованіи распоряженія и осуществленія каждой изъ этихъ мѣръ.

Въ случаѣ, если бы императорское и королевское прави-

тельство не было бы удовлетворено настоящимъ отвѣтомъ, королевское сербское правительство, признавая отвѣчающимъ общимъ интересамъ не спѣшить съ разрѣшеніемъ настоящаго вопроса, готово какъ всегда пойти на мирное соглашеніе или путемъ передачи этого вопроса на рѣшеніе гаагскаго международнаго трибунала или великихъ державъ, участвовавшихъ въ выработкѣ деклараціи, сдѣланной сербскимъ правительствомъ 18—31 марта 1909 года».

Такимъ образомъ вся сербская нота оказывается средствомъ выиграть время.

1-ый документъ.

Циркуляръ канцлера къ Императорскимъ посламъ въ Парижѣ, Лондонѣ и С.-Петербургѣ. 23-го іюля 1914 года.

Опубликованныя австро-венгерскимъ правительствомъ свѣдѣнія относительно обстоятельствъ, сопровождавшихъ убійство австрійскаго наслѣдника и его супруги, совершенно ясно раскрываютъ цѣль пансербской пропаганды, и средства, употребляемыя для достиженія ея. Опубликованные факты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что центръ всѣхъ усилій къ отдѣленію южно-славянскихъ провинцій отъ Австро-Венгріи и присоединенію къ сербскому королевству, надо искать въ Бѣлградѣ, гдѣ эта преступная дѣятельность развивается при попустительствѣ членовъ правительства и арміи.

Слѣды сербскихъ интригъ могутъ быть отмѣчены уже въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ. Пансербскій шовинизмъ особенно ярко проявился во время боснійскаго кризиса. Лишь благодаря чрезвычайной сдержанности и умѣренности австро-венгерскаго правительства и энегичному вмѣшательству державъ, сербская провокація по отношенію къ Австріи не привела къ роковому конфликту.

Сербское правительство обѣщало тогда вести себя добропорядочно, но обѣщанія своего оно не сдержало. На глазахъ, по меньшей мѣрѣ при попустительствѣ официальной Сербіи пансербская пропаганда увеличивалась въ объемѣ и интенсивности; на офиціальную Сербію падаетъ отвѣтственность за послѣднее преступленіе, слѣды котораго ведутъ къ Бѣлграду.

Стало ясно, что несовмѣстимо ни съ достоинствомъ, ни съ чувствомъ самосохраненія Австро-Венгерской монархіи равнодушно смотрѣть на пропаганду по ту сторону границы, постоянно угрожающую безопасности и цѣлости монархіи.

При такомъ положеніи дѣлъ, требованія, предъявленныя австро-венгерскимъ правительствомъ, не могутъ не быть признаны вполнѣ справедливыми. Тѣмъ не менѣе позиція, занятая общественнымъ мнѣніемъ и правительствомъ Сербіи внушаетъ опасенія, что Сербія будетъ уклоняться отъ удовлетворенія австрійскихъ требованій и что она не позволитъ увлечь себя на путь провокаціонной политики по отношенію къ Австро-Венгріи.

Въ такомъ случаѣ Австро-Венгріи, если она не хочетъ окончательно отказаться отъ положенія великой державы, ничего не остается, какъ настаивать передъ сербскимъ правительствомъ на исполненіи ея требованій и, въ случаѣ надобности, заставить его сдѣлать это военными мѣропріятіями, выборъ которыхъ долженъ быть предоставленъ ей самой.

Я прошу Васъ переговорить въ этомъ смыслѣ съ (г. Вивіани, сэромъ Эдуардомъ Греемъ, г. Сазоновымъ) и обратить особенное вниманіе на то, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о вопросѣ, который долженъ быть улаженъ исключительно между Сербіей и Австріей, и локализація котораго должна быть обезпечена всѣми державами. Мы страстно желаемъ локализаціи этого конфликта, ибо всякое вмѣшательство другой державы вслѣдствіе существованія разнообразныхъ союзническихъ отношеній, неминуемо повлекло бы за собою непредвидѣнныя послѣдствія.

Я буду ждать съ нетерпѣніемъ телеграфнаго извѣщенія о ходѣ Вашихъ переговоровъ.

№ 2.

Письмо канцлера къ Германскимъ союзнымъ правительствамъ. Конфиденціально. Берлинъ. 28-го іюля, 1914 года.

Прошу Васъ сдѣлать слѣдующее сообщеніе правительству, при которомъ Вы аккредитованы. Принимая во вниманіе фактъ, сообщенный въ австрійской нотѣ сербскому правительству, не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что преступленіе, жертвой котораго палъ австро-венгерскій наслѣдникъ пре-

стола, подготовлялось въ Сербіи по меньшей мѣрѣ при явномъ попустительствѣ членовъ сербскаго правительства и арміи. Это преступленіе является результатомъ пансербскихъ интригъ, бывшихъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ источникомъ безпокойства для австро-венгерской монархіи и всей Европы.

Пансербскій шовинизмъ особенно ярко проявился во время боснійскаго кризиса. Лишь благодаря чрезвычайной сдержанности и умѣренности австро-венгерскаго правительства и энергичному вмѣшательству державъ, провокація по отношенію къ Австріи въ то время не привела къ конфликту. Сербское правительство обѣщало тогда впредь вести себя добропорядочно, но обѣщанія своего оно не сдержало. На глазахъ своего правительства, по меньшей мѣрѣ при попустительствѣ официіальной Сербіи, пансербская пропаганда увеличилась въ объемѣ и интенсивности. Было бы несовмѣстимо ни съ достоинствомъ, ни съ правомъ самосохраненія, если бы Австрія продолжала равнодушно смотрѣть на интриги по ту сторону границы, постоянно угрожающія безопасности и цѣлости монархіи. При такомъ положеніи дѣлъ требованія, предъявленныя австро-венгерскимъ правительствомъ, не могутъ не быть признаны вполнѣ справедливыми.

Отвѣтъ Сербскаго правительства не требованія, предъявленныя Австро-Венгріей 23-го с. м. черезъ своего представителя въ Бѣлградѣ, показываетъ, что въ Сербіи не склонны измѣнить прежнюю политику и прекратить агитацію. Для Австро-Венгріи, если она не желаетъ отказаться отъ роли великой державы, ничего не остается, какъ настаивать на удовлетвореніи своихъ требованій, хотя бы для этого пришлось прибѣгнуть къ военнымъ мѣрамъ. Нѣкоторые русскіе дѣятели считаютъ активную поддержку Сербіи въ ея конфликтѣ съ Австро-Венгріей вполнѣ существенной задачей Россіи. Что касается европейскаго пожара, какъ результата подобнаго вмѣшательства Россіи, «Новое Время» считаетъ возможнымъ свалить всю отвѣтственность на Германію за то, что она не желаетъ побудить Австро-Венгрію къ уступчивости.

Въ освѣщеніи русской прессы весь вопросъ принимаетъ, такимъ образомъ, совершенно другой оборотъ. Не Австро-Венгрія вызвала конфликтъ съ Сербіей, а сама Сербія своимъ беззастѣнчивымъ потворствомъ пансербскимъ стремленіямъ, даже въ областяхъ австро-венгерской монархіи, угрожаетъ са-

мому существованію ея и создаетъ положеніе вещей, приведшее къ сараевскому гнусному злодѣянію. Если Россія полагаетъ, что она обязана заступиться за Сербію въ этомъ дѣлѣ, то, конечно, она имѣетъ право дѣлать это.

Однако, она должна понять, что тѣмъ самымъ она принимаетъ подъ свою защиту сербскія интриги, имѣющія цѣлью подорвать самое существованіе Австро-Венгерской имперіи, она одна несетъ отвѣтственность—за европейскую войну, могущую разгорѣться изъ австро-сербскаго конфликта, локализовать который желаютъ всѣ великія державы. Эта отвѣтственность Россіи очевидна и пріобрѣтаетъ особенное значеніе послѣ офиціальнаго заявленія графа Берхтольда Россіи, что Австро-Венгрія не намѣревается посягать ни на существованіе Сербскаго королевства, ни на цѣлость его территоріи, а желаетъ лишь гарантировать себя отъ сербскихъ интригъ, угрожающихъ ея существованію.

Позиція имперскаго правительства въ этомъ вопросѣ совершенно ясна. Агитація панславистовъ въ Австро-Венгріи имѣетъ своей цѣлью уничтоженіе Австро-Венгерской монархіи, упраздненіе или ослабленіе Тройственнаго союза и, какъ слѣдствіе, окончательную изоляцію Германской имперіи. Наши собственные интересы заставляютъ насъ поэтому стать на сторону Австро-Венгріи. Долгъ уберечь Европу отъ всеобщей войны, если это возможно, побуждаетъ насъ поддерживать всѣ стремленія, клонящіяся къ локализаціи конфликта; въ интересахъ сохраненія европейскаго мира, мы должны оставаться вѣрными политикѣ, съ успѣхомъ проводившейся нами въ теченіе сорока четырехъ лѣтъ.

Если-бы, однако, вопреки нашимъ ожиданіямъ, благодаря вмѣшательству Россіи—пожаръ распространился, мы какъ вѣрные союзники, должны были бы поддержать сосѣднюю монархію всѣми имѣющимися въ нашемъ распоряженіи средствами. Мы возьмемся за оружіе лишь по принуженію и въ сознаніи, что мы не виновны въ томъ бѣдствіи, которое принесетъ за собою война для всѣхъ народовъ Европы.

№ 3.

Телеграмма императорскаго посла въ Вѣнѣ канцлеру.

24-го іюля 1914 года.

Графъ Берхтольдъ велъ сегодня переговоры съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, дабы подробно и откровенно выяснить ему позицію Австро-Венгріи по отношенію къ Сербіи. Послѣ историческаго обзора событій послѣднихъ лѣтъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что монархія не имѣетъ никакихъ завоевательныхъ стремленій по отношенію къ Сербіи. Австро-Венгрія не покушается на сербскую территорію. Своей нотой она преслѣдовала лишь одну цѣль, а именно: прекращеніе сербскихъ интригъ. Силой обстоятельствъ Австро-Венгрія вынуждена гарантировать себѣ дружескія отношенія Сербіи. Она далека отъ мысли чѣмъ либо нарушить равновѣсіе на Балканахъ. Русскій повѣренный въ дѣлахъ, не имѣя инструкцій изъ С.-Петербурга, принялъ сдѣланное ему сообщеніе къ свѣдѣнію и обѣщалъ немедленно снестись по этому поводу съ Сазоновымъ.

№ 4.

Телеграмма императорскаго посла въ С.-Петербургѣ канцлеру.

24 іюля, 1914 г.

Я только что передалъ содержаніе приказа 592 въ продолжительной бесѣдѣ съ Сазоновымъ. Министръ былъ очень возбужденъ и выставилъ цѣлый рядъ обвиненій противъ Австро-Венгріи. Онъ категорически заявилъ, что Россія ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ допустить, чтобы сербо-австрійскій конфликтъ былъ улаженъ исключительно заинтересованными сторонами.

№ 5.

Телеграмма императорскаго посла въ С.-Петербургѣ.

24-го іюля 1914 года.

Сегодня днемъ австрійскій посолъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ Сазоновымъ. Обѣ стороны вынесли удовлетворительное впечатлѣніе, какъ онѣ мнѣ потомъ сообщили. Увѣреніе посла, что Австрія не преслѣдуетъ никакихъ агресивныхъ цѣлей, а желаетъ лишь добиться, наконецъ, мира на своихъ границахъ, значительно успокоило министра.

№ 6.

Телеграмма императорскаго посла въ С.-Петербургѣ.

25 іюля 1914 года.

Сообщеніе Его Величеству отъ генерала ф.-Хеліуса, состоящаго при Особѣ Царя.

Юнкера сегодня выпущены въ офицеры ранѣе срока. Въ главной квартирѣ царитъ большое возбужденіе противъ поведенія Австро-Венгріи.

Маневры въ Красномъ Селѣ были внезапно прерваны, и полки вернулись къ своимъ стоянкамъ. Маневры отмѣнены. Я вынесъ впечатлѣніе, что дѣлаются серьезныя приготовленія къ мобилизаціи противъ Австріи.

№ 7.

Телеграмма императорскаго посла въ С.-Петербургѣ имперскому канцлеру.

26 іюля 1914 года.

Военный атташе проситъ передать генеральному штабу слѣдующее сообщеніе: «Я не сомнѣваюсь, что объявлена мобилизація въ Кіевѣ и Одессѣ. Относительно Варшавы и Москвы вопросъ не выясненъ, въ другихъ мѣстахъ мобилизація невѣроятна».

№ 8.

Телеграмма императорскаго консульства въ Ковнѣ имперскому канцлеру.

27 іюля 1914 года.

Ковна объявлена на военномъ положеніи.

№ 9.

Телеграмма императорскаго посланника въ率Бернѣ имперскому канцлеру.

27 іюля 1914 года.

Узналъ изъ достовѣрнаго источника, что 14-й французскій корпусъ прервалъ маневры.

№ 10.

Телеграмма имперскаго канцлера императорскому послу въ Лондонѣ.

Срочно. 26 іюля, 1914 года.

Австро-Венгрія офиціально и торжественно заявила въ Петербургѣ, что она не стремится къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ въ Сербіи, что она не покушается на существованіе королевства, а исключительно желаетъ установить мирныя условія сожительства. Согласно полученнымъ здѣсь свѣдѣніямъ, призывъ запасныхъ нѣкоторыхъ категорій ожидается немедленно, а это равносильно мобилизаціи и противъ насъ. Если эти свѣдѣнія вѣрны, мы будемъ вынуждены, вопреки нашему желанію, принять оборонительныя мѣры. Наше желаніе локализовать конфликтъ и сохранить европейскій миръ остается неизмѣннымъ. Мы просимъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ въ Петербургѣ со всей возможной энергіей.

№ 10-a.

Телеграмма имперскаго канцлера императорскому послу въ Парижѣ.

26 іюля, 1914 года.

Послѣ офиціальнаго заявленія Россіи, что Австро-Венгрія не желаетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Сербіи и не покушается на ея существованіе, рѣшеніе вопроса о европейской войнѣ остается въ рукахъ одной Россіи, на которую и падаетъ вся отвѣтственность. Мы полагаемся на Францію, съ которой насъ соединяетъ общее желаніе сохранить миръ въ Европѣ, что она используетъ все свое вліяніе въ Петербургѣ въ пользу мира.

№ 10-b.

Телеграмма имперскаго канцлера императорскому послу въ С.-Петербургѣ.

26 іюля 1914 года.

Послѣ торжественнаго заявленія Австро-Венгріи объ ея территоріальной незаинтересованности, отвѣтственность за

возможное нарушеніе европейскаго мира своимъ вмѣшательствомъ падаетъ исключительно на Россію. Мы еще надѣемся, что Россія не предприметъ ничего, что могло бы серьезно угрожать европейскому миру.

№ 11.

Телеграмма императорскаго посла въ С.-Петербургѣ имперскому канцлеру.

27 іюля 1914 года.

Военный агентъ сообщаетъ о своемъ разговорѣ съ военнымъ министромъ. Сазоновъ просилъ послѣдняго дать мнѣ разъясненія по поводу создавшагося положенія. Военный министръ завѣрилъ меня честнымъ словомъ, что до сихъ поръ приказъ о мобилизаціи не былъ изданъ. Хотя общія приготовленія сдѣланы, ни одинъ запасной еще не призванъ, ни одна лошадь не осматривалась. Если австрійскія войска перейдутъ сербскую границу, то будутъ мобилизованы округа ближайшіе къ Австріи, т. е. Кіевскій, Одесскій, Московскій и Казанскій. Ни при какихъ обстоятельствахъ не будутъ мобилизованы ближайшіе къ Германіи округа: Варшавскій, Виленскій и С.-Петербургскій. Миръ съ Германіей очень желателенъ. На мой вопросъ относительно цѣли мобилизаціи противъ Австріи, онъ пожалъ плечами и сослался на дипломатовъ. Я сказалъ министру, что мы цѣнимъ дружескія намѣренія Россіи, но считаемъ мобилизацію даже противъ Австріи весьма угрожающей.

№ 12.

Телеграмма имперскаго канцлера императорскому послу въ Лондонѣ.

27 іюля 1914 года.

Мы до сихъ поръ ничего не знаемъ о предложеніи сэра Э. Грея созвать въ Лондонѣ конференцію 4-хъ державъ. Мы считаемъ невозможнымъ поставить нашу союзницу въ ея спорѣ съ Сербіей передъ европейскимъ трибуналомъ. Наше посредничество должно ограничиваться предупрежденіемъ опасности австро-русскаго конфликта.

№ 13.

Телеграмма имперскаго канцлера императорскому послу въ Лондонѣ.

25 іюля 1914 года.

Различіе, дѣлаемое сэромъ Э. Греемъ между австро-сербскимъ и австро-русскимъ конфликтомъ совершенно правильно. Мы, какъ и Англія, не желаемъ вмѣшиваться въ первый конфликтъ и какъ раньше, придерживаемся того мнѣнія, что вопросъ этотъ долженъ быть локализованъ при воздержаніи всѣхъ ержавъ отъ вмѣшательства. Въ виду громадной отвѣтственности и серьезности создавшагося положенія, мы надѣемся, что Россія воздержится отъ какихъ бы то ни было шаговъ.

Въ случаѣ австро-русскаго конфликта мы готовы вмѣстѣ съ другими державами взять на себя посредничество между Россіей и Австріей, совершенно независимо отъ нашихъ союзныхъ отношеній къ Австріи.

№ 14.

Телеграмма имперскаго канцлера императорскому послу въ С.-Петербургѣ.

28-го іюля 1914 года.

Мы продолжаемъ прилагать всѣ усилія, чтобы побудить Вѣну разъяснить въ С.-Петербургѣ цѣли и намѣренія Австріи по отношенію къ Сербіи. Объясненія эти должны быть сдѣланы въ формѣ убѣдительной для Россіи и ее удовлетворяющей. То обстоятельство, что война уже объявлена, ничего въ этомъ вопросѣ не мѣняетъ.

№ 15.

Телеграмма имперскаго канцлера императорскому послу въ Лондонѣ.

27 іюля 1914 г.

Мы сразу же сообщили Вѣнѣ предложеніе о посредничествѣ въ томъ смыслѣ, какъ его предлагаетъ сэръ Эдуардъ Грей. Кромѣ того, мы сообщили графу Берхтольду желаніе Сазонова вести непосредственные переговоры съ Вѣной.

№ 16.

Телеграмма императорскаго посла въ Вѣнѣ имперскому канцлеру.

28-го іюля 1914 года.

Графъ Берхтольдъ просилъ меня выразить Вашему Превосходительству благодарность за сообщеніе объ англійскомъ предложеніи о посредничествѣ. Онъ, однако, сообщаетъ, что въ виду открытія военныхъ дѣйствій Сербіей и послѣдовавшаго за этимъ объявленія войны шагъ этотъ представляется запоздалымъ.

№ 17.

Телеграмма имперскаго канцлера императорскому послу въ Парижѣ.

29 іюля 1914 г.

Съ часу на часъ увеличивается число получаемыхъ изъ Франціи свѣдѣній о ея приготовленіяхъ къ войнѣ. Прошу Васъ обратить на это вниманіе французскаго правительства и подчеркнуть, что такія мѣры могутъ вызвать контръ-мѣры съ нашей стороны. Мы вынуждены будемъ объявить военное положеніе (drohende Kriegsgefahr), а это хотя не равносильно мобилизаціи или призыву запасныхъ—все же значительно усугубитъ напряженность положенія. Мы продолжаемъ надѣяться на сохраненіе мира.

№ 18.

Телеграмма военнаго агента въ С.-Петербургѣ Его Величеству.

30-го іюля 1914 г.

Князь Трубецкой, велѣвъ безотлагательно передать Царю телеграмму Вашего Величества, сказалъ мнѣ вчера: «Слава Богу, что получилась телеграмма вашего Императора». Только что онъ сказалъ мнѣ, что телеграмма произвела глубокое впечатлѣніе на Государя, но т. к. мобилизація противъ Австріи объявлена, а Сазоновъ убѣдилъ Его Величество въ невозможности отступленія, Государь выразилъ сожалѣніе, что онъ не можетъ измѣнить создавшееся положеніе. Я сказалъ ему, что

преждевременная мобилизація противъ Австро-Венгріи, которая въ сущности была втянута въ мѣстную войну (вѣдь отвѣтъ Германіи ясенъ) чревата тяжелыми послѣдствіями, что отвѣственность падаетъ на Россію, игнорирующую завѣреніе Австро-Венгріи о ея территоріальной незаинтересованности въ Сербіи. Австро-Венгрія мобилизовалась потивъ Сербіи, а не противъ Россіи, и потому не было никакого основанія для немедленнаго вступленія Россіи. Я прибавилъ затѣмъ, что въ Германіи послѣ ужаснаго сараевскаго преступленія не могутъ понять фразы: «Россія не можетъ покинуть своихъ братьевъ въ Сербіи». Наконецъ, я сказалъ ему, что онъ не долженъ удивляться, если германская армія будетъ мобилизована.

№ 19.

Телеграмма имперскаго канцлера императорскому послу въ Римѣ.

31-го іюля 1914 г.

Мы продолжали вести переговоры съ Россіей и Австріей при помощи прямого обмѣна телеграммами между германскимъ императоромъ и Царемъ, а также съ сэромъ Э. Греемъ. Благодаря объявленной въ Россіи мобилизаціи всѣ наши усилія и старанія оказались совершенно безполезными. Несмотря на успокоительныя завѣренія, Россія принимаетъ противъ насъ столь далеко идущія мѣры, что положеніе становится все болѣе и болѣе угрожающимъ.

№ 20.

Императоръ Вильгельмъ Государю Императору.

15-го іюля 1914 г.

«Съ сильнѣйшимъ душевнымъ безпокойствомъ я освѣдомился о впечатлѣніи, произведенномъ въ Вашей Имперіи выступленіемъ Австро-Венгріи противъ Сербіи. Недобросовѣстная агитація, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ведется

въ Сербіи, привела къ чудовищному покушенію, жертвою котораго палъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Духъ, который привелъ сербовъ къ убійству собственнаго короля и его супруги, живъ въ этой странѣ и до сихъ поръ. Вы, безъ сомнѣнія, согласитесь со мною, что нашъ общій интересъ—Вашъ и мой, такъ же какъ и всѣхъ другихъ монарховъ,—лежитъ въ томъ, чтобы настоять на заслуженномъ наказаніи тѣхъ, кто является морально отвѣтственнымъ за это ужасное преступленіе.

Съ другой стороны, однако, я никоимъ образомъ не игнорирую факта, что Вамъ и Вашему правительству чрезвычайно трудно противостоять выраженіямъ общественнаго мнѣнія. Въ память сердечной дружбы, которая Насъ такъ долго соединяла, я использую все мое вліяніе, чтобы убѣдить Австро-Венгрію вступить на путь лойяльнаго и удовлетворительнаго обмѣна мнѣніями съ Россіей. Я надѣюсь на Ваше содѣйствіе, которое поможетъ мнѣ устранить могущія встрѣтиться на моемъ пути трудности.

Вашъ искреннѣйшій и преданнѣйшій другъ и братъ.

Вильгельмъ».

№ 21.

Государь Императоръ императору Вильгельму.

Петергофскій дворецъ, 16-го іюля 1914 г.

«Я радъ, что Вы вернулись въ Германію. Въ этотъ очень серьезный моментъ Я настойчиво прошу васъ помочь Мнѣ. Позорная война объявлена слабой націи, и Я вполнѣ раздѣляю то негодованіе, которое охватило Россію.

Я предвижу, что очень скоро не въ силахъ буду противостоять тому давленію, которое уже начинается, и что вынужденъ буду принять мѣры, которыя приведутъ къ войнѣ.

Въ видахъ избѣжанія бѣдствій европейской войны, Я прошу, во имя Нашей старой дружбы, васъ сдѣлать все, что вы можете, чтобы удержать вашего союзника отъ дальнѣйшихъ непоправимыхъ шаговъ.

НИКОЛАЙ».

№ 22.

Императоръ Вильгельмъ Государю Императору.

16-го іюля 1914 г.

«Я получилъ Вашу телеграмму и раздѣляю Ваше желаніе сохранить миръ.

Тѣмъ не менѣе, я не могу, какъ и сказалъ въ первой телеграммѣ, признать выступленіе Австро-Венгріи «позорной войной». Австро-Венгрія знаетъ по опыту, что абсолютно нельзя вѣрить обѣщаніямъ Сербіи, пока они существуютъ только на бумагѣ.

На мой взглядъ, дѣйствія Австро-Венгріи должны быть разсматриваемы, какъ стремленіе получить извѣстныя гарантіи въ томъ, что сербскія обѣщанія будутъ полностью осуществлены. Декларація австро-венгерскаго правительства укрѣпила во мнѣ мнѣніе, что Австро-Венгрія не ищетъ какихъ-либо территоріальныхъ пріобрѣтеній за счетъ Сербіи.

Поэтому я думаю, что для Россіи является вполнѣ возможнымъ сохранить во время австро-сербской войны роль зрителя, не вергая Европу въ ужаснѣйшую изъ войнъ, какія когда-либо видѣлъ міръ.

Я вѣрю, что непосредственный обмѣнъ мнѣній между Вашимъ и вѣнскимъ правительствами возможенъ и желателенъ, а тѣмъ временемъ мое правительство, какъ я уже Вамъ телеграфировалъ, употребитъ всѣ усилія содѣйствовать благополучному ихъ исходу.

Естественно, что военныя мѣропріятія со стороны Россіи, которыя Австро-Венгрія можетъ счесть за угрозу по своему адресу, только ускорили бы бѣдствіе, котораго Мы Оба стараемся избѣгнуть, и сдѣлаютъ невозможною мою миссію посредника, которую я поспѣшилъ принять на себя вслѣдствіе Вашего призыва къ моей дружбѣ и помощи.

Вильгельмъ».

№ 23.

Императоръ Вильгельмъ Государю Императору.

17-го іюля 1914 г.

«Мой посолъ получилъ инструкцію обратить вниманіе Вашего правительства на опасности и тяжелыя послѣдствія

мобилизаціи—это то, что я сказалъ Вамъ уже въ послѣдней телеграммѣ.

Австро-Венгрія мобилизовалась только противъ Сербіи и мобилизовала только часть своей арміи. Если Россія, согласно Вашей телеграммѣ и сообщенію Вашего правительства, считаетъ это причиной своей мобилизаціи противъ Австро-Венгріи, то миссія посредника, которую Вы на меня дружественнымъ образомъ возложили и которую я принялъ по Вашей настойчивой просьбѣ, будетъ компрометирована, если не сдѣлается совершенно невозможною.

Вся тяжесть рѣшенія, которое будетъ принято, останется на Васъ, и Вы будете нести отвѣтственность за войну, либо миръ.

Вильгельмъ».

№ 23а.

Государь Императоръ императору Вильгельму.

Петергофъ, 17-го іюля 1914 г.

«Сердечно благодарю васъ за скорый отвѣтъ. Посылаю сегодня вечеромъ Татищева съ Моими инструкціями. Военныя мѣропріятія, которыя сейчасъ принимаются, были начаты уже нѣсколько дней тому назадъ въ цѣляхъ встрѣчныхъ приготовленій противъ австрійскихъ мѣропріятій.

Отъ всего сердца надѣюсь, что эти мѣропріятія не окажутъ вліянія на вашу роль посредника, которую Я высоко цѣню. Намъ нужно ваше энергичное вмѣшательство, дабы Австрія могла войти съ Нами въ извѣстное соглашеніе.

НИКОЛАЙ».

№ 24.

Телеграмма канцлера императорскому послу въ С.-Петербургѣ. 31 іюля 1914 года. Срочно.

Несмотря на то, что переговоры еще продолжаются и мы до сихъ поръ не сдѣлали никакихъ приготовленій къ мобили-

заціи, Россія мобилизовала всю свою армію и флотъ, слѣдовательно, она мобилизовалась и противъ насъ. Вслѣдствіе этого мы вынуждены были ради безопасности страны объявить военное положеніе, что еще не равносильно мобилизаціи. Мобилизація, однако, обязательно послѣуетъ, если въ теченіи 12 часовъ Россія не остановить всѣхъ военныхъ приготовленій противъ насъ и Австріи и не поставитъ насъ объ этомъ въ извѣстность. Сообщите объ этомъ немедленно г. Сазонову и протелеграфируйте часъ сообщенія.

№ 25.

Телеграмма канцлера императорскому послу въ Парижѣ. 31 іюля 1914 года. Срочно.

Россія объявила мобилизацію всей своей арміи и флота, несмотря на то, что мы продолжаемъ еще свое посредничество.

Въ виду этого, мы объявили военное положеніе, за которымъ послѣдуетъ мобилизація, если въ теченіи 12 часовъ Россія не прекратитъ военныхъ приготовленій противъ насъ и Австріи. Мобилизація неминуемо повлечетъ за собою войну. Запросите французское правительство, намѣрено ли остаться нейтральнымъ, въ случаѣ русско-германской войны. Отвѣтъ долженъ послѣдовать въ теченіе 18 часовъ. Телеграфируйте немедленно часъ запроса. Необходима чрезвычайная быстрота дѣйствія.

№ 26.

Телеграмма канцлера императорскому послу въ С.-Петербургѣ. 1 августа, 12 ч. 52 м. дня. Срочно.

Если русское правительство не дастъ удовлетворительнаго отвѣта на наше требованіе, благоволите передать сегодня въ 5 часовъ вечера (по средне-европейскому времени) слѣдующее заявленіе:

Le Gouvernement Impérial s'est efforcé dès les d'ébuts de la crise de la mener à une solution pacifique. Se rendant à un désir qui lui en avait été exprimé par Sa Majesté l'Empereur de Russie, Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne d'accord avec l'Angle-

terre s'était appliqué à accomplir un rôle médiateur auprès des Cabinets de Vienne et de St. Pétersburg, lorsque la Russie, sans en attendre le résultat, procéda à la mobilisation de la totalité de ses forces de terre et de mer. A la suite de cette mesure menaçante motivée par aucun présage militaire de la part de l'Allemagne l'Empire Allemand c'est trouvé vis-à-vis d'un danger grave et imminent. Si le Gouvernement Impérial eût manqué de parer à ce péril, il aurait compromis la sécurité et l'existence même de l'Allemagne. Par conséquent le Gouvernement Allemand se vit forcé de s'adresser au Gouvernement de Sa Majesté l'Empereur de Toutes les Russies en insistant sur la cessation des dits actes militaires. La Russie ayant refusé de faire droit à cette demande et ayant manifesté par ce refus que son action était dirigée contre l'Allemagne, j'ai l'honneur, d'ordre de mon Gouvernement, de faire savoir à Votre Excellence ce qui suit:

Sa Majesté l'Empereur Mon Auguste Souverain au nom de l'Empire, releve le défi et se considèren en état de guerre avec la Russie.

St. Pétersbourg, le 19 Juillet |1 Août 1914.

(signé). F. Pourtalés.

(Переводъ).

Императорское Правительство старалось съ начала кризиса привести его къ мирному разрѣшенію. Идя на встрѣчу пожеланію, выраженному *Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ*, Его Величество Императоръ Германскій въ согласіи съ Англіей прилагалъ старанія къ осуществленію роли посредника между Вѣнскимъ и Петербургскимъ Кабинетами, когда Россія, не дожидаясь ихъ результата, приступила къ мобилизаціи всей совокупности своихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Вслѣдствіе этой угрожающей мѣры, не вызванной никакими военными приготовленіями Германіи, Германская Имперія оказалась передъ серьезной и непосредственной опасностью. Если бы Императорское Правительство не приняло мѣръ къ предотвращенію этой опасности, оно подорвало бы безопасность и самое существованіе Германіи. Германское Правительсво поэтому нашло себя вынужденнымъ обратиться къ Правительству *Его Величества Императора Всероссійскаго*, настаивая на прекращеніи помянутыхъ военныхъ мѣръ. Въ виду того, что Россія отказалась удовлетво-

рить это пожеланіе и выказала этимъ отказомъ, что ея выступленіе направлено противъ Германіи, я имѣю честь, по приказанію моего Правительства, сообщить Вашему Превосходительству нижеслѣдующее: Его Величество Императоръ мой Августѣйшій Повелитель отъ имени Имперіи, принимая вызовъ, считаетъ себя въ состояніи войны съ Россіей.

С.-Петербургъ, 19 Іюля/1 Августа 1914 года.

(Подп.) *Ф. Пурталесъ.*

Увѣдомьте срочной телеграммой о полученіи, а также о часѣ исполненія этой инструкціи по русскому времени.

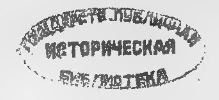
Потребуйте свои паспорта и передайте охрану интересовъ и дѣла Американскому посольству.

№ 27.

Телеграмма императорскаго посла въ Парижѣ канцлеру. 1 августа, 1 ч. 5 мин. дня.

На мой вторичный окончательный запросъ, сохранитъ ли Франція нейтралитетъ въ случаѣ русско-германской войны, премьеръ-министръ отвѣтилъ мнѣ, что Франція поступитъ такъ, какъ ей повелѣваютъ ея интересы.

Центральное Бюро и Редакція
ИЗДАТЕЛЬСТВА
„БИБЛІОТЕКА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ“.

Контора и главный складъ
ПЕТРОГРАДЪ,
Невскій пр., д. № 60, кв. 11.
(Прот. Аничкова Дворца).
Тел. 267-30.

М. Г.

Великая война нашихъ дней уже вызвала появленіе значительной литературы, какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи. Наше издательство потому поставило своей цѣлью изданіе интереснѣйшихъ новинокъ, отнюдь не лубочнаго характера, а лишь серьезныхъ работъ извѣстныхъ авторовъ, пользующихся широкой популярностью во всей Европѣ. Однако, «Библіотека Великой войны» не ограничивается этой задачей: мы организовали центральное Бюро для распространенія при помощи нашего широко разбросаннаго по всей Россіи *аппарата агентовъ* всевозможныхъ изданій, касающихся Великой Войны, какъ-то: книгъ и брошюръ, географическихъ и т. п. картъ, рисунковъ и открытокъ и пр. Мы, конечно, беремъ на себя распространеніе лишь вполнѣ серьезныхъ изданій, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, отмѣченныхъ прессою.

Мы предлагаемъ какъ издательскимъ фирмамъ, такъ и частнымъ лицамъ, наше содѣйствіе по распространенію ихъ изданій на весьма выгодныхъ условіяхъ.

Мы будемъ крайне благодарны Вамъ, М. Г., если Вы благоволите прислать намъ извѣщеніе объ изданныхъ Вами и намѣченныхъ къ изданію произведеніяхъ и указать условія, на которыхъ Вы согласились бы съ нами работать.

Съ почтеніемъ

Центральное Бюро Изд-ства

«Библіотека Великой Войны».

Ц. 1 р. 25 к.

КОМИТЕТЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ УЧЕНЫХЪ:

Вейсъ, Андлеръ, Бедье, Лансонъ, Гадамаръ, Э. Дюркгеймъ и Э. Дени.

Бергсонъ, Бутру, Сеньебосъ.

КТО ХОТѢЛЪ ВОЙНЫ?

Ц. 60 к.

Изданіе „Библіотеки Великой Войны".

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Невскій проспектъ 60, кв. 11.

Типографія Петр. Т-ва Печ. и Изд. дѣла «Трудъ». Кавалергардская. 40.

